

Мф

МИР ФАНТАСТИКИ

УРСУЛА
ЛЕ ГУИН

Толкователи

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Хайнский цикл

Урсула Ле Гуин
Толкователи (сборник)

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Ле Гуин У.

Толкователи (сборник) / У. Ле Гуин — «Азбука-Аттикус»,
— (Хайнский цикл)

ISBN 978-5-389-12373-1

Этот сборник – еще несколько миров-жемчужин из ожерелья планет Экумены, из прославленного Хайнского цикла, созданного непревзойденным фантастом-демиургом. В представленных здесь произведениях Ле Гуин углубленно исследовала темы футуристического рабства («Четыре пути к прощению» и «Музыка Былого и рабыни»), ускорения технического прогресса ценой гибели традиционных культур («Толкователи»), упадка самоизолирующихся цивилизаций («Одиночество») и ряд других, не менее важных и интересных. Романы «Четыре пути к прощению» и «Толкователи», а также рассказы «Законы гор» и «День рождения мира» удостоены премии «Локус». Рассказ «День прощения» – мемориальной премии Теодора Старджона и премии читателей журнала «Азимов», рассказ «Одиночество» – премии «Небьюла».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-12373-1

© Ле Гуин У.
© Азбука-Аттикус

Содержание

Четыре пути к прощению	7
Предательства	7
День прощения	31
Муж рода	71
Освобождение женщины	105
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Урсула Ле Гуин

Толкователи

Ursula K. Le Guin
FOUR WAYS TO FORGIVENESS
OLD MUSIC AND THE SLAVE WOMAN
THE TELLING
SOLITUDE
THE MATTER OF SEGGRI
UNCHOSEN LOVE
MOUNTAIN WAYS
THE BIRTHDAY OF THE WORLD

Copyright © Ursula K. Le Guin. All rights reserved.

This edition published by arrangement with Curtis Brown, Ltd. and Synopsis Literary

Agency

Иллюстрации и иллюстрация на обложке Сергея Григорьева

© В. Старожилец, перевод, 2016

© И. Тогоева, перевод, 2016

© С. Трофимов, перевод, 2016

© О. Васант, перевод, 2016

© И. Гурова (наследник), перевод, 2016

© И. Полоцк (наследники), перевод, 2016

© А. Новиков, перевод, 2016

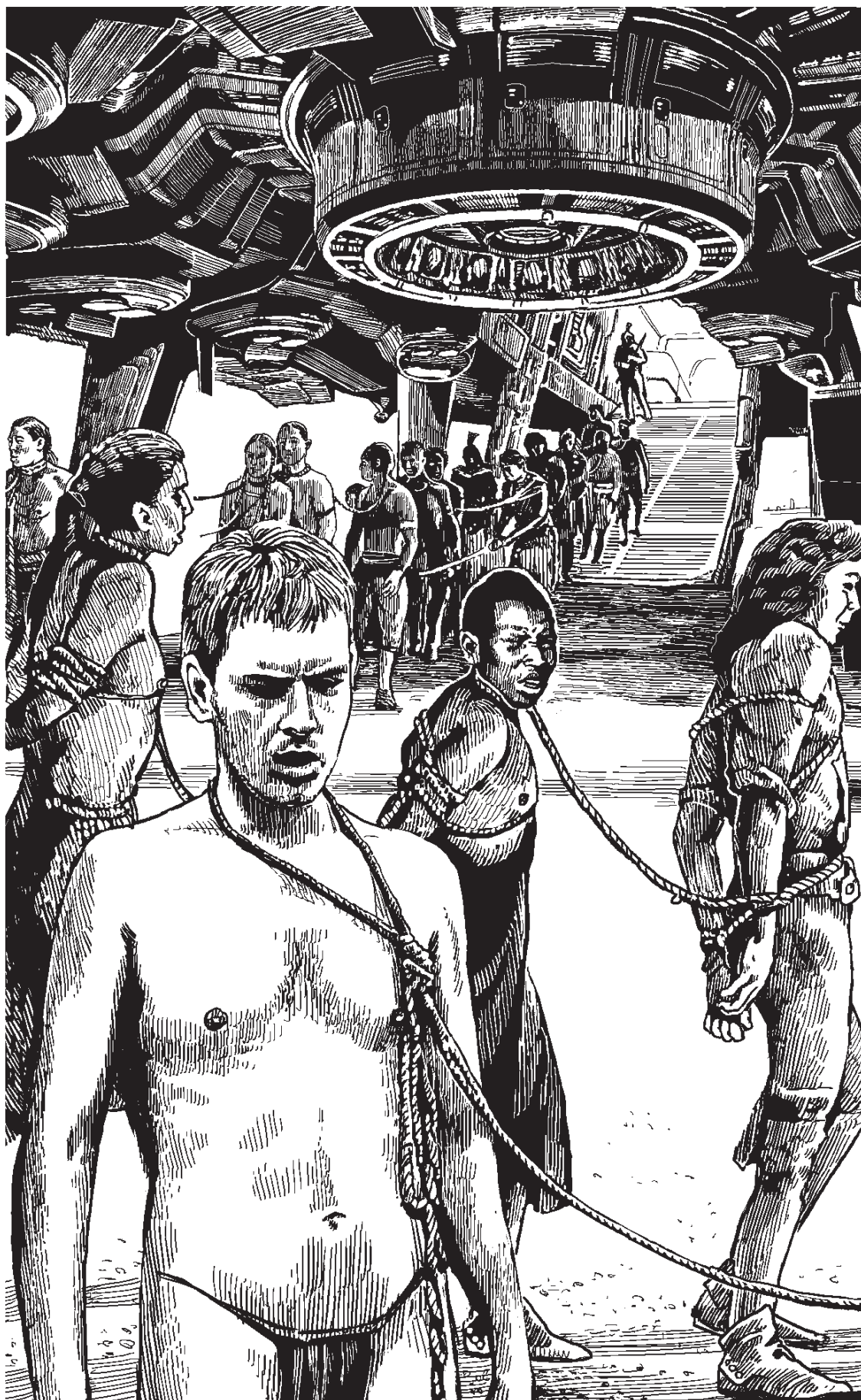
© Д. Смушкович, перевод, 2016

© С. Григорьев, иллюстрации, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Четыре пути к прощению

Предательства

«На планете О не было войн в течение последних пяти тысяч лет, а на Гезене войн не знали вообще никогда», — прочла она и отложила книгу, чтобы дать отдых глазам. К тому же последнее время она приучала себя читать медленно, вдумчиво, а не глотать текст кусками, как Тикули, всегда моментально сжиравший все, что было в миске. «Войн не знали вообще» — эти слова вспыхнули яркой звездой в ее мозгу, но тут же погасли, растворившись в беспросветных глубинах скептицизма. Что же это за мир такой, который никогда не видел

войн? Настоящий мир. Настоящая жизнь, когда можно спокойно работать, учиться и растить детей, которые, в свою очередь, тоже смогут спокойно, мирно учиться и работать. Война же, не позволяющая работать, учиться и воспитывать детей, была отрицанием, отречением от жизни. «Но мой народ, – подумала Йосс, – умеет только отрекаться. Мы рождаемся уже в мрачной тени, отбрасываемой войной, и всю жизнь только и делаем, что гоняемся за миражами, изгнав мир из дома и своих сердец. Все, что мы умеем, – это сражаться. Единственное, что способно примирить нас с жизнью, – наш самообман: мы не желаем признаваться себе, что война идет, и отрекаемся от нее тоже. Отрицание отрицания, тень тени. Двойной самообман».

На страницы лежащей на коленях книги упала тень от тучи, ползущей со стороны болот. Йосс вздохнула и прикрыла веки. «Я лгунья», – сказала она сама себе. Потом снова открыла глаза и стала читать дальше о таких далеких, но таких настоящих мирах.

Тикули, который дремал, обвернувшись хвостом, на солнышке, вздохнул, словно передразнивал хозяйку, и почесался, сгоняя приснившуюся блоху. Губу охотился; об этом свидетельствовали качающиеся то там, то сям макушки тростника и вспорхнувшая, возмущенно кудахтающая тростниковая курочка.

Йосс настолько погрузилась в весьма своеобразные обычаи народов Итча, что заметила Ваду лишь тогда, когда он сам открыл калитку и вошел во двор.

– О, ты уже пришел! – всполошилась она, сразу ощутив себя старой, глупой и робкой (как всегда, стоило кому-то заговорить с ней; наедине с собой она ощущала себя старой, лишь когда была больна или очень уставала). Может быть, то, что она выбрала уединенный образ жизни, стало самым разумным решением в ее жизни. – Пойдем в дом.

Она встала, уронив книгу, подобрала ее и почувствовала, что узел волос вот-вот рассыплется.

– Я только возьму сумку и сразу пойду.

– Можете не торопиться, – успокоил ее юноша. – Эйд немного опоздает.

«Очень мило с твоей стороны позволить мне в моем собственном доме собраться не спеша», – мысленно вспыхнула Йосс, но промолчала, сдавшись пред чудовищным обаянием юношеского эгоизма. Она зашла в дом, взяла сумку для покупок, распустила волосы, повязала голову шарфом и вышла на небольшую открытую веранду, служившую одновременно крыльцом. Вада, сидевший в ее кресле, при виде Йосс вскочил. «Он хороший мальчик, – подумала она. – Пожалуй, воспитан даже лучше, чем его девушка».

– Желаю приятно провести время, – сказала она вслух с улыбкой, прекрасно понимая, что этим смущает его. – Я вернусь через пару часов, но до заката.

Она вышла за калитку и побрела по деревянным мосткам, извивавшимся по болоту, к деревне.

Эйд она не встретила. Девушка придет по одной из тропок в трясине с северной стороны. Они с Вадой всегда уходят из деревни в разное время и в разном направлении, чтобы никто не догадался, что раз в неделю они на пару часов встречаются. Их роман длился уже около трех лет, но они вынуждены были встречаться тайно до тех пор, пока отец Вады и старший брат Эйд не придут к согласию в старинной склоке о спорном отрезке земли, оставшемся не у дел от некогда тучных пашен корпорации. Этот крохотный островок в болоте сделал семьи смертельными врагами, и несколько раз уже почти чудом удавалось избежать кровопролития. Однако, несмотря ни на что, их младшие отпрыски по уши влюбились друг в друга. Земля была хорошей. А семьи, хоть и были бедны, обе стремились верховодить в деревне. Зависть не лечится. И ненависть тоже: все деревенские разделились на два лагеря. Ваде с Эйд даже и сбежать-то оказалось некуда: в других деревнях родственников они не имели, а для того чтобы выжить в городе, надо хоть что-то уметь. Их юная страсть попала в тиски вражды стариков.

Йосс случайно узнала их секрет с год назад: однажды, гуляя, по обыкновению, в тростниках, она наткнулась на маленький островок и лежащую в объятиях друг друга прямо на земле парочку; как-то раз она точно так же набрела на болотных оленят, притаившихся в травяном гнездышке, устроенном матерью-оленихой. Эти двое были так же смертельно перепуганы и так же очаровательны и стали умолять Йосс никому не говорить так смиренно и униженно, что у нее не оставалось другого выхода. Трясаясь от холода, они цеплялись друг за друга, как дети; ноги Эйд были в болотной грязи.

– Пойдемте ко мне, – сухо сказала Йосс. – Ради всего святого.

И, развернувшись, пошла прочь. Парочка последовала за ней.

– Я вернусь через час, – так же сухо сообщила она, приведя их в свою единственную комнату с альковом для кровати. – Только простыни не пачкайте!

Этот час она кружила вокруг дома, проверяя, не ищет ли их кто-нибудь. Теперь же, год спустя, в то время как «оленьята» наслаждаются любовью в ее крохотной спальне, она уходит за покупками в деревню.

А вот отблагодарить ее им как-то не приходило в голову. Вада делал торфяные брикеты и запросто мог обеспечить благотельницу топливом, не вызвав ни у кого ни малейших подозрений... Но они ни разу ей даже цветочка не подарили, хоть и оставляли всегда простыни чистыми и даже неизмятыми. Может, они просто были неблагодарными детьми? Да и за что им ее благодарить? Она всего-навсего дала им то, что они и так должны были иметь по праву молодости: постель, часок любви и немного покоя. Тут нет никакой ее заслуги, как, впрочем, и никакой вины в том, что никто другой не предоставил им этого.

Сегодня она собиралась зайти в лавку, которую держал дядя Эйд – деревенский кондитер. Когда Йосс приехала сюда два года назад, ее благие намерения придерживаться праведного воздержания в пище – горсточка зерна и глоток чистой воды в день – пошли прахом: от диеты из сухих круп у нее начался понос, а воду из торфяников было просто невозможно пить. Теперь она ела овощи, какие только удавалось купить или вырастить самой, и пила вино, привозимые из города соки и воду, которую продавали в бутылках. Кроме того, она постоянно пополняла запас сладостей: сушеных фруктов, изюма, жженого сахара и даже пирожных, которые пекли мать и тетка Эйд, – толстых галет, посыпанных толчеными орехами, сухих, ломких, но приторно-сладких.

Йосс набила сумку продуктами и задержалась, чтобы поболтать с теткой Эйд – смуглой, востроглазой маленькой женщиной, которая была вчера на поминках по старому Йаду и горела желанием поделиться впечатлениями.

– Эти люди, – имея в виду семью Вады, тетушка презрительно прищурилась и криво усмехнулась, – как всегда, вели себя по-свински: напились, задирали всех, безбожно хвастались, а потом заблевали всю комнату. Чего еще ждать от такой деревенщины!

Когда Йосс подошла к полке с прессой, чтобы взять свежую газету (вот и еще один нарушенный обет: она клялась читать лишь «Аркамье» и выучить его наизусть), в лавку вошла мать Вады, и все услышали, как «эти люди» (теперь уже семья Эйд) вчера вечером вели себя по-свински, хвастались напропалую, задирали всех и в конце концов заблевали весь дом. Йосс не только слушала – она расспрашивала обо всем до мельчайших подробностей, она буквально купалась в сплетнях.

«Как это глупо, – думала она, – сидеть на отшибе в болоте и молчать, как мышь под метлой! Что за идиоткой я была тогда, когда давала обет пить только воду и не произносить праздных речей. Я никогда, никогда не давала себе воли ни в чем! Я никогда не была свободной, да я и не заслуживаю свободы! Даже в своем преклонном возрасте я не могу отважиться поступать так, как действительно хочу. Даже потеряв Сафнан, я не решилась жить не так, как принято, а как хочется».

Стояли они меж пяти армий враждебных. И Энар, воздев клинок, говорил: «Держу я в руках твою смерть, о всемогущий!» Камье же отвечал: «Бедный мой брат, ты держишь в руках свою смерть».

Хоть что-то из «Аркамье» она помнила наизусть. Но эти строки знали все. А потом Энар отбросил меч, поскольку был героем и благородным, почти святым человеком. И младшим братом Камье. «А я вот не могу отбросить свою смерть. Я вцепилась в нее, я лелею ее, ем ее, пью, слушаю ее, отдаю ей свою постель, оплакиваю ее, делаю все возможное, чтобы она приближалась!»

Закат сегодня был так красив, что Йосс отвлеклась от мрачных мыслей, невольно залюбовавшись: безоблачное серо-голубое небо отражалось в далекой дуге канала, а сажающееся в тростники солнце вызолотило колеблемые легким ветерком тонкие стволы. Чудесный день. Как прекрасен мир, как он прекрасен! «Меч в моей руке обернулся против меня. Зачем ты творишь красоту, чтобы убивать нас ею, Владыка милостивый?»

Сердце билось как сумасшедшее, Йосс еле передвигала ноги. Ну нет уж, хватит! Она туго стянула виски шарфом и несколько раз глубоко вдохнула, чтобы прийти в себя. Если она и дальше себе позволит так распускаться, то вскоре начнет бродить по болотам, в полубреду вопя во все горло – как Абберкам.

Вот ведь дернуло вспомнить об этом сумасшедшем! О черте речь, а он навстречу: не видя ничего перед собой, погруженный в свои мысли, Абберкам шел ей навстречу, стучая своей массивной тростью с такой яростью, словно каждый раз убивал змею. Его лицо обрамляли длинные седые кудри. Сейчас он не кричал – кричит он только по ночам, и то в последнее время нечасто, – сейчас он говорил: она видела, как шевелятся его губы. Но вот он заметил Йосс и умолк, моментально превратившись в того, кем и был на самом деле, – настороженного дикого зверя. Они медленно сближались на узеньких мостках, и вокруг не было ни единой живой души; только тростники, болотная грязь, ветер и вода.

– Добрый вечер, Вождь Абберкам, – мягко сказала Йосс, когда между ними осталось лишь несколько шагов. Каким огромным он был; всякий раз, встречаясь с ним, она не могла привыкнуть к виду его мощного, тяжелого, широкоплечего тела. Его иссиня-черная кожа была гладкой, как у молодого мужчины, но плечи ссутулились, а волосы седым-седы и всклокочены; нос торчал крючком, а глаза всегда смотрели куда-то вдаль.

Да что за день такой неудачный! Мало ей всех сегодняшних переживаний, самобичеваний и тревожных мыслей, так еще и это! Йосс остановилась – теперь Абберкам мог либо остановиться тоже, либо слепо двигаться прямо на нее – и спросила, стараясь казаться спокойной:

– Вы были вчера на поминках?

Старик вперился в нее тяжелым взглядом, словно недоумевая, кто она такая и что ей от него надо.

– Поминки? – переспросил он, как будто вспоминал значение этого слова.

– Вчера похоронили старого Йада. Все перепились, и только чудом их старая сваря не обернулась дракой.

– Сваря? – скорее повторил он, чем спросил. Может, он уже окончательно перестал соображать, но попытаться пробиться к его сознанию все же стоило, и Йосс заговорила, боясь остановиться:

– Сваря между Дэвисами и Камманерами. Они никак не могут поделить тот островок с хорошей пахотной землей. А их бедные дети боятся даже взглянуть друг на друга, чтобы родители не прибили их на месте. А ведь они любят друг друга и хотели бы пожениться. Что за идиотизм! Почему бы в самом деле не поженить их и не отдать им этот паршивый остров? А то, боюсь, того и гляди прольется кровь, и в самом ближайшем времени.

– Прольется кровь... – снова эхом повторил Вождь, а затем глубоким звучным голосом, который не раз разносился над ночными болотами, медленно проговорил: – Эти люди. Лавочники. У них души скряг. Они не хотят никого убивать. Но и делиться не умеют. Оторвать от себя кусок собственности. Никогда не научатся. Никогда.

И вновь перед мысленным взглядом Йосс взметнулся занесенный для удара меч.

– Ну, – пролепетала она, пытаясь справиться с внезапной дрожью, – тогда детям придется ждать, пока... пока старики не поумирают.

– Слишком долго. Будет поздно. – Йосс глянула старику в глаза, и его взгляд, острый и дикий, пригвоздил ее к месту.

Но Абберкам тут же нетерпеливо тряхнул седой гривой, прорычал что-то на прощание и так стремительно ринулся вперед, что она едва успела отскочить на самый краешек мостков. «Вот так ходят вожди, и плевать им на нас, простых смертных», – подумала она с кривой улыбкой и снова двинулась к дому.

Но тут сзади раздались какие-то резкие звуки. Йосс испуганно обернулась, по горькому опыту городской жизни приняв их за выстрелы. Абберкам склонился над мостками, и все его мощное тело сотрясало в пароксизме мучительного, раздиравшего легкие кашля; приступы были настолько сильными, что он едва стоял на ногах. Йосс хорошо знала, что означает такой кашель. Говорят, что пришлые умеют лечить эту болезнь, но она уехала из города до того, как хоть один из них успел появиться там. Она подошла к Абберкаму, который теперь тяжело хватал воздух ртом, пытаясь прийти в себя после приступа. Лицо его было серым, как пепел.

– У вас берлот. Вы только подхватили его или уже поправляетесь?

Старик яростно замотал головой.

Йосс молча ждала ответа.

«А какое мне, собственно говоря, дело до его болезни? Он приехал сюда умирать. Я еще прошлой зимой слышала, как он воет на болотах ночами. Воет от мучительной боли, воет, агонизируя, снедаемый стыдом и отчаянием, как человек на последней стадии рака изводится тем, что все еще жив».

– Все в порядке, – злобно просипел Абберкам, явно желая, чтобы его оставили в покое.

Йосс ничего не оставалось, как кивнуть и уйти. Пусть подышает, ей-то что? Да и могло ли остаться у него хоть малейшее желание жить после того, как он потерял все, что имел: власть, почет, богатство, честь? И потерял за дело: за то, что лгал, предавал своих приверженцев, присваивал чужие деньги! Хотя все политики этим занимаются... Великий Вождь Абберкам, герой Освобождения, уничтоживший Всемирную партию своей бездумной жадностью.

Йосс снова оглянулась. Старик медленно тащился по мосткам, возможно даже покачиваясь, – на таком расстоянии она не могла разглядеть. Мостки кончились, и Йосс ступила на тропинку, ведущую к ее дому.

Триста лет назад эта заболоченная гнилая топь была одним из самых богатых и обширных земледельческих районов; первым, что осушила и возделала Сельскохозяйственная корпорация, а точнее, рабы, привезенные с Уэреда в колонию на Йеове. Уж колонизаторы постарались на чужих-то землях: так хорошо осушали землю, так тщательно обрабатывали, без всякой меры засыпая удобрениями, что доигрались, пока почва окончательно не истощилась и уже ничего не могла родить. И тогда хозяева бросили ее на произвол судьбы и ушли разрабатывать новые участки. Ирригационные каналы стали потихоньку разрушаться, и река вновь начала отвоевывать свои прежние владения: она периодически разливалась, и волны, гуляя по некогда тучным нивам, смывали остатки плодородной почвы и уносили к океану. Теперь здесь росли лишь тростники; на многие мили вокруг – шелестящий лес, покой которого тревожили лишь ветер, бесшумные тени низко скользящих туч да шорох крыльев голе-

настых болотных птиц. Где-то в глубинах его можно было набрести на небольшие островки все еще годной под пашню земли, на крохотные обработанные поля и деревушки рабов, брошенных на произвол судьбы. Никчемные люди на никчемной земле. Свобода на пустошах! Свобода сдохнуть от отчаяния и голода. И везде и повсюду по болотам были раскиданы полуразвалившиеся брошенные дома.

Религия Уэреда и Йеове позволяла и даже настоятельно советовала старикам, достигшим определенного возраста, обратиться к тишине: когда они уже взрастили детей и исполнили свой гражданский и семейный долг, когда тело ослабело, а дух окреп, они были вольны бросить все и начать жизнь сначала, с пустыми руками на пустом месте. Даже на плантациях хозяева старым рабам позволяли уходить в чащобы и жить там свободно. Здесь же, на севере, освобожденные мужчины уходили на болота и вели там отшельнический образ жизни в уединенных ветхих домах. А после Освобождения стали уходить и женщины. Брошенные дома занимать было опасно: хозяин мог однажды вернуться и предъявить права на свое владение. Но большинство сооружений (как и крытый тростником домишко Йосс) принадлежали местным деревенским, которые содержали их в порядке и бесплатно отдавали отшельникам, надеясь исполнить тем самым свой религиозный долг и обогатить если уж не карман, так хотя бы душу. Йосс утешалась мыслью о том, что для хозяина своей развалюхи она является источником духовных благ; он был редким скупердеем, и его расчеты с Провидением всегда склонялись в пользу дебета. Она осознавала, что все еще кому-то нужна и приносит хоть сомнительную, но пользу. И это еще один знак того, что она не способна отрешиться от мира, к чему призывал Камье. «Ты больше ни на что не годишься», – твердил он с тех пор, как ей исполнилось шестьдесят, сотни раз. Но Йосс не желала его слушать. Да, она оставила шумный мир и ушла в болота, но так и не смогла избавиться от него – беспрерывно болтающего, сплетничающего, поющего и плачущего. Этот неумолчный гул заглушал тихий голос ее Господина.

Войдя в дом, она обнаружила, что Эйд с Вадой уже ушли. На аккуратно заправленной постели дремал, свернувшись клубочком, ее лисопес Тикули. Губу, пятнистый кот, бродил с недоуменным видом, вопрошая, почему до сих пор не подали обеда. Йосс взяла его на руки и погладила шелковистую спинку. Кот довольно замурлыкал. Потом она его покормила. Тикули, как ни странно, не обратил на это никакого внимания. В последнее время он вообще слишком много спал. Йосс присела на кровать и почесала у него за ушами. Пес проснулся, зевнул, раскрыл янтарные глаза и, узнав хозяйку, завилял огненно-рыжим хвостом.

– А ты что, есть не хочешь? – спросила она. «Так и быть, поем, но только чтобы доставить тебе удовольствие», – ответил Тикули и спрыгнул с кровати, как ей показалось, не очень ловко.

– Ой, Тикули, да ты у меня стареешь, – сказала Йосс и ощутила в сердце холод вонзившегося меча. Когда же это было? Ее дочь Сафнан принесла матери в подарок маленького неуклюжего рыжего щенка с кривыми лапками и пушистым хвостом. Сколько лет прошло с тех пор? Восемь. Да, много. Для лисопса – вся жизнь.

Но он все же пережил и Сафнан, и ее детей, внуков Йосс, – Энкамму и Уйи.

«Пока я жива, они мертвы, – подумала она в который уже раз. – А когда они оживут, меня уже не будет. Они улетели на корабле, летящем быстро, как луч света; они сами превратились в свет. Когда они вновь станут сами собой и ступят на землю далекого мира под названием Хайн, пройдет восемьдесят лет. И я уже буду мертва. Давно мертва. Я уже мертва. Они оставили меня, и я умерла. Но только пусть они живут, о всемилостивейший; я согласна умереть, лишь бы жили они! Я и приехала сюда умирать. За них. Вместо них. Я не могу, не могу позволить им умереть за меня».

В ее ладонь ткнулся холодный нос Тикули. Йосс внимательно посмотрела на пса. Раньше она не обращала внимания, что его янтарные глаза подернулись мутной пленкой и слегка выцвели. Она молча погладила его по голове и почесала за ухом.

Съел всего несколько кусочков, да и то лишь ради нее, и снова полез на кровать! Может, заболел? Йосс приготовила ужин: суп и пирожные, и машинально сжевала все, не замечая вкуса. Потом помыла три тарелки, подкинула в огонь хворосту и села с книгой в руках, надеясь, что чтение ее отвлечет. Тикули все дремал на кровати, а Губу пристроился у очага, золотистыми глазами глядя на огонь, и тихо тянул свое «мур-мур-мур». Раз он вскочил, услышав в тростниках какой-то подозрительный шум, и издал охотничий вопль, но потом снова улегся и, уставившись на пляшущие языки пламени, завел свою песню. Когда огонь погас и дом под беззвездным небом погрузился во тьму, он присоединился к Йосс и Тикули, уже спящим в теплой постели, на которой сегодня утром два юных любовника отдавали друг другу свою страсть.

Она поймала себя на том, что последние несколько дней неотступно думает об Абберкаме. Все это время она приводила свой огорожок в порядок, готовя его к зиме, и потому голова была свободна.

Когда Вождь впервые появился на болотах и поселился в доме, принадлежавшем старосте, вся деревня загудела, как встревоженный улей. Опозоренный, низложенный, он все равно оставался великим человеком. Избранный всенародно вождем хеендов, одного из сильнейших племен Йеове, и создав и возглавив движение «Расовая свобода», он во время войны за Освобождение достиг огромной популярности. Идеи его Всемирной партии пришлись по душе особенно в сельских местностях, на плантациях: «Никто не имеет права жить в Йеове, кроме его народов: ни уэрелиане, ни ненавистные колонизаторы, ни надсмотрщики, ни хозяева». Война покончила с рабством, и в последующие несколько лет дипломаты из Экумены договорились о полном и бесповоротном окончании экономической зависимости Йеове от Уэрела. Планета перестала быть колонией. Все надсмотрщики и хозяева – некоторые семьи жили здесь по несколько веков – были выдворены на родину, в Старый Мир, вращавшийся вокруг солнца по внешней орбите. Они были вынуждены уйти и увести свою армию. «Они уже не вернуться! – обещала Всемирная партия. – Ни как гости, ни как купцы. Никогда больше им не позволено будет осквернять земли и души Йеове. И никаким другим пришельцам и захватчикам этого не позволят!» Чужаки из Экумены помогали Йеове скинуть цепи рабства, но им тоже пришлось улететь домой. «Это только наш мир. И он свободен. Здесь мы можем укреплять свой дух по заветам Камье-Меченосца». Абберкам повторял эти сентенции везде и всюду, и занесенный меч стал эмблемой Всемирной партии.

А затем полилась кровь. С самого Освобождения в Надами тридцать лет бесконечно шли войны, восстания, мятежи – половина жизни Йосс. И даже после того, как с планеты убрались все уэрелиане, война продолжалась. Снова и снова вырастали, мужали безусые юноши и очертя голову бросались по наущению престарелых вождей убивать друг друга, женщин, детей, стариков; здесь всегда шла война во имя свободы, мира и справедливости. Получившие свободу племена дрались между собою за землю, в то время как их вожди грызлись за власть. Все, что нажила Йосс за долгие годы работы учительницей в столице, пошло прахом, причем даже не во время самой войны за Освобождение, а после нее, когда в городе началась гражданская смута.

Правда, надо отдать должное Абберкаму: несмотря на меч, изображенный на эмблеме, он всеми способами пытался воздерживаться от военных действий, и отчасти это у него получалось. Он предпочитал бороться за власть с помощью убеждения, различными политическими и дипломатическими приемами, на которые был большой мастер, и почти добился успеха. Плакаты с занесенным мечом были расклеены везде и всюду, а речи Вождя на митингах неизменно пользовались большим успехом. «АББЕРКАМ И РАСОВАЯ СВОБОДА!» –

призывали лозунги, протянутые над улицами. Ему оставалось только победить на первых в истории Йеове выборах и стать Вождем Мирового совета. Но тут началось: сначала шепотки, слушки, потом уже открытые обвинения в измене. Потом самоубийство его сына. Затем публичные откровения матери его сына о развратном и не в меру роскошном образе жизни Вождя. А дальше посыпались обвинения в присвоении денег, выделенных его партией на восстановление кварталов столицы, разрушенных во время войны и бегства уэрелиан. Разоблачение тайного плана предательского убийства эмиссара Экумены, с тем чтобы впоследствии свалить вину на старого друга Абберкама и его сторонника Демье... Именно последнее и положило конец его карьере: на сексуальную распущенность, роскошный образ жизни и даже на злоупотребление властью Вождя еще могут посмотреть сквозь пальцы, но предательство старого товарища по партии – такое не прощают.

«Такова уж рабская мораль», – подумала Йосс. Большинство из прежних сторонников ополчились против Абберкама и взяли штурмом его резиденцию. Союзные войска Экумены соединились с частями, оставшимися верными Вождю, и вместе восстановили в столице порядок. За те несколько дней, пока длились беспорядки, в городе погибли сотни людей, а по всей планете жертвы вспыхнувших в поддержку Абберкама мятежей и бунтов исчислялись тысячами. Но потом Экумена встала на сторону временного правительства, вынудив его пойти на уступки в политике по отношению к Уэрелу. И Вождя повели под охраной ненавистных колонизаторов по залитым кровью улицам с полуобвалившимися от разрывов гранат домами. Народ, доверявший ему, обожавший его, ненавидевший его, молча смотрел, как его ведут через весь город под конвоем иностранцы, чужаки, которых он обещал вышвырнуть с планеты.

Йосс прочла обо всем в газете, так как это произошло, когда она уже год как жила на болотах. «И поделом ему!» – подумала она тогда. Действительно ли Экумена стала союзником Йеове или под прикрытием лояльности просто готовит возрождение старых порядков, она не знала, но ей приятно было видеть, как столь высоко вознесшийся Вождь был свергнут с пьедестала. Уэрелианская знать, свалив главу страны, наняла десятки писак, поливавших его грязью. Но Йосс уже досыта наелась грязи за всю свою жизнь.

Когда несколько месяцев спустя ей сообщили, что Абберкам будет жить на болотах недалеко от нее и что он решил стать отшельником, она была потрясена и даже несколько пристыжена, поскольку считала все его пламенные высказывания и призывы лишь обычной политической болтовней. Неужели он в самом деле религиозен? И это после всех грабежей, оргий, убийств? Нет, конечно же нет! Потеряв деньги и власть, он был вынужден устроить весь этот спектакль для отвергнувшего его общества и играть в нем роль нищего и несправедливо униженного. Ни стыда ни совести! Йосс сама удивилась, сколько язвительности и горячей неприязни всколыхнуло в ней известие о его приезде. Когда она в первый раз увидела его, то единственным, что запомнилось тогда, стали огромные ступни с грязными большими пальцами, обутые в сандалии, – посмотреть ему в лицо она из презрения не пожелала.

Однажды зимней ночью с болот донесся леденящий, как пронизывающий ветер, жуткий вой. Губу и Тикули наострили уши, насторожились, но тут же успокоились. Йосс даже не сразу поняла, что эти надрывные звуки исторгает человеческая глотка; был мужчина – пьяный? сумасшедший? – и было в его голосе столько муки и отчаяния, что она, несмотря на страх, отправилась посмотреть, нельзя ли ему помочь. Но он не искал помощи. «О великий всемогущий Камье!» – различила Йосс, выйдя за дверь, и на фоне бледного ночного неба, затянутого мутными облаками, увидела огромную фигуру человека, который шатаясь брел по мосткам, рвал на себе волосы и плакал, словно животное, словно душа, заблудившаяся в боли.

После этой ночи она больше не осмеливалась осуждать его. Они в равном положении. И, встретившись с ним в следующий раз, посмотрела ему в глаза и заговорила с ним.

Видела она его не часто: он действительно жил как отшельник. К нему никто не ходил. Ей жители деревни (ради спасения своей души) отдавали и кое-какие вещи, и излишки каждого урожая, а по праздникам угощали чем-нибудь горячим; но она ни разу не видела, чтобы кто-то нес что-либо Абберкаму. Может, поначалу ему и предлагали, а он оказался слишком гордым, чтобы принимать подавание. А может, побоялись и предлагать.

Йосс вскапывала землю маленькой лопаткой с поломанной ручкой, которую ей отдала Эм Деви, и размышляла о ночных воплях Абберкама и его кашле. В четырехлетнем возрасте Сафнан чуть не умерла от берлота. В те страшные дни этот жуткий надрывный кашель преследовал Йосс днем и ночью. Может, когда она видела Абберкама в последний раз, тот направлялся к деревенскому доктору? А может, пошел да вернулся, так и не решившись попросить помощи?

Йосс накинула на плечи шаль: ветер посвежел, напоминая о том, что уже осень, – и, выйдя к мосткам, свернула направо.

Жилище Абберкама было гораздо больше ее лачуги и сложено из бревен, отсыревших и замшелых: болотная вода просачивалась всюду. Такие дома перестали строить уже лет двести назад, после того, как срубили последнее дерево. Бывший фермерский дом, теперь он превратился в мрачную, обвитую дикими лозами развалину с прохудившейся крышей и выбитыми окнами; ступеньки на крыльце совсем прогнили и прогибались даже под Йосс.

Она позвала Абберкама, потом еще раз, погромче. Но в ответ лишь ветер шелестел в тростниках. Она постучала, подождала немного и, наконец решившись, толкнула разбухшую входную дверь. Оказавшись в узкой прихожей, Йосс услышала доносящееся из соседней комнаты хриплое бормотание:

– Никогда не входи, ни с какими намерениями, беги без оглядки, беги без оглядки... – И говорящий вновь зашелся в приступе мучительного кашля.

Йосс открыла дверь в комнату, остановилась на пороге и, когда глаза привыкли к темноте, огляделась. Когда-то здесь находилась гостиная, но сейчас все окна были забиты досками, а огонь в очаге давным-давно не разжигали. Из мебели остались только старый буфет, стол, лавка и кровать, стоявшая рядом с очагом. Скомканное одеяло валялось на полу, а Абберкам, совершенно голый, метался на кровати в горячечном бреду.

– О Камье всемогущий! – вырвалось у Йосс.

Огромное, черное, маслянисто-блестящее тело, широченная грудь и живот, поросшие седыми волосами, сильные руки с ладонями, напоминающими лопаты... Да она никогда в жизни не отважится подойти к нему!

Но все же Йосс поборол робость. Ведь Абберкам так болен и слаб, к тому же не потерял сознания и в состоянии понять, что она хочет помочь. Йосс подняла с пола одеяло, укрыла больного, а сверху набросала все тряпки, которые только нашла в доме, – даже коврик притащила из соседней комнаты; затем она развела огонь. Пару часов спустя больной начал потеть; он буквально обливался потом: все белье промокло насквозь.

«Что за человек, ни в чем не знает удержу!» – ворчала Йосс, глубокой ночью ворочая неподъемное тело, вытягивая из-под него простыни, чтобы высушить над очагом. Лихорадка не отступала, старика снова трясло и вновь скручивали приступы кашля, а Йосс тем временем заваривала принесенные с собой травы и заставляла его пить. И сама пила с ним за компанию. Наконец Абберкам заснул мертвым, настолько глубоким сном, что даже кашель, все не оставлявший его в покое, не мог его разбудить. Почти сразу и Йосс незаметно для себя задремала и очень удивилась, когда, проснувшись, обнаружила, что лежит на полу у погасшего очага, а сквозь щели в окна пробивается молочный свет дня.

Абберкам лежал на постели, укрытый ворохом тряпья; ковер, красовавшийся наверху, оказался чудовищно грязным. Грудь больного высоко вздымалась и опадала, но дыхание было ровным и глубоким. Йосс с трудом поднялась, буквально собирая себя по кусочкам, –

каждое движение отдавалось болью, – развела огонь, поставила греться чайник и заглянула в буфет. К ее удивлению, там оказалось полно еды; очевидно, старика снабжали из ближайшего города. Она приготовила себе сытный завтрак и, когда Абберкам проснулся, напоила его травяным настоем. Его больше не лихорадило. Теперь, по ее разумению, единственную опасность могла представлять скопившаяся в легких мокрота – об этом ее когда-то предупреждали врачи, лечившие Сафнан. А ведь Абберкаму уже за шестьдесят, значит, если он вдруг перестанет кашлять, это окажется дурным знаком. Йосс помогла ему приподняться и приказала:

– А теперь кашляйте!

– Больно, – простонал он в ответ.

– Но это необходимо, – строго сказала Йосс, и старик покорно закашлял, правда слабенко. – Сильнее! – Он подчинился и кашлял до тех пор, пока все его тело не скрутила судорога.

– Вот теперь хорошо, – похвалила Йосс. – А теперь спать! – И он заснул.

Ой, Тикули и Губу, наверное, умирают с голоду! Йосс помчалась домой, покормила своих друзей, переделась и часок отдохнула у очага, поглаживая Губу и слушая его бесконечное тихое «мур-мур-мур». А потом снова побежала к Вождю.

И снова она до сумерек сушила простыни и без конца перестилала постель. И опять сидела рядом с больным всю ночь. Но утром ему стало лучше, и Йосс, пообещав вернуться к вечеру, ушла. Он не ответил, так как был еще очень слаб.

Вечером кашель стал мокрым, что было очень хорошим признаком, – «хороший» кашель, одним словом. Йосс вспомнила, что Сафнан, выздоравливая, тоже «хорошо» кашляла.

Абберкам много спал, а когда просыпался, Йосс вручала ему бутыл, приспособленную вместо утки, и он отворачивался, чтобы помочиться. «Скромность – хорошее качество для Вождя», – думала она. Йосс была довольна и им, и собой. Она еще годится на что-то и может быть полезной, да еще как!

– Сегодня ночью я здесь не останусь, так что сами следите, чтобы одеяла не сползли. Но утром я вернусь, – строго сказала она, в глубине души очень довольная своей решительностью и непреклонностью.

Вечер был ясным, но холодным, и Йосс ускорила шаги. Войдя в дом, она обнаружила Тикули, свернувшегося клубочком в углу комнаты, где он никогда раньше не спал. Она отнесла его к миске, но пес отказался есть и попытался вернуться в тот же уголок. Йосс стала уговаривать любимца и, видя всю тщетность попыток накормить его, отнесла животное на кровать, но он сполз и упрямо улегся все в том же углу. «Оставь меня в покое, – сказал он, закрыв глаза и уткнувшись черным сухим носом в переднюю лапу. – Уйди, дай мне спокойно умереть».

Йосс легла спать, потому что глаза слипались, а ноги просто не держали. Губу всю ночь бродил по болотам. Утром Тикули, как и вчера, лежал, свернувшись клубочком, на том же самом месте, где никогда раньше не спал. Но он был жив.

– Я должна идти, – извиняющимся тоном сказала Йосс. – Но скоро вернусь, очень скоро. Дождись меня, Тикули.

Он не ответил. Его янтарные, подернутые дымкой глаза смотрели куда-то мимо хозяйки, в неведомую даль. Он ждал, но не Йосс.

Она зло шагала по мосткам с сухими глазами, чувствуя себя до отвращения беспомощной. Абберкаму хуже не стало, правда, заметного улучшения тоже пока не наступило. Она покормила его рисовым отваром, помогла справиться нужду и сказала:

– Я не могу остаться. Мой любимец тяжело болен, мне нужно вернуться.

– Любимец, – повторил Абберкам хрипло.

– Лисопес. Мне подарила его дочка.

Какого черта она извиняется и пускается в объяснения? Йосс решительно развернулась и ушла. Дома Тикули лежал все в том же углу. Она пыталась занять себя штопкой, стряпней, попробовала почитать об Экумене, о том мире, который никогда не знал войн, где всегда стояла зима и все люди были гермафродитами. Наконец она решила отнести Абберкам поесть, но в тот момент, когда Йосс встала с кресла, Тикули тоже поднялся и очень медленно подошел к ней. Она снова села и наклонилась, чтобы взять его на руки, но пес положил острую мордочку на хозяйкину ладонь, тяжело вздохнул и вытянулся у ее ног, опустив голову на лапы. Потом вздохнул еще раз. И все.

Йосс плакала навзрыд, в голос, но недолго. Потом встала и пошла за садовой лопаткой. Вырыв могилку у стены, в солнечном месте, и взяв Тикули на руки, она вдруг испугалась: «Что же я делаю? Ведь он живой!» Но пес был мертв. Просто еще не остыл – пышный рыжий мех все еще хранил тепло. Йосс бережно завернула его в свой голубой шарф и уложила в ямку, ощущая сквозь ткань, как тело холодеет и застывает, словно деревянное. Потом она засыпала могилу землей, а сверху положила камень, отвалившийся от очага. Говорить она ничего не стала, лишь отчетливо представила себе, как где-то в мире ином Тикули бежит по цветущему лугу, устремляется вверх по солнечному лучу и тает в золотистом свете.

Йосс наполнила миску Губу, так и не показавшего носа домой, и снова пошла к Вождю. Стало холодно. Стебли тростника поседели, на лужах поблескивал тонкий ледок.

Абберкам уже сидел и чувствовал себя, судя по всему, лучше, но его еще немного лихорадило. Он хотел есть, и это тоже было добрым знаком. Когда Йосс принесла поднос с едой, он спросил:

– Как ваш любимец? Поправился?

– Нет, – ответила она и отвернулась. Ей пришлось собрать все силы, чтобы выговорить это слово: – Умер.

– Теперь он в руце Владыки, – хриплым звучным голосом сказал Абберкам, и Йосс снова увидела Тикули, бегущего по цветочному лугу, реального, живого, как сам солнечный свет.

– Да. – Она немного помолчала и добавила: – Спасибо.

Губы у нее дрожали, горло перехватило. Перед глазами неотступно маячило видение – небольшой голубой сверток. Ее голубой шарф. Ее... Хватит, надо чем-то себя занять, отвлечься. Йосс разожгла огонь в очаге и бессильно опустилась на лавку, лишь теперь осознав, как безумно она устала.

– До того как стать воином, Камье был простым пастухом, – сказал Абберкам, – а посему получил прозвище Повелитель скотов. И еще прозывался порой Оленьим пастырем, потому что, когда он приходил в дикий лес, все олени сбегались навстречу. И среди их доверчивых стад львы резвились, не трогая ланей. Ибо не было страха меж ними.

Он произнес эти слова так обыкновенно, так буднично, что Йосс не сразу узнала известные с детства строки из «Аркамье».

Она подбросила в огонь еще кусок торфа и снова застыла на краю лавки.

– Расскажите, откуда вы родом, Вождь Абберкам, – попросила она.

– С плантации Геббы.

– Это где-то на востоке?

Он кивнул.

– И как там?

Огонь в очаге стал гаснуть, и потянуло едким острым дымком. В комнату прокрались сумерки. Как тихо вокруг. По ночам здесь всегда стоит такая оглушающая тишина, что в первые месяцы после переезда из города Йосс просыпалась каждую ночь, не в силах привыкнуть к безмолвию, окружавшему со всех сторон.

– И как там? – повторила она почти шепотом. Как у большинства представителей их расы, его зрачки цвета индиго заполняли глаз почти целиком, и теперь, когда Абберкам обернулся, Йосс уловила в полумраке комнаты их отблеск.

– Шестьдесят лет назад, – начал он, – мы жили на плантации все вместе, в одном бараке. Женщины и маленькие дети рубили сахарный тростник и работали на мельнице, а мужчины и мальчики старше восьми лет – на руднике. Некоторых девочек тоже брали в шахту – они нужны были в узких забоях, куда взрослый человек не мог протиснуться. Я был слишком крупным с самого детства, поэтому меня послали на рудник уже в восемь.

– И как там?

– Темно. – Абберкам снова сверкнул глазами. – Оглядываясь назад, я все время поражаюсь, как мы вообще выживали в таких условиях. Воздух в шахте был черен от угольной пыли. Черный воздух, да. Свет наших слабеньких фонарей пробивался сквозь него не дальше чем на пять футов. Большинство забоев были затоплены, и приходилось работать по колено в воде. Однажды в одном из штреков загорелся пласт угля, и забой мгновенно заполнился удушливым дымом. Но мы продолжали там работать, потому что рядом проходила богатая жила. Фильтры и маски, которые нам выдали, помогали мало: мы дышали угарным дымом. Тогда-то я и испортил себе легкие. Это не берлот, а застарелая хворь. Люди умирали от удушья. Умерли все, кто там трудился. Сорока-сорокапятiletние здоровые мужчины. Хозяева шахты выплатили племени деньги за их смерть. Страховку. Премию за труп. Для кого-то из родственников это еще больше усугубило боль утраты.

– И как же вы выкарабкались?

– Моя мать. Она была дочерью деревенского старосты. Она учила меня. Учила религии и свободе.

Йосс вспомнила, что об этом он рассказывал и раньше в своих предвыборных речах. Это был его стандартный миф.

– Как она вас учила?

Абберкам помолчал, потом медленно, словно нехотя, ответил:

– Она учила меня Святому Слову. Она говорила: «Ты и твой брат – настоящие люди, слуги великого Камье, его воины, его львы. Только вы двое. Владыка Камье пришел к нам из Старого Мира, но принял наш мир как свой и, живя среди нас, сроднился с нами душой». Потому она и назвала меня Абберкам, что значит «Язык Владыки», а брата Домеркам – «Рука Владыки». Чтобы говорить лишь правду и сражаться за свободу.

И снова наступила тишина.

– А что стало с вашим братом? – наконец спросила Йосс.

– Его убили в Надами.

И снова тишина.

Надами был первым городом, в котором поднялась волна Освобождения, которая потом затопила весь Йеове. Рабы с окрестных плантаций и отпущенники плечом к плечу сражались с хозяевами и рабовладельцами. Если бы восстание не было стихийным и рабы успели договориться между собой, чтобы сообща ударить по корпорации, свобода пришла бы гораздо раньше и обошлась бы меньшей кровью. Но не было единого ядра, единого управляющего центра: мелкие вожди племен, главари дезертирских банд тешили свое самлюбие новообретенной властью, получив возможность грабить и делить освобожденные земли, а кое-кто не стыдился вступать в сговор с богатеями, надеясь набить себе карман. Понадобилось тридцать лет войны и разрухи, чтобы несметные полчища уэрелиан убрались с планеты и у жителей Йеове появился шанс беспрепятственно убивать друг друга.

– Вашему брату повезло, – вымолвила Йосс и искоса глянула на Вождя, чтобы проверить, как тот воспримет ее слова.

При свете догорающих углей его широкое смуглое лицо казалось почти умиротворенным. Густые седые непослушные пряди снова выбились из-под шнурка, который она ему повязала, чтобы волосы не лезли в глаза. Глядя на умирающее пламя, он тихо произнес:

– Он был моложе меня. Он был Энар на Поле Пяти Армий.

«Ах вот как, а ты, выходит, ни много ни мало сам великий Камье?»

Йосс почувствовала, как снова тихо ожесточается и к ней возвращается привычный цинизм. Вот это эго! Но если заставить иронию замолчать, то, честно говоря, он мог вкладывать в эти слова совсем другой смысл. Энар поднял меч на брата своего старшего, намереваясь убить его и не дать ему стать Господином этого мира. А Камье сказал, что меч, поднятый на брата, сулит смерть лишь ему самому, ибо нет в жизни иной власти и свободы, кроме свободы отречения от жизни, надежд и чаяний. И Энар опустил меч и ушел в пустыню, промолвив на прощание лишь: «Брат, я – это ты». А Камье поднял его меч и вступил в бой с армией Разрушителя, без всякой надежды на победу.

Так кем же он был на самом деле, этот человек, сидевший рядом с Йосс? Этот огромный мужчина. Этот больной старик и мальчик из забоя, этот хвостун, вор и лжец, возмнившийся, что может поганить языком святое имя Владыки.

– Что-то мы заболтались, – заметила Йосс, хотя уже пять минут никто не сказал ни слова.

Она налила Абберкаму чашку отвара и снова поставила чайник на огонь, чтобы сделать воздух в комнате более влажным. Вождь следил за ней все с тем же кротким выражением лица, почти со смущением.

– Я хотел только свободы, – произнес он. – Свободы для нас.

Его угрызения совести ее не касаются.

– Укрывайтесь теплее, – вот и все, что она ответила.

– Вы уже уходите?

– Если я останусь еще хоть ненадолго, окончательно стемнеет, и я не увижу мостков.

Но уже стемнело, и звезд на небе не оказалось. Было очень непривычно идти по мосткам на ощупь – взять фонарь Йосс не додумалась. По дороге она представила себе черный воздух, о котором рассказывал Абберкам, и ей показалось, что и ее со всех сторон обступает давящая, удушливая стена мрака, жадно пожирающая любой свет. Она думала о черном огромном, сильном теле Абберкама. О том, что за всю жизнь ей редко доводилось гулять по ночам. Когда она была ребенком, рабов на плантации Банни на ночь запирали. Женщины жили отдельно – на женской половине и никогда не выходили в одиночку. Став отпущенницей и переехав в город, она поступила в школу и вот там впервые ощутила вкус свободы. Но потом началась война, и показываться женщине на улице одной стало небезопасно. Полиция в рабочих кварталах отсутствовала. Там не было даже уличных фонарей. Банды хозяйничали как у себя дома. Да они и были дома. Даже днем, ради безопасности, приходилось держаться людных мест и все время быть начеку.

Йосс уже начала сомневаться, в ту ли сторону пошла, но в этот момент ее глаза, уже привыкшие к ночной мгле, различили на фоне тускло-серой полосы зарослей тростника темное пятно ее дома. Она слышала, что чужаки плохо видят в темноте. У них совсем маленькие глаза почти без радужки: черная точка зрачка на белке, как у испуганной кошки. Только у кошек глаза красивее. Йосс не нравились глаза чужаков, зато цвет кожи был очень красивым: от бронзового до медного, гораздо более теплых оттенков, чем кожа рабов – скорее серая, чем коричневая, или такая, как у Абберкама, – иссиня-черная, доставшаяся ему по наследству от хозяина, который изнасиловал его мать.

Губу встретил хозяйку на тропке, молча танцуя вокруг и норовя потереться о ноги.

– Ну ты, поосторожнее! – прикрикнула Йосс. – А то я на тебя наступлю! – Но на самом деле она была очень рада и благодарна ему за встречу.

Войдя в дом, она взяла кота на руки и прижала к себе. А вот Тикули ее не встретил. И не встретит уже никогда. «Мур-мур-мур, – запел ей на ухо Губу. – Я-то здесь. Послушай меня, жизнь продолжается. А обед скоро?»

Все же пневмонии избежать не удалось, и Йосс пришлось сходить в деревню и вызвать врача из Вео – ближайшего города. Прислали практиканта, который наскоро осмотрел пациента и сказал, что вы все, мол, правильно делаете, надо, чтобы больной сидел и побольше отхаркивал, дескать, травяные настои тоже хорошо помогают, но присмотр все-таки нужен, а в общем, все хорошо, и ушел – вот уж спасибо. Теперь Йосс целые дни проводила с Абберкамом. Ее собственный дом без Тикули казался неудобным, осень была ненастной и холодной, так что ей еще оставалось делать? Она даже полюбила это мрачное старинное здание. Наводить там чистоту она не стала бы ни для Вождя, ни для кого на свете, кому плевать на порядок, но с интересом бродила по комнатам, которые стояли пустыми уже много лет, любясь старинными вещами. Даже если Абберкам туда и заглядывал, то, похоже, очень редко.

Наверху Йосс обнаружила террасу с застекленной стеной, откуда открывался чудесный вид. Там она все же подмела и вымыла окна, тщательно протерев каждое зеленоватое стеклышко. Когда Абберкам засыпал, она уходила туда и сидела часами на вытертом мохнатом ковре, составлявшем всю обстановку. Камин не топили уже давно, и из дымохода выпало несколько кирпичей, но так как он был расположен прямо над очагом в комнате Абберкама, то какое-то тепло доходило, а осеннее солнце сквозь толстые стекла нагревало террасу, как оранжерею. В этой комнате, в ее особой атмосфере, в странном зеленоватом освещении, было что-то умиротворяющее. Покои покоя. Здесь Йосс могла наконец расслабиться и посидеть, ни о чем не думая, чего ей никогда не удавалось у себя дома.

Силы к Вождю возвращались очень медленно. Чаще всего он бывал не в духе, казался мрачным, издерганным и диковатым, каким и должен быть человек, который (как Йосс раньше считала) измучен угрызениями совести. Но случались дни, когда он охотно вступал в разговор, много говорил сам и даже иногда слушал свою сиделку.

– Я тут как-то прочла книгу о мирах Экумены, – сказала Йосс, глядя на сковороду, где подрумянивались гренки. В последние дни она обедала вместе с Абберкамом, потом мыла посуду и, лишь когда начинало темнеть, уходила домой. – Очень интересно. Так вот, там совершенно неопровержимо доказывается, что мы произошли от народов Хайна. И мы, и, между прочим, чужаки с Экумены и Уэрела. Даже у наших животных там имеются родственники.

– Это они так говорят, – проворчал Вождь.

– Не важно, кто говорит, но у нас общая генная основа – это факт. И останется таковым, даже если вам это не по нутру.

– И что же это за «факт», которому миллион лет? Что он может сделать с вами, со мной, с нами всеми? Это наш мир. Мы есть мы. И нам с ними не по пути. И общаться с ними нам незачем.

– Но мы же все равно общаемся, – резко бросила Йосс, переворачивая гренки.

– Этого бы не случилось, если бы мне не помешали!

– А вы никак сердитесь? – рассмеялась она.

– Нет, – буркнул Абберкам.

Он обедал, все еще полулежа в постели, с подноса, Йосс сидела на лавке у очага и ела из миски, поставленной на колени. После еды она продолжила разговор, испытывая одновременно страстное желание и щемящий страх раздражить этого быка; несмотря на то что он был еще болен и слаб, от его массивного тела веяло угрозой и опасностью.

– Значит, Всемирная партия боролась только за то, чтобы очистить планету для нас, а чужакам дать под зад коленом?

– Да, – глухо пророкотал Абберкам.

– Но почему? Ведь у народов Экумены так много общего с нами. Они же помогали ломать ярмо корпораций, душившее нас. Они же стояли на нашей стороне.

– Нас привезли в этот мир как рабов. Но он наш, и только наш, и нам самим решать, как жить. И с нами пришел Камье, Пастух, Невольник, Камье-Воин. Это наш мир. Наша планета. И никто не подарил нам ее. Но нам не нужно знаний чужаков и их богов. Здесь мы живем, на этой земле. И здесь умрем, чтобы присоединиться к воинству Камье всемогущего.

Йосс ответила не сразу.

– У меня были дочь, внук и внучка, – наконец заговорила она с грустью. – Они оставили этот мир четыре года назад. Улетели на Хайн на одном из тех кораблей. Все годы, что мне осталось прожить, пролетят для них как пара минут. Они прибудут туда через восемьдесят... нет, теперь уже через семьдесят шесть лет. Они станут жить и умрут на другой земле, на другой планете. Не здесь.

– Как же вы позволили им улететь?

– Выбор зависел от них.

– А не от вас?

– Я не могла решать за них: им жить.

– Но вам больно.

Оба замолчали, и наступила гнетущая тишина.

– Все не так! – вдруг взорвался он. – У нас была своя судьба, собственная! Свой путь к Владыке! А они отняли его у нас, и теперь мы снова рабы! Эти умники чужаки со всеми их мудреными знаниями и открытиями, наши бывшие владельцы. Они говорили: «Сделай так!» – и мы делали. Теперь они говорят: «Делай эдак!» – и мы опять послушно выполняем приказ. «Садись вместе с семьей на наш чудесный корабль и лети к новым прекрасным мирам!» И дети улетели и уже не вернутся домой. И никогда не узнают, какой он, их дом, и кто они сами. Как не узнают и то, кто распорядился их судьбой.

Это была одна из тех речей, которые, как знала Йосс, Абберкам сотни раз произносил на митингах. В глазах его стояли слезы. Йосс почувствовала, что и сама вот-вот расплачется. Стоп! Она не должна позволять ему оттачивать на себе свое ораторское мастерство, играть ею, как он играл толпами.

– Даже если я с вами согласна, все же... Все же, – отважилась она, – почему тогда вы мошенничали, Абберкам? Вы же лгали своему собственному народу! Вы воровали у него!

– Никогда, – отрезал он. – Все, что я делал, – каждый мой вздох – было отдано во благо Всемирной партии. Да, я тратил деньги не считая, все, какие только мог достать, – но только на дело. Да, я угрожал эмиссару чужаков, поскольку хотел, чтобы все они убрались отсюда, да поскорее. Да, я лгал напропалую, потому что они хотели сохранить над нами контроль, а потом постепенно снова прибрать нас к рукам. Да, я на все был готов, только бы спасти мой народ от рабства! На все! – Он заколотил огромными кулаками по коленям и, задыхаясь, выкрикнул: – Но я так ничего и не добился, о Камье! – и закрыл лицо ладонями.

Йосс молчала, чувствуя, как внезапно заныло сердце.

Вождь плакал, как маленький ребенок, тихонько всхлипывая. Она ему не мешала. Наконец, успокоившись, он откинул спутанные пряди назад и вытер глаза и нос. Потом взял со стола поднос, поставил его на колени, наколол на вилку гренков, откусил кусочек, прожевал, проглотил. «Ну, если он может, то могу и я», – подумала Йосс и тоже стала есть. Когда с едой было покончено, она подошла к нему, чтобы забрать поднос, и тихо сказала:

– Простите меня.

– Все кончилось уже тогда, – очень спокойно и серьезно произнес он, глядя ей прямо в глаза. Он редко смотрел на нее. И еще реже видел.

Она замерла в ожидании неизвестно чего.

– Все кончилось уже тогда. Задолго до того, как началось. То, во что я верил тогда в Надами. Я верил, что стоит только их прогнать, и мы сразу станем свободными. Но в круговороте войн мы заблудились, утратили свой путь, свое предназначение. Да, я лгал и знал, что лгу. Так какая разница, если я лгал чуть больше, чем нужно?

Из этой странной речи Йосс поняла лишь, что Абберкам полностью потерял душевное равновесие и его сумасшествие опять возвращается, и пожалела, что подзуживала его. Они оба были стариками, оба потерпели в жизни крах и оба потеряли детей. Зачем же ей было его мучить? Прежде чем забрать поднос, она на секунду накрыла ладонь Абберкама своей.

Потом ушла на кухню мыть посуду и вдруг услышала:

– Идите сюда, пожалуйста!

До сих пор Вождь никогда ее не звал, и Йосс поспешила в комнату.

– Кем вы были? – спросил он в упор. Она ошарашенно застыла в дверях, не понимая, о чем идет речь.

– Ну, прежде чем приехали сюда, – нетерпеливо произнес Абберкам.

– Я родилась на плантации. Потом училась в школе, жила в городе. Преподавала физику. Затем воспитывала дочь.

– И как вас зовут?

– Йосс. Я из племени седеви из Банни.

Абберкам кивнул. Йосс подождала еще немного и вернулась домыывать посуду. «Он даже не знал, как меня зовут», – подумала она.

Теперь, когда он уже мог вставать, Йосс заставляла его ежедневно хоть немного гулять и сидеть в кресле; он повиновался, но быстро уставал. На следующий день она отважилась устроить ему более длительную прогулку, и Вождь так выбился из сил, что, едва оказавшись в постели, тут же заснул. Йосс на цыпочках поднялась по скрипучим ступенькам на свою любимую веранду и просидела там несколько часов, наслаждаясь тишиной и покоем.

Вечером Абберкам почувствовал себя лучше и сам захотел посидеть в кресле у очага, пока Йосс готовила обед. Она попыталась с ним заговорить, но вид у Вождя был угрюмый, и, хотя он ни словом не обмолвился о том, что произошло вчера, мысленно укорила себя за несдержанность. Разве они оба приехали сюда не за тем, чтобы забыть, оставить позади все свои прошлые ошибки и разочарования, как, впрочем, и победы, и ушедшую любовь? Пытаясь рассеять его мрачное настроение, Йосс стала рассказывать (нарочно углубляясь в подробности и пространные рассуждения, чтобы говорить подольше) историю Эйд и Вады – двух бедных влюбленных, которые в эту минуту снова резвились в ее кровати.

– Раньше мне некуда было уйти, чтобы их оставить наедине, разве что в деревню за покупками. А сейчас такая мерзкая погода, что носа из дома высовывать не хочется. Так что хорошо, что я могу прийти сюда. Мне нравится этот дом.

Абберкам хмыкнул, но Йосс была уверена, что он слушал достаточно внимательно и даже попытался понять, словно человек, разговаривающий с иностранцем, чьего языка он почти не знает.

– А вы не очень-то следили здесь за порядком. Вам что, все равно? – спросила она как можно дружелюбнее, разливая суп по тарелкам. – Ну что ж, по крайней мере, это честно по отношению к самому себе. Вот взять меня, например: я до сих пор стараюсь притворяться святошей, которая заботится о своей душе, и пытаюсь пренебрегать тем, что действительно люблю: вещами, общением, комфортом. – Она устроилась у огня, поставив миску с супом на колени. – Наверху у вас есть чудесная комната. Та, что в углу, окнами на восход. Она хранит память о чем-то очень хорошем. Может, там был когда-то приют счастливых любовников. Даже болота из ее окон кажутся красивыми.

Когда Йосс собралась домой, Абберкам остановил ее вопросом:

– Вы думаете, они уже ушли?

– Кто? Олентя? Да, конечно. И давно. Вернулись в свои враждующие ненавистью семьи. Боюсь, что если бы они смогли зажить вместе, то вскоре тоже возненавидели бы друг друга. Они слишком невежественны. И помочь я тут уже ничем не могу. Это деревня бедняков, и соображают они довольно тяжело, с натугой. Но эти двое цепляются друг за друга, за свою любовь, словно чувствуют, словно понимают...

– Держись истины и благородства, – произнес Вождь.

Эту цитату она тоже знала.

– А хотите, я вам почитаю как-нибудь вечером? У меня есть «Аркамье», могу в следующий раз принести.

Он замотал головой, неожиданно светло улыбнувшись:

– Не трудитесь. Я знаю его наизусть.

– Весь?

Он кивнул.

– Я тоже собиралась его выучить... Ну, по крайней мере хотя бы часть, самые любимые отрывки, когда приехала сюда, – призналась Йосс. – Но так и не собралась. Мне все казалось, что еще не время. А вы выучили его уже здесь?

– Да нет. Давным-давно. Когда сидел в тюрьме Геббы. Там было море свободного времени... Зато во время болезни я днями напролет сам себе его рассказывал. Это хоть как-то скрашивало часы вашего отсутствия.

Йосс растерялась и не нашла что ответить.

– Мне хорошо, когда вы рядом, – добавил он.

Она поспешно закуталась в шаль и убежала, едва не забыв попрощаться.

Когда она возвращалась домой, широко шагая по мосткам, все в ней кипело от противоречивых, смешанных чувств. Ну что он за чудовище! Он заигрывает с ней – в этом нет никакого сомнения! Валяется в постели, словно матерый боров, покрытый седой щетиной. Хрипит, кашляет, как старая шарманка! Но какой звучный, красивый голос и какая улыбка!.. Да, этот лицедей хорошо знает силу своей улыбки и понимает: для того чтобы производить должное впечатление, часто пользоваться ею нельзя. Ему известно, как окрутить женщину, он окручивал их сотнями (если верить историям, которые о нем рассказывали), знает, как завоевать ее доверие, как потом войти в нее, а затем выйти – вот, мол, тебе мое семя, дар Вождя, и будь счастлива, детка, прощай. О Камье!

И как ей только в голову взбрело рассказывать ему, что вытворяют в ее постели Эйд с Вадой! Идиотка! А ледяной ветер бьет в лицо. Старая идиотка! Старая дура!

Губу снова вышел встречать хозяйку и стал тереться о ее ноги, игриво хватая ее мягкими лапками и победно махая обрубок хвоста. Уходя, она обычно не закрывала дверь на щеколду, чтобы кот мог войти в дом, когда вздумается. Дверь была приоткрыта. Комнату усеивали птичий пух и перья, там и сям краснели капли крови, а на коврик у очага валялась недоеденная тушка.

– Чудовище! Пошел вон, убийца! – устало сказала Йосс.

Губу станцевал боевой танец и издал воинственный клич: «Ауау! Ауау!»

Всю ночь он проспал рядом с Йосс, согревая ей спину и безропотно отодвигаясь, когда она меняла позу.

А ей не спалось. Она ворочалась с боку на бок, представляя себе в полусне жар огромного, грузного мужского тела, тяжесть сильных рук на своих грудях, а на сосках нежные, властные поцелуи губ, пьющих из нее жизнь.

Йосс решила поменьше ходить к Абберкаму. Он уже вставал и мог сам себя обслуживать и даже готовить завтрак; ей же оставалось следить, чтобы ящик для торфа у очага всегда

был полон, а в буфете не убавлялось припасов. Обед она ему принесла, но есть с ним не стала. Абберкам снова пребывал в мрачном расположении духа, да и Йосс не очень хотелось разговаривать. Оба были напряжены как струна. Что ж, она лишилась удовольствия проводить время на верхней террасе, но ведь это был лишь еще один мираж, сон, самообольщение, мечта о покое.

Однажды днем к Йосс зашла Эйд.

– Боюсь, я не смогу больше сюда приходить, – угрюмо сказала она, пряча глаза.

– Что-то случилось?

Девушка неопределенно пожала плечами.

– За тобой следят?

– Нет. Не знаю. Я подумала, может, вы знаете. Я, похоже, залетела.

Это старое словечко, означавшее беременность, осталось из лексикона рабов.

– А ты пользовалась контрацептивами? – Йосс закупала их специально для парочки в Вео и постоянно пополняла запас.

Эйд судорожно кивнула и, сжав губы, чтобы не расплакаться, прошептала:

– Не надо было этого делать.

– Чего? Заниматься любовью или предохраняться?

– Не надо было этого делать! – почти выкрикнула девушка, и глаза ее злобно сверкнули.

– Ладно, – только и оставалось сказать Йосс. Эйд повернулась и, даже не попрощавшись, почти бегом направилась к тропинке.

– До свидания, Эйд! – крикнула ей в спину Йосс и с горечью повторила про себя: «Держись истины и благородства».

Она побрела к могиле Тикули, но не смогла пробыть там и нескольких минут: холодный зимний ветер пробирал до костей. Она вернулась в дом и заперла двери. Ее жилище вдруг показалось ей таким маленьким, таким темным и неуютным. Горящий в очаге торф давал мало огня, зато нещадно дымил. Пахло гарью, как на пепелище. Стояла полная тишина: ветер внезапно улегся, и даже тростник не шелестел.

«Я хочу настоящих поленьев, о Владыка, как я хочу настоящего, жаркого, яркого огня, что с треском лижет сухой хворост, танцует на поленьях, рассказывает дивные истории. Огня, возле которого я так любила сидеть в бабушкином доме у нас на плантации».

На следующий день она сходила в полуразвалившийся пустой дом, стоявший на расстоянии примерно мили от ее хижины, и отодрала там несколько досок от крыльца. В тот вечер у нее снова был настоящий огонь в очаге. Она стала наведываться в тот дом почти ежедневно, и вскоре рядом с очагом выросла небольшая поленица. К Абберкаму она больше не ходила: старик полностью оправился, и, чтобы пойти туда снова, ей пришлось бы придумывать предлог. Ни топора, ни пилы у нее не было, и потому крупные куски досок она просто совала одним концом в огонь, постепенно, по мере сгорания, пропихивая их глубже, к тому же при таком способе одной доски хватало на целый вечер. Теперь Йосс большую часть времени проводила в кресле у яркого огня, пытаясь заставить себя выучить первую главу из «Аркамье». Рядом на коврике укладывался Губу, который то дремал, то, шурясь на огонь, выводил свое тихое «мур-мур-мур». Он совершенно перестал выходить из дому, считая, что делать в обледеневших тростниках совершенно нечего. Йосс пришлось даже поставить для него в уголке ящик с песком. Он это оценил и при надобности делал все свои дела только туда.

Морозы все не кончались. Еще ни разу, с тех пор как Йосс поселилась на болотах, не было такой холодной зимы. Оказалось, что в дощатых стенах лачуги полным-полно щелей, и Йосс замучилась, забивая их чем попало, но так и не добилась почти никакого эффекта – по дому все равно разгуливали сквознячки, и от стен тянуло холодом. Если очаг хоть на час потухал, в доме становилось не теплее, чем на улице, – даже вода в чашке подергивалась

ледком. По ночам Йосс оставляла тлеть в очаге торф, но днем обязательно подкидывала хоть одно поленце, чтобы как-то осветить свою безрадостную жизнь. Она любила огонь, как доброго друга: когда в очаге плясало пламя, она чувствовала себя не так одиноко.

Продукты кончались, и пора было идти в деревню, однако Йосс день за днем оттягивала поход, надеясь, что морозы прекратятся, но становилось все холоднее. Торф промерз настолько, что теперь не столько горел, сколько чадил, и в очаг приходилось все время подкладывать поленья, чтобы в доме сохранилось хоть какое-то тепло. Но однажды, поняв, что откладывать больше нельзя, Йосс напялила на себя все теплые вещи, которые имела, закуталась двумя шальями и взяла продуктовую сумку. Губу сонно посмотрел на нее.

– Лентяй, деревенщина, – сказала Йосс, – мудрое животное.

Мороз был жутким. Она с ужасом представила себе, как, поскользнувшись, падает, ломает ногу и лежит беспомощная на обледеневших мостках. И замерзает, потому что никто из деревни не придет ее спасать. Стоит всего пару часов полежать так, и все будет кончено. «Ну и пусть – я в руках Камье великодушного, и смерть все равно уже близко. Так не все ли равно, сейчас или через пару лет! Только позволь мне, милостивый Владыка, добраться до деревни и хоть чуть-чуть согреться».

И она добралась и долго с наслаждением отсиживалась в кондитерской лавке, жадно слушая местные сплетни, а потом прочитала старую газету – всю, до последнего словечка. В передовице говорилось о новом восстании, вспыхнувшем в одной из провинций на востоке. Опять война! Тетки Эйд и родители Вады расспрашивали Йосс о самочувствии Вождя. И все по очереди говорили, что ей нужно зайти к хозяину ее домика Кеби, потому как он кое-что припас для своей постоялицы. Оказалось, пачку дешевого скверного чая. Йосс все же поблагодарила Кеби, чтобы тот почувствовал себя благодетелем и душа его стала богаче. Он тоже забросал ее вопросами об Абберкаме: «Вождь серьезно болел? А сейчас ему лучше?» – «Как они мне все надоели, – думала Йосс, скупно и без всякой охоты удовлетворяя его любопытство. – Век бы не слышала их противных голосов. Одной жить лучше».

Она и продолжала-то беседовать с хозяином лишь потому, что очень не хотела выходить из жарко натопленной комнаты на трескучий мороз. Но отправляться лучше было сейчас, пока светло. Сумка оказалась тяжелее, чем обычно (Йосс отоварилась с запасом), и приходилось очень осторожно выбирать дорогу на покрытой замерзшими лужицами тропке к мосткам. И все же она припозднилась, заболтавшись, и не заметила, как прошло время.

Солнце опустилось почти к самому горизонту и спряталось за одну-единственную тучку на тусклом пустынном небе, словно не желало отдавать даже те крохи дневного тепла и света, на которые было так скупой нынешней зимой. Чтобы поскорее добраться до дому и сесть у очага, Йосс решила сократить путь и зашагала напрямую по промерзшей трясине. Она глядела прямо под ноги, чтобы не поскользнуться, и поэтому сначала услышала крик Абберкама и только потом увидела его самого, бегущего прямо на нее с выпученными глазами. Ну точно, снова с ума сошел!

– Йосс! Йосс! Все в порядке!

Вождь подбежал уже так близко, что Йосс разглядела в его волосах клочья саж и льдинки, да и сам он был покрыт копотью и грязью с головы до ног. Огромный свихнувшийся дикарь!

– Идите домой! Не подходите ко мне! Назад! Домой! – закричала она.

– Все в порядке, – задыхаясь от бега, повторил он. – Все в порядке. Вот только дом...

– Какой дом?

– Ваш дом. Он сгорел. Я пошел в деревню и увидел дым...

Он что-то еще говорил, но Йосс уже не слушала, застыв, словно в столбняке. Сегодня она заперла дверь. Машинально опустила щеколду. Раньше она никогда так не делала, а вот

сегодня заперла дверь на щеколду! Губу остался в доме и не мог выбраться. Он был заперт, метался с ошалевшими глазами, истошно вопя...

Она бросилась к дому, но Абберкам встал на пути.

– Пустите меня! – закричала она. – Мне нужно туда!

Бросив сумку, она обогнула гиганта и побежала, не глядя под ноги.

Но Абберкам схватил ее за руку и дернул с такой силой, что ее крутануло, словно в водовороте. Его огромное тело было сейчас совсем-совсем близко, а звучный голос над самым ухом сказал:

– Я же сказал: все в порядке. Ваш любимец жив. И сейчас у меня дома. Да выслушайте же меня, Йосс. Ваш дом сгорел. Но зверек не пострадал.

– Что? Что случилось? – яростно забилась она, пытаясь вырваться. – Пустите меня! Я ничего не понимаю! Что случилось?

– Сначала успокойтесь, – сказал он, отпуская ее руку. – Мы пойдем туда вместе. Вы сами все увидите. Хотя теперь там почти не на что смотреть.

Трясаясь в ознобе, Йосс покорно двинулась за ним. Вождь стал рассказывать все по порядку, но смысл слов еще не доходил до нее.

– Но как это могло случиться? – вдруг спросила она. – Как же так?

– Думаю, случайная искра. Вы ведь не погасили очаг перед уходом? Ну да, конечно, ведь стоят такие морозы. А когда горит дерево, то всегда летят искры, и одна могла попасть на половицу или в тростник на крыше. А в такую сушь, как сейчас, все загорается, как порох. О Владыка милостивый! Я же думал, что вы там, внутри! Я шел в деревню и вдруг почувствовал запах дыма, оглянулся – огонь, и сразу оказался у ваших дверей, не знаю уж как – летать я не умею. Короче, я вмиг очутился там; толкнул дверь, а она на щеколде, тогда я толкнул сильнее, и она распахнулась, а внутри уже все пылает – пол, потолок – все. И повсюду дым, так что я не видел, там вы или нет. Тогда я вошел и в углу, куда огонь еще не добрался, обнаружил перепуганного кота. Я вспомнил, как вы страдали, когда умерла ваша собака, и попытался его поймать, но он пулей выскочил за дверь, а я глянул, нет ли в доме еще кого, и поспешил следом. И тут рухнула крыша. – Абберкам гордо расхохотался. – Свалилась прямо мне на голову! Вот, смотрите! – Он остановился, но Йосс была слишком мала ростом и не увидела, что у него там, на макушке. – Я вылил пару ведер воды из вашей бочки на наружную стену, чтобы хоть что-то спасти, но понял, что это глупо: весь дом пылал, как коробка спичек. Тогда я пошел искать вас и встретил у мостков вашего любимца: его так и трясло. Он сразу дался мне в руки, и я бегом отнес его к себе, оставил у очага, а дверь запер. Так что сейчас с ним все в порядке. А потом пошел искать вас в деревню, потому что где же вам еще быть?

Они подошли к развилке, и Йосс нерешительно ступила на свою дорожку. Над грудой обгоревших бревен вились серые клочья дыма. Черные доски. Лед. Ноги у нее подкосились, и она, сглатывая холодную слюну, опустилась прямо на обледеневшую землю. Небо и тростник поплыли перед глазами в плавном хороводе и, как Йосс ни просила их остановиться, вертелись все быстрее и быстрее.

– Ну хватит, пойдемте, все нормально. Пойдемте со мной.

Этот уверенный голос, эти сильные руки, помогающие подняться на ноги, и тепло этого огромного тела вернули Йосс к жизни. Она позволила вести себя, зажмурившись из страха перед головокружением. Но, постепенно приходя в себя, она решила открыть глаза и посмотреть под ноги.

– Ой, моя сумка... Я ее бросила где-то... А в ней теперь все, что у меня осталось. – У нее вырвался нервный истерический смешок. Она попыталась повернуться, чтобы пойти и взять сумку, но голова снова закружилась, и Йосс еле устояла на ногах.

– Да я несущу ее. Пойдемте, нам уже близко.

Да, все это время сумка висела у Абберкама на локте. И как она не заметила! А вторая рука, оказывается, бережно поддерживала Йосс за талию. Они шли к мрачному полуразвалившемуся дому Вождя, за которым полыхал оранжево-желтый закат с тонкими розовыми прожилками облачков. «Когда-то мы называли эти перистые облачка волосами солнца. Это было давно, в детстве». Но они не остановились, чтобы полюбоваться на заходящее солнце, а вошли в темноту прихожей.

– Губу! – позвала Йосс.

Тот не отозвался, и пришлось его искать. Наконец Йосс обнаружила кота под кроватью и попыталась вытащить его оттуда, но животное упиралось всеми четырьмя лапами и злобно шипело. Тогда Йосс погладила его, и Губу неожиданно вылез сам. Она взяла его на руки – жалкий, перемазанный сажей, кот трясся всем телом. Йосс уселась на пол и принялась гладить пятнистую спинку, бока, грязно-белое брюшко; она ласкала его, чесала за ушами, но кот не переставал дрожать и, едва хозяйка сменила позу, вырвался и вновь сбежал под кровать.

– Прости меня, прости меня, прости меня, Губу, – как заклинание, произнесла Йосс.

Услышав ее голос, Вождь, чем-то занимавшийся на кухне, вошел в комнату, держа на весу мокрые руки.

– Как он? В порядке? – спросил Абберкам.

– Ему надо прийти в себя. Пожар. Теперь вот незнакомый дом. Кошки... они собственники. Им хорошо только на своей территории. Не любят чужих домов.

Йосс все еще не оправилась от потрясения, и слова, чтобы составить фразу, приходилось подбирать по одному.

– Так, значит, это кот?

– Да, пятнистый кот.

– Раньше такие домашние любимцы были только у богатей. Мы их никогда не держали и даже не знали, как они выглядят, – тихо сказал Абберкам, но для Йосс эти слова прозвучали почти как обвинение.

– Да, богачи привезли их сюда с Уэрела. Как и нас. – Только сейчас до нее дошло, что Вождь, может, вовсе не собирался ни в чем ее обвинять, а, наоборот, пытался объяснить свое невежество.

Он стоял в дверях, по-прежнему держа руки на весу.

– Извините, но, похоже, мне нужно наложить повязку.

Йосс наконец пригляделась к его рукам:

– Да они же у вас обгорели!

– Да, чуть-чуть. Сам не знаю, как это случилось.

– Давайте посмотрю. – Йосс поднялась, подошла к Абберкаму и развернула огромные лапищи Вождя ладонями кверху. На одной руке между пальцами блестел лопнувший глянцеви́то-алый волдырь, а на второй, у основания большого пальца, красовалась довольно глубокая кровото́чащая сса́дина.

– Я не заметил их, пока не начал мыть руки. Мне совсем не больно.

– А теперь покажите голову! – приказала Йосс, вспомнив рассказ Вождя. Тот опустился на колени, и на самой макушке она увидела ярко-красную рану в обрамлении седых, покрытых сажей волос. – О мой Господин!

Внезапно огромное лицо со спутанной челкой оказалось совсем близко.

– Так на меня же крыша свалилась.

На Йосс вдруг напал приступ хохота.

– А вы едва заметили, верно? – давась от смеха, еле выговорила она. – Нужно что-то посерьезнее, чтобы вы хоть внимание обратили! У вас есть... какие-нибудь чистые тряпки? Ах да, я же сама... оставляла в буфете полотенца... А что-нибудь дезинфицирующее?... –

Справившись наконец со смехом, Йосс принялась обрабатывать раны. – Я в ожогах не разбираюсь, знаю лишь, что надо промыть их и оставить подсыхать. Придется снова звать врача из Вео. Завтра я могу сходить в деревню.

– А я думал, что вы раньше были врачом или медсестрой.

– Я была обычным школьным администратором. Сидела в управе.

– Но вы помогли мне встать на ноги.

– Просто мне хорошо знакома эта болезнь, и я знаю, как ее лечат. А вот об ожогах мне ничего не известно. Так что придется идти в деревню. Но только не сегодня.

– Да, сегодня не надо, – поспешно согласился Абберкам и, пошевелив пальцами, поморщился. – Ну вот, а я собирался приготовить поесть. Понятия не имел, что поранился. Сам не знаю, когда это случилось.

– Когда вы спасали Губу, – слабо улыбнулась дрожащими губами Йосс и заплакала. – Покажите, что у вас есть из продуктов, я сама займусь обедом.

А слезы все текли.

– Жалко, что вещи сгорели, – сказал Вождь.

– А, там почти ничего и не было моего: вся одежда на мне, – всхлипнула она. – Да, ничего там не было. Даже еды. Только «Аркамье». И еще книга о других мирах. – Перед глазами встали корчащиеся в пламени, рассыпающиеся черным пеплом страницы. – Мне ее прислала подруга из города, которая никогда не одобряла моего отшельничества и считала все это молчание и питье одной воды сплошным ханжеством. Как же она была права! Мне нужно вернуться. Мне вообще не стоило приезжать сюда! Какой я была лгуньей и дурой! Я воровала доски! Воровала, чтобы любоваться настоящим, красивым пламенем! Чтобы согреться и хоть чуть-чуть разогнать уныние! И вот получила – дом сгорел, и не мой дом, а Кеби... и бедный мой котик, и бедные ваши руки! Я одна во всем виновата! Я забыла, что от поленьев могут полететь искры. Я забыла. Я про все на свете забыла, моя память предала меня, она лгала мне, потому что я сама давно изолгалась вконец. Я врала даже Владыке, притворяясь, что обратилась к нему, а сама не могу, не могу, не могу уйти от мира, отринуть его. Вот я и сожгла все! Меч изранил ваши руки. – Она взяла Абберкама за руки и спрятала лицо в его ладонях. – Слезы тоже дезинфицируют, – пролепетала она. – О, простите, простите меня!

Но Вождь не убрал рук. Своих больших, обгорелых ладоней. А наклонился и, поцеловав Йосс в голову, прижался щекой к ее волосам.

– Теперь я буду вам рассказывать «Аркамье». Ну, успокойтесь же. Вам надо чего-нибудь съесть. И согреться – вы вся дрожите. У вас просто шок, но это пройдет. Сядьте, посидите. Уж поставить на огонь котелок я смогу.

Йосс послушно села в кресло. Да, он прав, нужно согреться. Она придвинулась к огню и тихонько позвала:

– Губу! Все хорошо, малыш. Ну иди сюда, ко мне. Иди, не бойся.

Но под кроватью было по-прежнему тихо. Абберкам протянул ей стакан с красным вином.

– Откуда у вас вино? – ошарашенно спросила Йосс.

– Чаще всего я пью воду и молчу, – ответил Вождь. – Но иногда пью вино и тогда говорю без удержу. Выпейте.

– Да все в порядке. Я уже пришла в себя, – слабо попыталась возразить Йосс, но стакан взяла.

– Ну да, конечно, разве городскую женщину может что-нибудь напугать! – криво усмехнулся он. – А теперь помогите мне открыть банку.

– А как же вы открыли вино? – поинтересовалась Йосс, вскрывая банку с рыбным филе.

– Оно уже было открыто, – невозмутимо ответил Абберкам.

Они рядышком уселись у огня и налили каждый себе из котелка. Несколько ломтиков рыбы Йосс положила рядом с кроватью на пол и снова позвала Губу, но тот так и не вышел.

– Ну, проголодаешься, выйдешь, – успокоила сама себя Йосс. Она уже устала от собственного нытья, от дрожи в голосе, от комка в горле. От чувства стыда. – Спасибо за обед. Теперь мне действительно лучше.

Йосс встала и пошла мыть посуду, настрого приказав Абберкаму не мочить рук. Да тот и не предлагал помощи, а молча сидел у огня, застыв, словно огромный каменный идол.

– Я пойду спать наверх, – сказала она, когда все закончила. – Если мне удастся выманить Губу, я возьму его с собой. Только дайте мне пару одеял.

– Все уже там, – кивнул Вождь, – и огонь я разжег.

Йосс не очень-то поняла, что он имеет в виду, но спрашивать не стала. Нужно было лезть за котом, и она заранее представляла себе это потешное зрелище: старуха стоит на четвереньках, выставив из-под кровати тощий зад, и шепчет: «Губу! Губу!» Но под кровать ползти не пришлось – кот сразу откликнулся и пошел к хозяйке. Йосс взяла его на руки, и он уткнулся сухим носом ей в ухо. Она села на пол и, сияя, промурлыкала:

– Вот он, мой хороший.

Йосс кряхтя поднялась на ноги и, пожелав Абберкаму доброй ночи, вышла из комнаты.

Держа кота обеими руками, она на ощупь поднялась по скрипучей лестнице, толкнула дверь да так и застыла с открытым ртом. Абберкам починил камин и сегодня весь день топил его. По террасе плясали теплые золотистые блики, а за окнами стояла черная ночь, и Йосс почувствовала себя здесь необычайно уютно. Вождь перенес сюда и одну из кроватей, стоящих в заброшенных комнатах, и почистил ее как смог. На ней лежали матрас, одеяло и чистое белое шерстяное покрывало. На полке стояли чашка и кувшин с водой. А старый драный ковер, на котором Йосс сидела раньше, переместился к камину, был выбит, вычищен и тщательно заштопан.

Губу стал вырывать. Йосс спустила кота на пол, и он тут же спрятался под кровать. Здесь ему будет хорошо. Йосс плеснула в чашку воды и поставила ее на пол на тот случай, если Губу захочется пить. А на другой случай имеется ящик с пеплом. «Ну вот, у нас есть все, что нужно», – подумала она, глядя на отблески пламени, пляшущие на стенах и окнах. И вдруг почему-то ощутила легкую грусть.

Она вышла, плотно прикрыла за собой дверь и спустилась вниз. Абберкам по-прежнему сидел у огня. Когда Йосс вошла, он обернулся, и глаза его сверкнули. Она молча стояла в дверях, сама не зная, зачем пришла.

– Вам понравилась комната, – полуутвердительно-полувопросительно произнес он. Йосс кивнула.

– Вы как-то сказали, что, возможно, когда-то она была приютом счастливых любовников. Я подумал, а почему бы ей не стать таковым снова.

Йосс проглотила комок, застрявший в горле, и прошептала:

– Почему бы и нет?

– Но не сегодня, – проговорил Вождь с каким-то странным сухим смешком. Ну вот, его улыбку она уже видела, теперь слышит его смех.

– Нет, не сегодня, – тупо повторила она.

– Мне нужны здоровые руки. Я должен быть совсем здоров для этого. Для тебя.

Она молча смотрела на него.

– Йосс, присядь, пожалуйста.

Она послушно присела напротив.

– Во время болезни я думал вот о чем, – заговорил Абберкам, и в его голосе вновь стали проскальзывать ораторские нотки. – Я предал свое дело, я лгал и воровал во имя его, но только потому, что не смел себе признаться, что утратил в него веру. Я боялся чужаков,

потому что страшился их богов. Слишком много у них богов! Я боялся, что они умалят, принизят моего Владыку! Как это допустить? – Он замолчал, опустив голову и взволнованно дыша, и Йосс услышала, как в легких у него все еще клокочет. – Я предавал мать моего сына несчетное количество раз. Я изменял ей, другим женщинам, самому себе. Я не держался ни истины, ни благородства. – Он развернул руки ладонями вверх и посмотрел на ожоги. – А ты, кажется, сумела удержаться.

Йосс помолчала, глядя в огонь, и, собравшись с духом, ответила:

– С отцом Сафнан я прожила лишь пару лет. Потом у меня были другие мужчины. И что, теперь это хоть сколько-нибудь важно?

– О, это-то не важно, я вообще не об этом. Я хотел сказать, что в главном ты не изменяла ни своим мужчинам, ни ребенку, ни самой себе. Да ну его, прошлое. Ты спрашиваешь, важно ли это – да ничуть! Но можешь ли ты дать мне один-единственный шанс, прекрасный, дивный шанс, удержаться за тебя. Я буду держать тебя крепко-крепко.

Йосс не ответила.

– Я пришел сюда покрытый позором, а ты протянула мне руку помощи, как равному.

– А почему нет? Кто я такая, чтобы осуждать тебя?

– «Брат, я – это ты».

Она бросила на Абберкама короткий испуганный взгляд и снова уставилась в огонь. Торф горел ровно и жарко, испуская легкий дымок, а не чад. Йосс вдруг подумала о жаре, таящемся в огромном черном теле Вождя.

– А мы сумеем жить в мире? – спросила она наконец.

– Тебе нужен мир?

Она слабо улыбнулась.

– Да я из кожи вылезу, – пообещал Абберкам. – Поживи здесь хоть немного и увидишь. Она кивнула.

День прощения

Солли была космическим ребенком – дочерью Посланников-Мобилей, которые жили то на одном, то на другом корабле, мотаясь по разным мирам и планетам. К десяти годам она налетала пятьсот световых лет, а к двадцати пяти прошла через альтерранскую революцию, научилась айджи на Терре и прозорливому мышлению у старого Хилфера на Рока-нане, окончила университет Хайна, получила ранг Наблюдателя и уцелела в командировке на смертоносной умирающей Кеаке, проскочив при этом на предельной скорости еще полтысячи световых. Несмотря на молодость, она повидала многое.

Конечно, Солли скучала в посольстве на Вое-Део, где весь персонал, словно сговорившись, учил ее помнить и не забывать, остерегаться одного и стремиться к другому. Но, будучи Мобилем, она уже привыкла к подобному отношению. Уэрел действительно имел свои причуды. Хотя у какого мира их нет? Она прилежно зубрила свои уроки и теперь знала, когда надо делать реверансы и не рыгать за столом, а когда поступать наоборот или как захочется. Вот почему она так обрадовалась, получив наконец назначение в этот маленький причудливый город на небольшом и причудливом континенте. Солли стала первой и единственной посланницей Экумены в великом и божественном королевстве Гатаи.

Проведя несколько дней под крохотным ярким солнцем, изливавшим свет на шумные городские улицы, она влюбилась в эти сказочно высокие пики гор, которые возносились над крышами домов, в бирюзовое небо, где большие и близкие звезды сияли весь день, а по ночам ослепительно сверкали вместе с шестью лениво плывущими кусками луны. Она полюбила этих чернокожих и черноглазых людей, красивых и стройных, с узкими головами, тонкими руками и ногами, – людей, которые стали ее народом! Она любила их даже тогда, когда встречалась с ними слишком часто.

В последний раз Солли оставалась наедине с собой лишь в кабине аэроскиммера, который перевозил ее через океан, отделявший Гатаи от Вое-Део. У посадочной полосы посланницу встречала делегация придворных, жрецов и советников короля. Величавые государственные мужи в коричневых, алых и голубых одеждах проводили ее во дворец, где было много реверансов и никаких отрывков, утомительные знакомства, представление его маленькому сморщенному и старому величеству, занудливые речи и банкет – все по этикету, никаких проблем и даже без гигантского жареного цветка на ее тарелке во время торжественного обеда. Однако с самых первых шагов на посадочной полосе и каждую секунду после этого за спиной Солли, или рядом, или очень-очень близко находилось двое мужчин: ее гид и телохранитель.

Гида, которого звали Сан Убаттат, приставили к ней сами гатайцы. Он, конечно же, обо всем докладывал правительству, но был таким услужливым и милым шпионом, таким прекрасным лингвистом и приятным в общении советчиком, всегда готовым дать бесценный намек на ожидаемые действия или возможную ошибку, что Солли относилась к его опеке довольно спокойно. А вот с охранником все было иначе.

Он принадлежал к военной касте Вое-Део, чей народ, будучи преобладающей силой на Уэреле, являлся в этом мире основным союзником Экумены. Узнав о его назначении, Солли подняла в посольстве настоящий скандал. Она кричала, что ей не нужен телохранитель: у нее не было в Гатаи врагов, а даже если таковые и имелись, она сама могла бы позаботиться о своей безопасности. Однако в посольстве только разводили руками. Извини, говорили они. Тебе придется смириться. Несмотря на экономическую независимость, гатайцы используют для охраны своего государства вооруженные силы Вое-Део. Выполняя заказ такого выгодного клиента, Вое-Део заинтересовано в защите законного правительства Гатаи от много-

численных террористических группировок. Твоя охрана входит в перечень услуг их договора, и мы не можем оспаривать этот вопрос.

Солли знала, что возражать начальству бесполезно, но она не желала подчиняться какому-то майору. Его воинское звание, рега, она заменила архаическим словом «майор», которое запомнилось ей по смешной пародии, виденной когда-то на Терре. В этом фильме майор изображался напыщенным кителем, увешанным медалями и орденами. Он надувал щеки, передвигался с важным видом и отдавал приказы, время от времени извергаясь кусками своей начинки. Ах, если бы ее «майор» делал то же самое. Но он не только ходил с умным видом и командовал. Ко всему прочему, он был леденяще-вежливым, как улыбка каменной статуи, молчаливым, как дуб, и равнодушно-жестким, как трупное окоченение.

Солли довольно быстро отказалась от попыток разговаривать с ним. Что бы она ни сказала, он отвечал «да» или «нет, мэм» с той ужасной демонстративной тупостью человека, который не желает вас слушать. Этот офицер, по должности не способный к человеческим чувствам, был с ней на всех встречах и мероприятиях, при разговорах с бизнесменами, придворными и государственными чиновниками, на улицах и в магазинах, в городе и во дворце, при осмотре достопримечательностей и в воздушном шаре, который поднимал их над горами, – день и ночь, везде и всюду, не считая, конечно, постели.

Впрочем, пристальное наблюдение продолжалось и в постели. Гид и охранник уходили вечерами по своим домам, но в гостиной у дверей ее комнаты «спала» служанка – подарок короля и личная собственность Солли.

Она вспомнила свое недоумение, когда несколько лет назад впервые прочитала текст о узаконенном рабстве. «Члены правящей касты Уэрела являются собственниками, а люди, прислуживающие им, считаются имуществом. На этой планете только собственников можно называть мужчинами и женщинами; имущество же причисляется к домашним животным».

Теперь она тоже стала собственницей. Солли не могла отказаться от подарка короля. Рабыню звали Реве, и, скорее всего, она шпионила за посланницей Экумены. Хотя в это верилось с трудом. Величавая и красивая женщина выглядела лишь на несколько лет старше Солли и имела почти такую же смуглую кожу, только у Солли она была немного красноватой, а у Реве – синеватой. Ее ладони восхищали нежным голубоватым цветом. Манеры казались божественно-изысканными, а такт, проницательность и безошибочное предугадывание всех желаний своей новой госпожи вызывали восторг и удивление.

Солли обращалась с ней как с равной, с самого начала заявив, что ни один человек на свете не имеет права властвовать над другими людьми. Она сказала, что не будет отдавать Реве никаких приказов, и выразила надежду на их дальнейшую дружбу. Рабыня восприняла ее слова без особого воодушевления, как очередную прихоть молодой хозяйки. Вышколенная и покладистая, она улыбнулась и сказала «да». Но страстные речи Солли о равенстве и дружбе тонули в ее бездонном всепринятии и терялись там, оставляя Реве неизменной: заботливой и услужливой рабыней, приятной в общении, но совершенно невозмутимой. Она улыбалась, говорила «да» и пребывала за пределами каких-либо чувств и эмоций.

После ажиотажа первых дней, проведенных в Гатаи, Солли вдруг поняла, насколько ей необходимы разговоры с Реве. Служанка оказалась единственной женщиной, с которой она могла поговорить. Все гатайские аристократки жили в своих безах – женских половинах Домов. Им запрещалось выходить оттуда и уж тем более принимать в гостях посторонних людей. А рабыни, которых Солли встречала на улицах, являлись чьим-нибудь имуществом и боялись общаться со странной чужеземкой. За исключением Реве, ее окружали только мужчины – причем многие из них оказались евреями.

Это была еще одна особенность, в которую Солли поверила с трудом. Она не понимала, как могли такие красивые и видные мужчины добровольно отказаться от своей стати и потенции в обмен на должности и более высокое социальное положение. Тем не менее

она постоянно встречала их при дворе короля Хотата. Некоторые из них, родившись имуществом, становились отпущенниками и добивались значительных постов в структуре государственной власти. К примеру, евнух Таяндан, дворцовый мажордом, подчинялся только королю и главенствовал над Советом. Совет состоял из хозяев различных рангов и сословий, но касту жрецов в нем представляли только туалиты. Камье поклонялись теперь лишь рабы, хотя первоначально он был главой божественного пантеона Гатаи. Век назад, когда к власти пришли туалиты, религию предков предали запрету и забвению.

Если бы Солли спросили, что ей больше всего не нравится в этом мире, кроме рабства и махрового патриархата, она остановилась бы на религии. Песни о Туал Милосердной были такими же прекрасными, как ее статуи и огромные храмы в Вое-Део. И «Аркамье» казалось доброй и трогательной историей, хотя и немного раздутой. Но откуда тогда брались эти самодовольные, нетерпимые и глупые жрецы? Откуда появлялись их отвратительные доктрины, которые оправдывали любую жестокость, совершенную во имя веры? Иногда она даже спрашивала себя: а что может нравиться на Уэреле свободолюбивому человеку?

И всегда отвечала: я люблю этот мир! Я люблю это странное и яркое солнце, куски распадающейся луны, огромные горы, которые сияют, как ледяные стены, и людей – людей с черными глазами без белков, похожими на глаза животных, глазами из темного стекла, из темной воды, таинственными и притягательными... Я люблю этих людей. Я хочу узнать их ближе. Я хочу дотянуться до их сердец!

Однако ей пришлось признать, что руководители посольства оказались правы в одном: жизнь женщины на Уэреле невероятно трудна. Она нигде не чувствовала себя на своем месте. Обладая независимостью и высоким общественным положением, Солли воплощала для гатайцев возмутительное противоречие: ведь настоящие женщины сидели по домам и носа оттуда не показывали. Только рабыни ходили по улицам, встречались с посторонними людьми и трудились на общественных работах. Она вела себя как служанка и совершенно не походила на собственницу. Тем не менее к ней относились с величайшим уважением. Она была посланницей желанного союза Экумены, к которому хотела присоединиться гатайская знать. Вот почему ее боялись обидеть. Вот почему официальные лица, бизнесмены и придворные, с которыми она обсуждала дела Экумены, обходились с ней как с равной, то есть как с мужчиной. Это притворство никогда не бывало полным и часто легко нарушалось. Старик-король прилежно ощупывал Солли и каждый раз оправдывался тем, что ошибочно принял ее за одну из своих постельных грелок. Однажды в небольшой полемике она возразила лорду Гатуйо, и тот с минуту смотрел на нее такими изумленными глазами, словно с ним заговорил его комнатный башмак. Конечно, в тот миг он думал о ней как о женщине. Но, в общем-то, бесполое отношения приносили неплохие плоды и позволяли ей работать в этом женоненавистническом обществе.

Солли начала приспосабливаться к игре и с помощью своей служанки придумывала наряды, которые почти во всем напоминали одежду гатайских богачей. Она специально избегала женственных линий и стремилась воссоздать мужской силуэт. Реве оказалась умелой и искусной портнихой. Яркие, тяжелые и тугие брюки были не только приличными, но и практичными, а вышитые жакеты вместе с роскошным внешним видом дарили благодатное тепло. Такая одежда даже нравилась Солли. Однако в общении с мужчинами она все чаще чувствовала себя бесполом существом и огорчалась, когда люди принимали ее за некое подобие евнуха. Вот почему ей так хотелось пообщаться с гатайскими женщинами.

Она попыталась встретиться с аристократками через их мужей, но натолкнулась на стену вежливости без дверей и щелочек. Какая прекрасная идея, говорили ей. Мы обязательно устроим такой визит, когда погода станет лучше! Как я польщен подобной честью! Ах, вы хотите принять у себя леди Майойо и ее дочерей? Вот только жаль, что мои провинциальные глупышки так непростительно застенчивы. Я прошу прощения и умоляю понять

меня... О да! Конечно, конечно! Прогулка по внутреннему саду! Но лучше не сейчас. Лоза еще не зацвела! Давайте подождем до весны.

Ей не с кем было поговорить до тех самых пор, пока она не встретила макила Батикама.

Гастролирующая труппа из Вое-Део стала театральным событием года. Лишь немногие артисты приезжали с концертами в маленькую горную столицу Гатаи. В основном это были храмовые танцоры – исключительно мужчины – или посредственные актеры со слащавыми постановками, которые анонсировались в афишах как лучшие драмы Уэрела. Солли упорно ходила на эти сырые пьесы, надеясь уловить в них намек на «домашнюю жизнь» местных женщин. Но ей уже претили истеричные девы, падавшие в обморок от любви, пока их упрямые героини-придурки умирали в великих битвах. Они все как один походили на «майора», и Туал Милосердная спускалась к ним с небес, чтобы с улыбкой принять их смерть. Ее глаза слегка косили, и выкрашенные белки выдавались за знак божественности.

Солли заметила, что мужчины Уэрела никогда не смотрели этих драм по телесети. Теперь она знала причину подобного пренебрежения. Однако приемы во дворце и вечеринки, которые устраивали в ее честь хозяева, оказались довольно скучными развлечениями: всегда и везде одни мужчины! Очевидно, им запретили приводить рабынь для забав на те мероприятия, где присутствовала посланница. Солли не смела флиртовать со стройными красавцами, поскольку это напомнило бы им о том, что она простая женщина, которая ведет себя совершенно не так, как подобает леди. Одним словом, ее восторг первых дней уже сошел на нет, когда в Гатаи приехала труппа макилов.

Солли спросила у Сана, своего надежного и учтивого гида, не нарушит ли она каких-либо обычаев, посетив постановку макилов. Тот смущенно покашлял, немного помялся и наконец с елеинной деликатностью дал понять, что все будет нормально, если она оденется как мужчина.

– Как вы знаете, наши женщины не появляются на публике. Но иногда им тоже хочется посмотреть какое-нибудь представление. К примеру, леди Аматай ходит с мужем в театр, одевшись в его военную форму. Это известно всем, однако никто ничего не говорит. А вам, такой значительной и важной персоне, тем более нечего бояться. Никто и слова не скажет. Все будет чинно и прилично. К тому же мы с регой составим вам компанию. Просто как друзья, понимаете? Три хороших приятеля забрели посмотреть представление. Ну как? Годится?

– Годится, – покорно ответила она. – Мне даже будет веселее!

Это неплохая цена, подумала Солли, за возможность увидеть макилов. Их никогда не показывали по телесети. Как резонно сообщил Сан, некоторые представления макилов имели непристойное содержание и правительство не хотело смущать юных дев, смотревших развлекательные телепрограммы. Такие выступления проводились только в театрах. Клоуны, танцоры и проститутки, актеры, музыканты и макилы образовывали особый подкласс имущества, которое никому особо не принадлежало. Корпорация развлечений скупала у собственников талантливых мальчиков-рабов, обучала подростков и опекала их на протяжении всей жизни, получая при этом неплохую прибыль.

Солли и двое мужчин отправились в театр, который находился за шесть или семь улиц. Она забыла, что макилы были трансвеститами. Она не вспомнила об этом даже тогда, когда увидела их на сцене. Стройные юноши носились в страстном танце, кружились и взлетали вверх в мятежных прыжках, напоминая силой и грацией больших свободных птиц. Она смотрела на них, ни о чем не думая, увлеченная красотой и подлинным искусством. Но музыка вдруг изменилась, и на сцену вышли клоуны: один, черный как ночь, олицетворял собственника, а другой был одет в цветастую юбку с длинным шлейфом. Он томно сжимал фантастически большие, торчащие груди, украшенные блестками, и напевал высоким, тонким и дрожащим голосом: «Ах, не насилуйте меня, пожалуйста, добрый хозяин. О, нет-нет, прошу вас! Только не сейчас!» И тогда по ходу действия, давась от хохота и смущенно

прикрывая ладонями лицо, Солли вспомнила, что это были за мужчины. Но затем на сцене появился Батикам и начал читать удивительно прекрасный, щемящий душу монолог. К тому времени, когда он закончил свой звездный выход, Солли стала его поклонницей.

– Я хочу увидеться с ним, – сказала она Сану в антракте. – Я хочу поговорить с Батикамом.

Гид вежливо улыбнулся и лукаво закусил губу, показывая, что за небольшую сумму он может устроить такую встречу. Но «майор», как всегда, был начеку. Прямой и чопорный, словно большая дубина, он медленно развернулся на каблуках и посмотрел на Сана. Выражение лица гида тут же изменилось.

Солли почувствовала гнев. Если бы ее предложение шло вразрез с какими-то правилами, Сан намекнул бы ей об этом или ответил вежливым отказом. Напыщенный «майор», приставленный к ней соглядатаем, опять пытался надеть на нее узду, как на одну из «своих» женщин, и на этот раз его вмешательство граничило с оскорблением. Солли посмотрела ему прямо в глаза и раздраженно сказала:

– Рега Тейео, я понимаю, что вы выполняете данный вам приказ и стараетесь держать меня под каблуком. Но если вы хотите, чтобы я и Сан повиновались вашим указаниям, потрудитесь высказывать их вслух, объясняя нам суть своих претензий. Я не желаю подчиняться вашим кивкам, ухмылочкам и подмигиваниям!

Наступившая пауза принесла ей искреннее удовлетворение. Холодная усмешка «майора» не изменилась. Во всяком случае, тусклый свет театра скрывал выражение его черного лица. Тем не менее ледяная неподвижность в позе охранника подсказала Солли, что она остановила этого тупого солдафона. Он прочистил горло и сказал:

– Я уполномочен защищать вас, посланница.

– А разве мне угрожают макилы? Неужели вы видите какую-то опасность в том, что посланница Экумены поблагодарит одного из величайших артистов Уэрела?

И вновь наступило долгое молчание.

– Нет, – наконец ответил он.

– Тогда я прошу вас сопровождать меня после выступления за кулисы. Я хочу увидеться с макилом Батикамом.

Один жесткий кивок. Один сердитый кивок поражения. Очередное очко в ее пользу. Сев на свое место, Солли с удовольствием следила за мастерами пантомимы, эротическими танцами и трогательной драмой, которая завершала вечернее представление. Пьеса исполнялась на почти непонятном языке архаической поэзии, но от красоты актеров и проникновенной трепетности их голосов на глаза Солли наворачивались слезы.

– Жаль, что макилы всегда используют только «Аркамье», – с ханжеским осуждением произнес Убаттат.

Он не принадлежал к гатайской знати. И фактически не располагал имуществом. Тем не менее Сан считался собственником, и ему нравилось выдавать себя за фанатичного туалита.

– Для нашей образованной публики больше подошли бы сцены из «Инкарнации Туал».

– Я думаю, рега полностью согласен с вами, – отозвалась Солли, наслаждаясь своей иронией.

– Не со всем, – ответил страж, причем с такой невыразительной вежливостью, что Солли поначалу даже не поняла, что он сказал.

Однако позже, проталкиваясь к сцене и договариваясь о разрешении пройти за кулисы в костюмерную исполнителей, она забыла о том небольшом смущении, в которое ее вверг рега Тейео.

Узнав, какая важная особа посетила их театр, управляющий хотел вывести из комнаты других актеров и оставить ее наедине с Батикамом (и, конечно же, с гидом и охранником), но Солли сказала:

– Нет-нет, эти замечательные артисты нам не помешают. Просто позвольте мне поблагодарить Батикама за его прекрасный монолог.

Она стояла среди ошалевших костюмеров и полуголых людей, перепачканных гримом, среди смеха и всеобщего расслабления, которое наступает после выступления за любыми кулисами любого мира. Она говорила с умным впечатляющим человеком, одетым в женский наряд из далекой изысканной эры. С человеком, который понравился ей с первого взгляда.

– Не могли бы вы прийти ко мне домой? – спросила она.

– С удовольствием, – ответил Батикам, ни разу не взглянув на Сана и «майора».

Он был первым рабом, который не выпрашивал у ее гида и охранника позволения говорить или совершать какие-то действия. Солли быстро повернулась, чтобы посмотреть, насколько они шокированы. Сан смущенно хихикал, как при тайном сговоре. Взгляд «майора» застыл на точке левее ее головы.

– Мы встретимся немного позже, – сказал Батикам. – Я должен изменить свой вид.

Они обменялись улыбками, и Солли ушла. За ее спиной затихли голоса восторженных актеров. Неимоверно близкие звезды сияли в небе гроздьями, словно огненный виноград. Куски луны кувыркались по небу через заснеженные горные пики, а один из них раскачивался взад и вперед, как кривобокий фонарь, подвешенный над ажурными башнями дворца. Солли шагала по темной улице, радуясь теплу и свободе своей мужской накидки. Сан почти бежал, стараясь угнаться за ней. Длинноногий «майор» без видимых усилий шел рядом. Внезапно за ее спиной раздался высокий вибрирующий голос:

– Посланница! Подождите!

Солли с улыбкой повернулась и замерла на месте, увидев, что «майор» набросился на какого-то человека, стоявшего в тени портика. Мужчина вырвался и отпрыгнул в сторону. Охранник без слов схватил Солли за руку и, сильно дернув, заставил ее перейти на бег.

– Отпустите меня! – закричала она, отчаянно сопротивляясь.

Ей не хотелось прибегать к айджи, а слова убеждений до «майора» просто не доходили. Рега рывком увлек ее за собой на темную аллею, и, чтобы не упасть, она побежала рядом с ним, позволив ему держать себя за руку. Неожиданно они оказались на знакомой улице перед воротами дома посланницы. Открыв дверь кодовым словом, «майор» втолкнул Солли в прихожую и быстро вставил в паз широкий металлический засов.

– Что все это значит? – строго спросила она, растирая запястье, где жесткие пальцы могли оставить синяки.

Заметив на лице «майора» последний след веселой улыбки, Солли даже затопала ногами от возмущения.

– Вы не пострадали? – переведя дыхание, спросил он.

– Пострадала? Ну разве что от ваших грубых рук! И что же вы сейчас сделали?

– Отогнал от вас того парня.

– Какого парня?

Он обиженно промолчал.

– Того, который позвал меня? А что, если он просто хотел поговорить со мной?

Подумав минуту, «майор» ответил:

– Возможно, вы правы. Однако он стоял в тени. Мне показалось, что я увидел у него в руках оружие. Извините, но я должен выйти и отыскать Сана Убаттата. До моего возвращения держите дверь закрытой на замок.

Отдав этот дерзкий приказ, он вышел и захлопнул дверь. Солли даже не успела слова произнести. Ей оставалось только ждать и негодовать от ярости. Неужели этот болван счи-

тает, что она не может позаботиться о себе? Почему он так рьяно вмешивается в ее дела и пинает рабов, якобы защищая жизнь своей подопечной? Может быть, стоило показать ему айджи? Он сильный и ловкий, но ничего не знает о лучшем стиле рукопашного боя. Да, с этим дилетантством пора кончать. Она не потерпит амбиций тупого вояки. Надо будет отправить в посольство еще один протест.

Когда «майор» втащил в дом перепуганного и дрожащего Сана, Солли устроила ему настоящий разнос:

– Вы открыли мою дверь кодовым словом. Почему меня не информировали о том, что у вас есть право доступа в мой дом не только днем, но и ночью?

Он тут же опустил забрало невозмутимой вежливости.

– Не имею понятия, мэм.

– Вы больше никогда не будете действовать подобным образом! Я запрещаю вам хватать меня за руки и препятствовать моему общению с другими людьми! Если же вы попытаетесь проделать это вновь, я покалечу вас, рега! Предупреждаю, что вы шутите с огнем! Если вас что-то встревожит, скажите об этом мне, и я сама найду решение любой проблемы. Теперь же прошу вас удалиться.

– С огромной радостью, мэм, – ответил он и вышел из комнаты, печатая шаг.

– Ах, леди... Ах, посланница, – заскулил Убаттат. – Это очень опасный тип. Они все опасные люди. Я прошу прощения за это слово: бесстыдные!

И он что-то забормотал на своем языке. Солли поинтересовалась, кем, по мнению Сана, был человек, встретившийся им на улице: религиозным раскольником, патриотом или одним из староверов. Последние, насколько она успела узнать, придерживались исконной гатайской религии и испытывали лютую ненависть ко всем чужакам и иноверцам.

– Мне показалось, что это был какой-то раб, – добавила она, и ее слова шокировали гида-переводчика.

– О, нет-нет! Это был настоящий мужчина! Пусть самый заблудший и фанатичный из всех язычников, но мужчина! Эти люди называют себя кинжальщиками. Но вам нечего бояться, леди... Извините, посланница. Он определенно был мужчиной!

Мысль о том, что какой-то раб мог коснуться посланницы Экумены, тревожила его сильнее, чем сама попытка покушения. Если только это действительно было покушение.

Обдумав ситуацию, Солли пришла к заключению, что нападавший мог оказаться помощником «майора». После того как она отчитала охранника в театре, рега решил поквитаться с ней и поставить ее на место, «защитив» от так называемого кинжальщика. Ничего! Если он попытается проделать это снова, она протрет им все стены и пол!

– Реве! – позвала она, и рабыня тут же появилась в дверном проеме. – Сейчас ко мне придет один из актеров. Ты не могла бы приготовить нам чай и какую-нибудь закуску?

Реве с улыбкой кивнула и побежала на кухню. Послышался стук в дверь. Открыв ее, Солли увидела на крыльце Батикама и «майора», который, очевидно, охранял дом снаружи. Оба вошли в прихожую.

Она не ожидала, что макил по-прежнему будет в женской одежде. Его платье – одно из тех, что носили в пьесах обморочные дамы, – отличалось от пышного и величавого наряда, в котором он встречал ее за кулисами театра. Тем не менее оно еще больше подчеркивало элегантность и утонченность Батикама. Переливаясь оттенками, играя светом и тьмой, это платье придавало особую пикантность собственному мужскому костюму Солли. Конечно, «майор» был более красивым и притягательным мужчиной, пока не открывал рот. Но макил обладал каким-то необъяснимым магнетизмом. На Батикама хотелось смотреть и смотреть. Его кожа выглядела серовато-коричневой, а не иссиня-черной, чем так гордились аристократы Уэреда. (Впрочем, Солли видела многих черных слуг, и это ее нисколько не удивляло: ведь каждая рабыня должна была безропотно выполнять сексуальные прихоти своего хозя-

ина.) Через грим макила и «звездную пудру» его лицо источало симпатию и живой интеллект.

Взглянув на нее и Сана, а затем на «майора», Батикам издал приятный благозвучный смех. Он смеялся как женщина – с теплой серебристой вибрацией, а не грубым мужским «ха-ха-ха». Актер протянул руки к Солли, и она, подойдя к нему, нежно сжала в своих ладонях кончики длинных ухоженных пальцев.

– Спасибо, что пришли, Батикам! – сказала она.

– А вам спасибо за то, что пригласили меня к себе, – ответил он. – Чудесная посланница звезд!

– Сан! – вдруг возмутилась Солли. – Где же ваша бывшая сообразительность?

На лице гида промелькнула смущенная нерешительность. Какой-то миг он хотел сказать о чем-то, но затем улыбнулся и елеинно произнес:

– Да-да, прошу меня извинить. Доброй вам ночи, посланница Экумены! Надеюсь увидеть вас завтра в управлении рудников. В полуденный час, как мы и условились, верно?

Отступая, он надвигался на «майора», который неподвижно стоял в дверном проеме. Солли с вызовом взглянула на охранника, готовая без всяких церемоний напомнить ему о том, с какой радостью он хотел покинуть ее дом. И тут она увидела его лицо. Маска холодной вежливости растворилась в подлинном чувстве, и это чувство было презрением, скептическим и тошнотворным, словно его заставили смотреть на человека, который ел чужое дерьмо.

– Уходите! – закричала она и отвернулась от них. – Прошу вас пройти сюда, Батикам. – Она потянула макила в спальню. – Только здесь я еще нахожу какое-то уединение.

Тейео родился там, где рождались его предки, – в старом холодном доме у подножия холмов чуть выше Ноехи. Мать не плакала, рожая его, потому что она была женой солдата. Ему дали имя великого сородича, убитого в битве под Сосой. Он рос в непреклонной дисциплине обедневшего, но чистого и древнего рода веотов. Отец, приезжая домой во время редких и краткосрочных отпусков, обучал его искусствам, которые обязан знать каждый солдат. А когда он отбывал в свою часть для несения воинской службы, за мальчиком присматривал старый раб Хаббакам, некогда служивший сержантом. Он учил Тейео летом и зимой, с пяти утра и до вечера, делая лишь короткие перерывы на молитвы и поклонение богине. Фехтование коротким и длинным мечом сменяла стрельба, после которой начинался бег по пересеченной местности. По вечерам же мать и бабушка учили мальчика другим искусствам, которые обязан знать мужчина. Начиная с двух лет ему преподавали уроки хороших манер, истории, поэзии и неподвижного созерцания.

День Тейео был наполнен тренировками, уроками и поединками с другими учениками сержанта, но день у ребенка длинный. Иногда выдавались свободные часы, а то и целые вечера для игр в комнате, поместье или на холмах. Он дружил с любимыми животными: лисопсами, пятнистыми гончими, котами-ищейками, рогатыми буйволами и большими лошадьми. Дружить с людьми у него как-то не получалось.

Все рабы семьи, кроме Хаббакама и двух наложниц, считались издольщиками. Они возделывали каменистую землю предгорий и, как их хозяева, любили ее преданно и на века. Дети слуг отличались не только светлой кожей, но и робостью. Они с колыбели привыкали к тяжелой пожизненной работе и знали лишь свои поля, холмы и неизменные обязанности. В летние месяцы они купались с Тейео в заводях на реке. А иногда он играл с ними в войну или вел их в атаку на коровье стадо. Построив в шеренгу этих неотесанных неуклюжих парней, он кричал им: «В атаку!» – и мальчишки мчались на невидимых врагов. «За мной!» – пронзительно орал Тейео, и подростки послушно топали позади него, стреляя наобум из

сломанных веток – «пум, пум, бу-бум». Но чаще он гулял один: пешком, с котом-ищейкой, сопровождавшим его на охоте, или верхом на своей кобыле Тэси.

Несколько раз в году в поместье приезжали гости: родственники или боевые товарищи отца, привозившие своих детей и дворовую челядь. Тейео молча и вежливо показывал детям окрестности, знакомил их с животными и брал на охоту в холмы. Молча и вежливо он ненавидел своего кузена Гемата, и тот отвечал ему тем же. В четырнадцать лет они сражались по часу на поляне за домом и, следуя всем ритуалам борьбы, безжалостно избивали друг друга. Теряя терпение и выдержку, они познавали жажду крови, отчаяние и волю к победе, а затем по невысказанному согласию откладывали бой на следующий день и возвращались в молчании домой, где остальные собирались к ужину. Все видели это и ничего не говорили. Мальчишки торопливо умывались и садились к столу. Из носа Гемата текла кровь. Челюсть Тейео болела так сильно, что он едва двигал ею, просовывая в рот кусочки незатейливой пищи. Но никто не делал им никаких замечаний.

В пятнадцатилетнем возрасте молча и вежливо он и дочь реги Тоебавы полюбили друг друга. В последний день перед ее отъездом они убежали по невысказанному сговору из дома и ускакали в холмы. Он отдал ей свою Тэси. Они мчались бок о бок несколько часов, слишком застенчивые, чтобы заговорить. Спешившись у воды и оставив лошадей в небольшой долине, они сидели друг перед другом на вежливом расстоянии и молча наблюдали, как тихий ручей несет свои воды.

– Я люблю тебя, – сказал Тейео.

– Я тоже люблю тебя, – ответила Эмду, пригнув к коленям черное сияющее лицо.

Они не смели прикоснуться друг к другу, не смели смотреть в любимые глаза, но возвращались домой счастливые и молчаливые.

Когда Тейео исполнилось шестнадцать, его отослали в офицерскую академию главного города их провинции. Там он продолжил свою практику в искусствах войны и в науках мира. Их провинция была сельской окраиной Вое-Део, где придерживались старых консервативных устоев. Вот почему его обучение проходило в соответствии с древними обычаями страны. Тем не менее там преподавали и технологию современных войн. Он стал виртуозным пилотом боевой гондолы и экспертом телезондирования, хотя, в отличие от других офицерских школ, курсантов не учили логике компьютерного мышления и другим новомодным наукам. Так, например, вместо истории и экономической политики Экумены они углубляли свои познания в поэзии и истории Вое-Део.

Присутствие пришельцев с других звезд оставалось для Тейео чисто теоретическим – слишком уж мало их было на Уэре. Его реальность диктовалась старыми традициями веотов, чье сословие сторонилось людей, не состоявших в солдатском братстве, – будь они родственниками, имуществом или врагами. Что касается женщин, то Тейео считал свое превосходство над ними абсолютным и именно поэтому относился к знатым дамам с рыцарским благородством, а к рабыням – с покровительственной благосклонностью. Тейео разделял расхожее мнение о том, что все пришельцы были враждебными язычниками и не заслуживали никакого доверия. В религии он почитал Туал Милосердную, но поклонялся Владыке Камье. Тейео не ждал справедливости, не искал наград и превыше всего ценил компетентность, отвагу и уважение к себе. В некоторых отношениях веот казался совершенно неприспособленным к жизни в огромном мире. Но в остальном он неплохо освоился в нем – возможно, потому, что семь лет провел на Йеове, принимая участие в войне, в которой не было справедливости, наград и даже маленькой иллюзии на окончательную победу.

Звание среди веотов передавалось по наследству, и Тейео имел самое высокое из возможных трех – звание реги. Никакая глупость офицера и никакие заслуги не могли изменить его статус и жалование. Впрочем, материальные запросы не соответствовали кодексу веотов. Ценились только честь, готовность выполнить долг и ответственность перед родиной. Вот

к чему стремился Тейео. Ему нравилась воинская служба. Ему нравилась жизнь. И он знал, что лучшее в ней достигалось разумным подчинением и эффективностью отданных команд. Окончив академию с наилучшими отзывами и рекомендациями, он, как многообещающий офицер и привлекательный молодой человек, получил назначение в столицу.

К двадцати четырем годам он стал настоящим красавцем. Его тело могло дать все, чего бы он от него ни потребовал. Строгое воспитание не поощряло потворства своим желаниям, но роскошь и развлечения большого города открыли для веота немало новых удовольствий. Он был сдержанным в чувствах и даже немного робким, но ему нравилось веселье и общение с другими молодыми людьми. Благодаря красивой внешности Тейео за год узнал все прелести жизни привилегированной молодежи. Сладость этих удовольствий усиливалась на темном фоне войны на Йеове – восстания рабов на колониальной планете, которое длилось всю его жизнь. С каждым годом противостояние становилось сильнее. Возможно, этот фон и делал столичную жизнь такой счастливой. Но Тейео вряд ли понравились бы одни развлечения или одни диверсии. Вот почему его радость была почти бесконечной, когда он получил приказ о назначении пилотом и командиром подразделения, которое улетало на Йеове.

Перед уходом на фронт Тейео приехал домой в тридцатидневный отпуск. С одобрения родителей он отправился верхом через холмы в поместье реги Тоебавы и попросил руки его дочери. Рега с супругой не имели ничего против, но, как добрые родители, оставили окончательный ответ за своей дочерью. Та согласилась без всяких колебаний. Будучи взрослой незамужней девой, она жила на женской половине дома, но ей и Тейео позволили встретиться и даже немного поговорить, хотя пожилая дама, сопровождавшая Эмду, все время прохаживалась неподалеку. Молодой веот поведал невесте о своем трехлетнем контракте.

– Мы можем пожениться сейчас или подождать еще три года, – сказал он ей. – Когда ты хочешь устроить нашу свадьбу?

– Сейчас, – ответила она, прикрывая ладонями сияющее от счастья лицо.

Тейео радостно засмеялся, и она подхватила его смех. Они поженились через девять дней. Быстрее не получилось, так как требовалось выполнить некоторые формальности. Все понимали, что это была свадьба солдата, ушедшего на войну, но церемонии на Уэреле имели первостепенное значение. Тейео и Эмду любили друг друга семнадцать дней. Они бродили по холмам и предавались любви, скакали вдоль реки и влюблялись еще сильнее, ссорились, мирились и любили, засыпали обнявшись и, просыпаясь, любили, любили, любили. А потом он улетел на другую планету, и она перебралась на женскую половину дома, где жили родители ее мужа.

Срок службы тянулся год за годом, и его репутация как отважного и опытного офицера укреплялась с каждой новой битвой. Война на Йеове перешла от беспорядочных атак и оборонительных операций в отчаянное и поспешное отступление. В такой обстановке было не до отпусков, но военный штаб послал на Йеове милостивое разрешение отозвать Тейео на Уэрел, поскольку его жена умирала от берлота. Однако в тот момент на Йеове начался настоящий ад. Армия отступала с трех сторон к старой колониальной столице. Подразделение Тейео сражалось в приморских топях, прикрывая тылы отходящих частей. Связь с Уэрелом была прервана. Командование недоумевало: невежественные рабы с простым стрелковым оружием громили армию обученных и дисциплинированных солдат, оснащенных коммуникационной сетью, скиммерами, гондолами, современными приборами и средствами уничтожения, которые разрешались конвенцией Экумены. Мощная оппозиция в Вое-Део объясняла неудачи на Йеове бессилием нынешнего правительства и покорным соблюдением правил, навязанных пришельцами. «К чертям собачьим конвенцию Экумены! – кричали они. – Надо нанести массированный бомбовый удар и превратить жалких смердов в дерьмо, из которого они сделаны! Почему не применяются биобомбы? Давайте уберем наших воинов с этой дурацкой планеты и стерилизуем ее до первозданной чистоты! Начнем все заново. Если мы

не выиграем войну на Йеове, следующая революция произойдет прямо здесь, на Уэреле, в наших собственных городах, в наших собственных домах!»

Пугливое правительство с трудом противостояло этому давлению. Уэрел проходил испытательный срок, и Вое-Део желало влиться в союз Экумены. Поражения приуменьшались, о потерях ничего не говорилось, а скиммеры, гондолы, оружие и люди поставлялись на Йеову все в меньших и меньших количествах. К концу седьмого года некогда грозная и мощная колониальная армия была, по сути, уничтожена своим правительством. В начале восьмого года, когда посланцы Экумены посетили Йеове, Вое-Део и другие страны, принимавшие участие в войне, остатки разгромленной армии начали отзывать домой.

Вот так и получилось, что Тейео узнал о смерти жены лишь после того, как вернулся на Уэрел. Он отправился в родное поместье, и седой отец встретил его молчаливым объятием. Мать плакала, целуя сына в шею и лицо. Он встал перед ней на колени и попросил прощения за то, что принес ей столько горя.

Той ночью он лежал в холодной комнате безмолвного дома и слушал, как стучало его сердце – медленно и ровно, словно боевой барабан. Тейео не чувствовал особой печали. Слишком велика была радость вновь оказаться под отчим кровом и мирным небом. Однако где-то внутри, за броней спокойствия, бурлили ярость и гнев. Он не привык к таким чувствам и даже не мог бы сказать, что с ним происходит. Но какое-то мрачное зарево разрасталось в его груди, высвечивая лица погибших товарищей. И Тейео лежал, вспоминая Йеове, где он семь лет воевал то в воздухе, то на земле. Перед глазами возникали картины долгого отступления, трупы людей, безумные атаки и моменты, когда смерть лишь чудом обходила его стороной.

Почему их обрекли на поражение и верную смерть? Почему, оставив там своих солдат, правительство не послало им подкрепление? Но нет, такие вопросы задавать не стоило, как не стоило теперь и искать на них ответ. Он мог сказать себе только следующее: «Мы делали то, что нам приказывали. Мы выполняли свой долг, и поэтому нечего жаловаться». Новое понимание резало душу остро, как нож, и затмевало собою прежнее знание. «Я сражался за каждый шаг, – думал он без всякой гордости. – Но мы потеряли Йеове. И пока я был там, моя жена умерла. Все оказалось напрасным – и здесь, и на Йеове». Тейео лежал в холодной и молчаливой темноте, вдыхая сладкие запахи холмов.

– О великий Камье, – произнес он вслух, – помоги мне. Мой ум предал меня. И я не знаю, что делать.

Во время долгого отпуска мать часто рассказывала ему об Эмду. Поначалу он слушал только из вежливости и любви. Ведь так легко было забыть застенчивую милую девушку, которую он знал семь лет назад всего лишь семнадцать дней. Но мать не позволила ему этого, и постепенно он узнал, какой преданной и доброй женщиной была его жена. Со слезами на глазах мать делилась с ним той радостью, которую она нашла в своей Эмду, в своей любимице и подруге. Даже отец, суровый и молчаливый отставной военный, однажды сказал:

– Она была светом этого дома.

Родители благодарили сына за нее. Они говорили, что его любовь не прошла напрасно. Но что ожидало их впереди? Старость без внуков? Пустой молчаливый дом? Они не жаловались и смиренно довольствовались тем, что давала суровая тяжелая жизнь. Но между их прошлым и будущим пролегла бездонная пропасть.

– Если хочешь, я женюсь еще раз, – сказал Тейео матери. – Может быть, у тебя уже есть на примете какая-то девушка...

Шел дождь. Серый свет дрожал на мокрых стеклах окна, и тяжелые капли стучали по кровле. Мать склонилась над своим шитьем, скрывая слезы, которые покатались по ее щекам.

– Нет, – ответила она. – Я не знаю ей замены. – И, взглянув на сына, перевела разговор на другую тему: – Как думаешь, куда тебя отправят служить?

– Не имею понятия.

– Ведь войны больше нигде нет, – добавила она мягким и ровным голосом.

– Да, нигде, – ответил Тейео.

– А будет когда-нибудь? Как ты считаешь?

Он встал, прошелся по комнате и снова сел напротив нее. Их спины были прямыми и неподвижными. Пальцы матери продолжали штопать старую одежду, а руки Тейео лежали одна на другой – так, как его учили с двухлетнего возраста.

– Я не знаю, – произнес он в ответ. – Все выглядит очень странным. Словно не было войны на Йеове. Словно мы вообще не владели этой планетой. О восстании рабов даже не упоминают. Будто его и не случилось. Будто мы не сражались с ними в полувековой войне. Все по-новому. Все не так, как раньше. По телесети говорят, что наступила новая эра – эра мира и братства с другими мирами. Зачем же нам теперь тревожиться о Йеове? Разве мы не побратались с Гатаи, Бамбуром и Сорока государствами? Зачем нам тревожиться о своих рабах?.. Но я их не понимаю. Я не знаю, чего они хотят. Я даже не знаю, как мне жить дальше.

Его голос тоже был тихим и ровным.

– Ты не должен оставаться здесь, – сказала мать. – Во всяком случае, сейчас.

– Я думал, что дети... – произнес Тейео.

– Конечно. Когда придет время, – с улыбкой ответила она. – Ты никогда не мог сидеть спокойно больше получаса. Подожди... Подожди, и ты все поймешь.

Конечно, она была права, но то, что он видел по телесети и в городе, подтачивало его терпение и гордость. Казалось, что солдатское ремесло стало теперь позорным. В отчетах правительства, в новостях и сводках событий об армии говорилось с язвительным презрением. Касту веотов называли доисторическим ископаемым. Их считали дорогой и бесполезной роскошью, которая мешала Вое-Дею вступить в союз Экумены. Тейео почувствовал себя абсолютно никому не нужным, когда в ответ на прошение о новом назначении ему предложили отставку с пенсией в пол-оклада. Да, так ему и сказали, что он может идти на пенсию – это в его-то тридцать два года!

Тейео хотел смириться, принять ситуацию и, поселившись в поместье, найти себе жену. Но мать посоветовала ему поговорить с отцом. Он так и сделал.

– Конечно, сын, – сказал отец. – Помощь нам не помешает. Однако я и сам бы справился с хозяйством. Твоя мать считает, что ты должен отправиться в столицу, в штаб армии. Они не посмеют отвергнуть тебя, когда ты согласишься им в глаза. Семь лет боевой выслуги... С твоими наградами...

Тейео знал, чего они теперь стоили. Но он действительно чувствовал себя дома ненужным. Отца сердили его идеи относительно обновления поместья, и старикам не хотелось менять уклад, к которому они привыкли в течение жизни. Родители были правы: ему следовало поехать в столицу и узнать, на какую роль он мог претендовать в этом новом мире без войн и воинской чести.

Первые полгода принесли ему одни лишь огорчения. Он никого не знал в Главном штабе и столичном гарнизоне. Его фронтовые друзья погибли в боях, стали инвалидами или сидели по домам на половинном окладе. Молодые офицеры, которые слышали о Йеове только по телесети, казались ему холодными и скупыми на слова, а уж если и говорили, то только о деньгах и политике. Про себя он называл их мелкими бизнесменами. Тейео догадывался, что они боялись его заслуг и репутации. Сам того не желая, он напоминал им о проигранной войне, о гражданском противостоянии, где класс шел на класс, где свои сражались против своих. Эти молодые парни хотели забыть его войну, которая не имела к ним никакого отношения. Они считали ее бессмысленной ссорой с каким-то далеким-далеким миром.

Тейео бродил по улицам столицы, наблюдал за толпами рабов, спешивших по делам своих хозяев, и удивлялся: чего они ждут?

– Союз Экумены не вмешивается в социальные, культурные и экономические дела каких-либо народов, – повторяли в теленовостях послы и правительственные чиновники. – Любая нация и народ могут стать полноправными членами союза, если подпишут конвенцию, которая предполагает отказ от жестоких методов ведения войны и средств массового уничтожения.

За этими словами обычно следовал список запрещенного оружия, состоявший на девяносто процентов из незнакомых названий. Однако в нем были и биобомбы, изобретенные в Вое-Део. Пришельцы называли их невролазерами.

Тейео соглашался с позицией Экумены по поводу таких устройств и уважал терпение чужаков, с которым те уговаривали Вое-Део и остальной Уэрел принять конвенцию и правила союза. Но его возмущала их снисходительность. Они говорили с людьми его мира так, словно смотрели на них свысока. Чем меньше чужаки упоминали о рабстве и делении общества на классы, тем отчетливее проступало их неодобрение.

«Рабство является очень редким явлением в мирах Экумены, – писалось в их книгах, – и полностью исчезает при равноправном участии в экономической политике союза».

Не этого ли добивались послы Экумены, прилетавшие в Вое-Део?

– Клянусь Святой Туал! – сказал как-то раз один из молодых офицеров-туалитов. – Пришельцы скорее признают этих смердов с Йеове, чем нас!

От возмущения и ярости он брызгал слюной, словно старый рега, отчитывавший наглого раба-солдата.

– Подумать только! Йеове – эта проклятая планета рабов, язычников и варваров – будет принята в союз раньше нас!

– Эти варвары показали себя хорошими воинами, – ответил Тейео, прекрасно понимая, что ему не следовало говорить подобных слов.

Однако ему не нравилось, когда мужчин и женщин, с которыми он сражался, называли смердами. Рабами, мятежниками и врагами – да, но не смердами!

Молодой человек взглянул на него с усмешкой и язвительно спросил:

– Неужели они вам нравятся, рега? Неужели вам нравятся эти смерды?

– Я убивал столько, сколько мог, – вежливо ответил Тейео и тактично перевел разговор на другую тему.

Молодой человек, хотя и служил при штабе, имел ранг оги, самый нижний у веотов, поэтому любое пренебрежение к нему со стороны старшего офицера считалось бы признаком дурного тона.

Чванливость молодых военных раздражала. Веселые дни солдатского братства остались в далеком прошлом. Начальники штабных отделов, зевая, читали прошения Тейео о новом назначении и отсылали его в кабинеты других департаментов. Для него не нашлось даже койки в бараках, и ему пришлось снимать квартиру, словно какому-то штатскому. Огромный город по-прежнему предлагал обилие удовольствий, но половинного жалованья хватало только на еду и кров.

Дождаясь встреч, которые ему назначали те или иные должностные лица, Тейео проводил свободные дни в библиотеке офицерской академии. Он понимал, что недостаточно образован, и хотел наверстать упущенное. Его страна готовилась к вступлению в союз Экумены. Чтобы снова стать полезным ей, он должен был узнать о пришельцах все, что только можно, включая их новые технологии и образ мыслей. Стараясь выбрать какую-то конкретную тему, Тейео блуждал в компьютерной сети, смущался от обилия доступной информации и все сильнее осознавал, что не так умен, не так обучен и, возможно, никогда не поймет изворотливого разума чужаков. Тем не менее он упрямо вырывался из оков своего невежества.

Один из служащих посольства предложил академии ознакомительный курс лекций по истории Экумены. Тейео записался в группу и посетил около восьми занятий. Он не принимал участия в обсуждениях, безмолвно сидел на скамье с прямой спиной и лишь порой делал какие-то пометки в своем конспекте. Лектор, уроженец Хайна, чье длинное имя переводилось как Музыка Былого, попытался вовлечь Тейео в дискуссию и, потерпев неудачу, попросил его задержаться в зале после лекции.

– Я очень рад познакомиться с вами, рега, – сказал он, когда другие слушатели разошлись.

Они немного посидели в кафе, потом встретились еще раз. Тейео не нравились манеры чужака, поскольку казались ему несдержанными и слишком импульсивными. Он не доверял искрометному уму инопланетянина и считал, что Музыка Былого изучает его как веота, солдата и, возможно, варвара. Чужак, уверенный в своем превосходстве, нарочито не замечал холодной вежливости Тейео. Он предлагал свою помощь в поиске необходимой информации и бесстыдно повторял вопросы, на которые его собеседник не желал отвечать. Например: «Почему вы сидите сложа руки, ничего не делаете и довольствуетесь половинным жалованьем?»

– Это не мой выбор, господин Музыка Былого, – ответил Тейео, услышав этот вопрос в третий раз.

Он очень рассердился на наглого инопланетянина и поэтому говорил особенно любезно. Тейео отвел взгляд в сторону, стараясь не смотреть в глаза чужака – голубые, с желтоватыми белками, как у испуганной лошади. Он никак не мог привыкнуть к их странному виду.

– Вам не хотят давать новое назначение?

Тейео вежливо кивнул. Возможно, пришелец, незнакомый с обычаями Уэрела, считал свои унижительные вопросы вполне уместными.

– А вы не хотели бы служить в охране посольства?

На какой-то миг Тейео лишился дара речи, а потом совершил ужасную грубость, ответив вопросом на вопрос:

– Почему вы спрашиваете меня об этом?

– Мне хотелось бы иметь в нашей службе безопасности такого человека, как вы, – сказал Музыка Былого. И через несколько секунд добавил с потрясающей прямоотой: – Многие из охранников – шпионы или болваны. Вот почему мы хотели бы найти человека, который не относится ни к тем ни к другим. Как вы понимаете, это не просто караульная служба. Очевидно, ваше правительство потребует, чтобы вы докладывали о своей работе соответствующим службам. Мы вполне допускаем такую возможность. Тем не менее, учитывая ваш опыт и храбрость, я предлагаю вам должность офицера связи, которая предполагает работу не только здесь, но и в других государствах Уэрела. Обещаю, что мы не будем требовать от вас какой-либо секретной информации. Я понятно выражаюсь, Тейео? Мне хотелось бы устранить любое недопонимание по поводу того, кто я такой, и убедить вас, что мы не собираемся выведывать секреты Вое-Део с вашей помощью.

– А вы можете... – начал осторожно Тейео.

– Да, – со смехом ответил пришелец. – У меня есть ниточки, за которые я могу дергать руководство вашего Главного штаба. Они мне кое-чем обязаны. Так что вы скажете на все это?

Тейео задумался на минуту. Он находился в столице почти год и все это время в ответ на свои прошения о назначении получал лишь бюрократические отговорки. А недавно ему даже намекнули, что его настойчивость воспринимается как непокорность.

– Я принимаю ваше предложение, – произнес он с холодной почтительностью.

Хайнец взглянул на веота, и его улыбка исчезла.

– Благодарю вас, – сказал он. – Через несколько дней вы получите распоряжение Главного штаба.

Вот так Тейео и вернул себе форму. Он переехал в городские бараки, а затем семь лет прослужил на чужой земле. По дипломатическому соглашению посольство Экумены считалось территорией чужаков – куском планеты, который больше не принадлежал Уэрелу. Охранники, предоставленные послам, служили скорее декоративным, чем защитным элементом. Об этом говорила даже их золотисто-белая форма, которой они выделялись среди сотрудников посольства. Но поскольку в стране по-прежнему случались акты насилия, направленные против чужаков, каждый из охранников носил при себе оружие.

Поначалу Тейео командовал небольшим отрядом внутренней охраны. Однако вскоре его перевели на другую должность, и он начал сопровождать сотрудников посольства в их поездках по стране и по планете. Став телохранителем, он сменил форму на штатский костюм. Посланцы Экумены не хотели использовать для охраны своих людей и оружие. Тем самым они как бы возлагали обеспечение их безопасности на правительство Вое-Део.

Тейео часто просили выступить в роли гида и переводчика, а иногда и просто спутника. Ему не нравилось, когда гости с других планет, проявляя чрезмерную общительность и самонадеянность, расспрашивали его о личной жизни или приглашали выпить в их компании. Скрывая неприязнь идеальной вежливостью, он раз за разом отказывался от таких предложений. Тейео делал свою работу и держал пришельцев на почтительной дистанции. Именно за это его и ценили в посольстве. Их уверенность в нем приносила ему моральное удовлетворение.

Офицеры столичной контрразведки даже не пытались сделать его своим информатором, хотя он, конечно, знал многое из того, что могло бы их заинтересовать. По традиции Вое-Део ни один веот не согласился бы стать тайным агентом спецслужб. Тейео было известно, кто из охранников посольства шпионил для правительства, и некоторые из них предлагали ему немалые деньги за определенную информацию. Но он не собирался выполнять чужую работу.

Однажды Музыка Былого, который руководил службой безопасности посольства, отозвал его из зимнего отпуска. В разговоре с веотом пришелец старался сдерживать свои эмоции. Но не мог утаить симпатии, приветствуя Тейео:

– Рад вас видеть, рега! Надеюсь, ваше семейство пребывает в добром здравии? Прекрасно. У меня есть для вас серьезное поручение. Поездка в королевство Гатаи. Вы уже были там с Кемеханом два года назад, не так ли? Теперь они просят, чтобы мы отправили им своего посланника. Они хотят присоединиться к нашему союзу. Мы понимаем, что старый король является марионеткой вашего правительства, но работы там непочатый край. К примеру, надо разобраться с мощным религиозным движением сепаратистов. Да и фракция патриотов протестует против инопланетян и иноземцев из Вое-Део. Тем не менее король и Совет готовы принять нашего эмиссара, а женщина, которую мы собираемся отправить к ним, прилетела на Уэрел всего лишь месяц назад. Она еще не вошла в курс дела и может создать для вас несколько щекотливых проблем. Лично я считаю ее немного упрямой. Прекрасный сотрудник, подающий большие надежды, но... молода. Очень молода. Я отозвал вас из отпуска, потому что могу доверить ее только такому опытному человеку, как вы. Будьте терпеливы с ней, рега. Впрочем, возможно, вы найдете ее привлекательной и милой.

Однако надежды мудрого пришельца не оправдались.

За семь лет Тейео привык к глазам чужаков, к их запаху, цвету кожи и манерам. Защищаясь безупречной вежливостью и кодексом чести, он терпел или игнорировал их странное, вызывающее и порою шокирующее поведение. Ему доверяли защиту пришельцев, и он выполнял свой солдатский долг, не задевая чувств других людей и оставаясь незатронутым ими. Его подопечные с благодарностью принимали помощь и довольно быстро прекра-

щали фамильярничать с ним. Женщины лучше понимали и реагировали на его запрещающие знаки, чем мужчины, и у него даже были почти дружеские отношения со старой терранской Наблюдательницей, которую он сопровождал в нескольких длительных путешествиях по планете.

– Вы мирный и добрый, как кот, – сказала она ему однажды, и он по достоинству оценил этот скромный комплимент.

Но посланница в Гатаи была из другого теста. Она оказалась весьма привлекательной, с детской красновато-коричневой кожей, с блестящими волнистыми волосами и легкой походкой – но слишком уж непосредственной. Она гордо и бесстыдно выставляла напоказ свое зрелое стройное тело, разбивая тем самым сердца мужчин, которые не имели к нему права доступа. Эта женщина судила обо всем с вульгарной самоуверенностью. Она не воспринимала намеков и отказывалась подчиняться приказам. Несмотря на сексуальную привлекательность взрослой женщины, она была, по сути, агрессивным избалованным ребенком. И вот эту вздорную несдержанную особу послали дипломатом в опасную и нестабильную страну.

Едва взглянув на нее, Тейео понял, что взялся за непосильное задание. Еще через пару дней он потерял доверие к себе. Ее сексуальное бесстыдство возбуждало его и в то же время вызывало отвращение. Он видел в ней шлюху, к которой должен был относиться как к принцессе. Ему приходилось терпеть ее выходки и сдерживать свое влечение. Теряя самоконтроль и балансируя на грани срыва, он начал ненавидеть ее и себя.

К тому времени Тейео уже познакомился с гневом, однако ненависть к женщине была для него новым чувством. Он никогда не отказывался от доверенных ему поручений. Но после того как она повела в свою спальню макила, Тейео послал в посольство церемонное прошение о замене его на более компетентное лицо. Используя дипломатический канал компьютерной сети, Музыка Былого ответил ему простым сообщением: «Любовь к Богу и стране подобна огню – прекрасному другу и грозному врагу. Только дети играют с огнем. Мне не нравится эта ситуация, но я пока не могу заменить ни вас, ни ее. Не согласились бы вы потерпеть еще немного?»

Тейео не знал, как отказать начальнику, ибо для веота отречение от долга равносильно несмыслаемому позору. Он стыдился собственной слабости и еще сильнее ненавидел женщину, которая пробудила в нем этот стыд.

Первая фраза послания показалась ему загадочной и двусмысленной. Музыка Былого обычно не выражался так витиевато и уклончиво. Сообщение больше походило на закодированное предупреждение. Тейео не знал дипломатических шифров, которые использовались чужаками и контрразведкой Вое-Део, и поэтому его начальнику пришлось прибегнуть к намекам. Очевидно, «любовь к Богу и стране» означала староверов и патриотов – две подпольные гатайские группировки, фанатично ненавидящие инопланетян и иноземцев. Тогда под ребенком, играющим с огнем, подразумевалась посланница.

Неужели она попала под прицел одной из этих группировок? Тейео не находил пока этому никаких подтверждений. А тот человек на улице, с кожаным поясом кинжальщика? Вряд ли он хотел пожелать им доброй ночи. Люди Тейео присматривали за домом посланницы круглые сутки. Правительство Гатаи выделило для этой цели дюжину солдат. Что можно сказать о Батикаме? Будучи рабом и макилом, он не стал бы участвовать в движении патриотов и староверов. Но он мог оказаться членом Хейма – подпольной организации, которая боролась за свободу рабов в Вое-Део. Впрочем, как таковой он не представлял опасности для посланницы, поскольку союз Экумены был для рабов единственным билетом к Йеове и желанной свободе.

Веота смущала загадка из слов. Он переставлял их и так и эдак, чувствуя себя наивной и глупой мухой, попавшей в паутину политических интриг. Зевая и потирая глаза, Тейео

подтвердил прием сообщения, отключил компьютер и отправился в душ. Чуть позже он лег в кровать, выключил свет и тихо прошептал:

– Великий Камье, придай мне мужества для благого дела.

А потом он заснул как убитый.

Макил приходил в дом посланницы каждый вечер. Тейео пытался убедить себя, что ничего плохого не происходит. Он и сам развлекался с макилами в счастливые дни перед войной. Их искусство артистического секса привлекало многих мужчин и женщин. Он часто слышал истории о том, как богатые горожанки нанимали макилов, чтобы скрасить свою разлуку с мужьями. Но они делали это скрытно и осмотрительно, а не в такой вульгарной и бесстыдной манере. Посланница вела себя слишком беспечно и дерзко. Она нарушала правила приличия и попирала их моральный кодекс, словно имела какое-то право творить здесь все, что ей хотелось и когда хотелось.

Конечно, у макила были свои причины поддерживать эту связь. Играя на ее страсти и безрассудном увлечении, он высмеивал порядки Уэрела и Гатаи. Он высмеивал Тейео и насмехался над ней самой, хотя она не знала об этом. Но какой раб отказался бы от возможности выставить дураками всех хозяев и правителей планеты?

Наблюдая за Батикамом, Тейео пришел к заключению, что тот действительно был членом Хейма. Его насмешки никогда не выходили за грань дозволенного, и он не пытался обесчестить имя посланницы. Наоборот, он вел себя с куда большим благоразумием, чем она. Смешно сказать, но этот макил удерживал ее от позора. Он и Тейео относились друг к другу с холодной вежливостью, но раз или два их взгляды встречались, и между ними возникало бессловесное ироническое взаимопонимание.

А в городе намечался большой религиозный праздник туалетов, который назывался Днем Прощения. Король и Совет направили посланнице официальное приглашение и предназначили для нее лучшую роль в сценарии праздничных торжеств. Тейео поначалу думал только о том, как обеспечить ее безопасность в окружении толпы, возбужденной зрелищами. Но потом Сан сообщил ему, что праздник совпадал с величайшим днем святых, который считался главным в гатайской старой религии. Маленький гид казался очень встревоженным. Он сказал, что староверы оскорблены подменой их собственных ритуалов чужеземными. По его словам, они могли устроить в городе резню и беспорядки. На следующее утро Сана внезапно заменили стариком, который с трудом говорил на языке Вое-Део. Это еще больше обеспокоило Тейео, и он попытался выяснить, куда девался Убаттат.

– Ему дали другое поручение, – ответил старый переводчик на корявой, едва понятной смеси двух языков. – У нас сейчас веселое и приятное время, не так ли, рега? Убаттат получил приятное поручение.

За несколько дней до праздника напряженность в городе начала угрожающе возрастать. На стенах появились лозунги и символы старой религии. Храм туалетов был осквернен. На центральные улицы вышла королевская гвардия. Тейео отправился во дворец и, встретившись с сотрудником службы государственной безопасности, потребовал освободить посланницу Экумены от участия в публичных церемониях. Он аргументировал это возможностью террористического акта. В тот же день его вызвали в Совет и с демонстративным высокомерием, кивками притворного согласия и унижительным подмигиванием попросили не драматизировать события. Беседа оставила у него тревожное чувство. Усилив ночной дозор у дома посланницы, он вернулся в маленький барак, который гатайцы отдали под жилье охранникам с Вое-Део. Войдя в свою комнату, он увидел открытое окно и записку, лежавшую на столе. Она гласила: «День Прощения избран для убийства».

На следующее утро Тейео явился в дом посланницы и велел служанке разбудить госпожу. Солли вышла из спальни, небрежно набросив простыню на голое тело. Следом за ней

тащился сонный и полуодетый Батикам. Веот повел подбородком, приказывая ему уйти, и макил ответил на этот жест спокойной снисходительной улыбкой.

– Я пойду немного перекушу, – сказал он посланнице. – Эй, Реве! У тебя уже готово что-нибудь на завтрак?

Когда оба раба покинули комнату, Тейео повернулся к посланнице и протянул ей клочок бумаги, найденный на столе.

– Я получил это послание прошлым вечером, мэм, – сказал он. – И теперь мне придется просить вас об одном одолжении. Не ходите на завтрашний праздник.

Осмотрев записку, она прочитала текст и зевнула:

– Кто вам ее передал?

– Я не знаю, мэм.

– А что значит «избран для убийства»? Неужели они не могли выразиться поточнее?

Помолчав около минуты, Тейео сдержанно ответил:

– У меня есть причины... причем очень серьезные... настаивать на том, чтобы...

– ...я не посещала праздник. Верно? Вы это мне уже говорили.

Солли подошла к скамье у окна и села. Простыня распахнулась, приоткрыв ноги: голые коричневые ступни с пухленькими розовыми пятками и красивые стройные бедра. Тейео смущенно отвел взгляд. Повертев в руках клочок бумаги, она усмехнулась и язвительно сказала:

– Если вы считаете, что праздничная церемония настолько опасна, возьмите с собой еще одного охранника. Или двух. Но я должна быть там. Как вам известно, меня пригласил сам король. Мне предстоит зажечь на площади большой костер примирения. Похоже, это все, что они позволили сделать женщине на публике... Одним словом, я не могу отказать королю в его просьбе.

Она протянула Тейео смятый клочок бумаги, и веоту пришлось приблизиться к ней. Солли с наглой улыбкой смотрела ему в глаза. Она всегда улыбалась, когда отвергала его советы или отвечала отказом на просьбы.

– И кто же, по вашему мнению, хочет меня убить? Патриоты?

– Или староверы, мэм. Завтрашний день считается одним из их святых праздников.

– А ваши туалиты, значит, отняли его у них? Но при чем здесь союз Экумены?

– Я думаю, что, возможно, правительство Гатаи заинтересовано в подобной провокации. В качестве ответной меры они могли бы раз и навсегда разделаться с оппозицией и подпольем.

Солли беспечно рассмеялась и вдруг поняла смысл того, что ей сказали. Нахмутив брови, она желчно спросила:

– Вы считаете, что Совет использует меня как детонатор бомбы, которая уничтожит мятежников? Какие у вас доказательства, рега?

– Почти никаких, мэм, – ответил он после минутной паузы. – Разве что исчезновение Сана Убаттата...

– Сан заболел. Так сказал мне новый переводчик, которого прислали на замену. Старик почти бесполезен, но вряд ли представляет собой какую-то угрозу. Так, значит, это все ваши доказательства?

Тейео промолчал, и она раздраженно закончила:

– Сколько же вас просить: не вмешивайтесь в мои дела без должных оснований! Ваша паранойя, вызванная войной, не должна распространяться на людей, с которыми я контактирую. Контролируйте себя, пожалуйста! Завтра вы можете взять с собой одного-двух охранников, и этого вполне достаточно.

– Да, мэм, – ответил Тейео и ушел. В голове у него звенело от гнева. Сбежав с крыльца, он вдруг вспомнил, что новый переводчик называл ему другую причину, по которой заме-

нили Убаттата. Старик говорил, что Сана отзывали для выполнения каких-то религиозных обязанностей. Однако веот не стал возвращаться. Он знал, что это бесполезно.

Подойдя к охраннику, стоявшему у ворот, Тейео попросил его задержаться еще на час, а затем торопливо зашагал по улице, словно пытался уйти от гладких коричневых бедер Солли, ее розовых пяток и наглого развратного голоса, которым она отдавала ему приказы. Морозное солнечное утро обещало покой и умиротворение. Над улицами развевались праздничные флаги, а выше, почти касаясь неба, сияли горные вершины. Шум рынка, суета и толпы людей могли сбить с толку кого угодно. Но Тейео шел вперед, и его черная тень, знавшая все о тщетности жизни, скользила по камням, как клинок из тьмы.

– Рега выглядел очень встревоженным, – сказал Батикам своим теплым шелковистым голосом.

Солли засмеялась, пронзила плод ножом и, разрезав его, положила дольку фрукта в рот макила.

– Реве! Неси нам завтрак! – крикнула она, усаживаясь напротив Батикама. – О, как я проголодалась! Наш солдафон впал в один из своих фаллоκραтических припадков. Он еще ни разу меня не спас. А ведь это его единственная функция. Бедняга выдумывает истории о террористах и пытается напугать ими других. Как бы мне хотелось выскрести его из своих волос. Хорошо, что хоть Сан больше не вертится рядом. Он цеплялся за меня, как клещ, подсунутый Советом. Теперь бы избавиться от рега, и здравствуй, полная свобода!

– Рега Тейео – человек долга и чести, – сказал макил, и в его тоне не было иронии.

– Разве рабовладелец может быть человеком чести?

Батикам посмотрел на Солли с укором, и его ресницы затрепетали. Она не понимала взглядов уэрелиан. Их красивые глаза казались ей загадкой.

– Мужчины во дворце просто помешаны на разговорах о чистоте своей драгоценной крови, – сказала она. – И конечно же, чести «их» женщин.

– Честь – это великая привилегия, – ответил Батикам. – Мне ее очень не хватает. Я даже завидую реге Тейео.

– Нет, черт возьми! Их честь – это ложное чувство собственного достоинства. Она похожа на мочу, которой собаки метят свою территорию. Если тебе и есть чему завидовать, Батикам, то только свободе.

– Из всех людей, которых я знаю, ты единственная никому не принадлежишь и не являешься собственницей. Вот настоящая свобода. Но мне интересно, понимаешь ли ты это?

– Конечно, понимаю, – ответила она. Макил улыбнулся и стал доедать свой завтрак. Солли уловила в его голосе какие-то новые нотки. Смутная тревога породила догадку, и она тихо спросила:

– Ты скоро оставишь меня?

– О-о! Посланица звезд читает мои мысли. Да, госпожа. Через десять дней наша труппа отправляется в турне по Сорока государствам.

– Ах, Батикам, мне будет не хватать тебя! Ты стал для меня здесь единственной опорой... единственным человеком, с которым я могла поговорить или насладиться сексом...

– А разве это было?

– Было, не часто, – со смехом ответила она. Ее голос немного дрожал. Макил протянул к ней руки. Солли подошла и села к нему на колени. Наброшенный халат упал с ее плеч.

– О, прекрасные груди посланницы, – прошептал он, касаясь их губами и лаская рукой. – Маленький мягкий живот, который так хочется целовать...

Реве вошла с подносом, поставила его на стол и тихо удалилась.

– А вот и твой завтрак, госпожа, – сказал Батикам, и Солли, вскочив с его колен, вернулась в свое кресло.

– Ты свободна и поэтому можешь быть честной, – произнес Батикам, очищая плод пини. – Не сердись на тех из нас, кто лишен всех прав на подобную роскошь.

Макил отрезал ломтик фрукта и передал его Солли.

– Он имеет вкус свободы. Узнай его. Это лишь намек, оттенок, но для нас...

– Через несколько лет ты тоже станешь свободным. Мы не потерпим ваш идиотский рабовладельческий строй. Пусть только Уэрел войдет в союз Экумены, и тогда...

– А если не войдет?

– Как это не войдет?

Батикам пожал плечами и со вздохом сказал:

– Мой дом на Йеове, и лишь там меня ожидает свобода.

– Ты прилетел с Йеове? – спросила Солли.

– Нет, я никогда не был на этой планете и, возможно, никогда не буду, – ответил он. – Какую пользу может принести там макил? Но Йеове – мой дом. Это планета моей свободы. И если бы ты знала...

Батикам сжал кулак так, что хрустнули кости. Но тут же раскрыл ладонь, словно выпуская что-то. Потом улыбнулся и отодвинул от себя тарелку.

– Мне пора возвращаться в театр, – сказал он. – Мы готовим новую программу ко Дню Прощения.

Солли провела весь день во дворце. Она настойчиво пыталась добиться разрешения на посещение правительственных рудников и огромных ферм по ту сторону гор, которые считались источником всех богатств Гатаи. Неделю назад, столкнувшись с бесконечным потоком согласительных протоколов и бюрократией Совета, она решила, что ее пустили по кругу бессмысленных встреч лишь для того, чтобы чиновники могли показать свое мужское превосходство над женщиной-дипломатом. Однако недавно один из бизнесменов намекнул ей об ужасных условиях, царивших на рудниках и фермах. Судя по его словам, правительство скрывало там еще более грубый вид рабства, чем тот, который она видела в столице.

День прошел впустую. Она напрасно ожидала обещанных бесед, которые так и не состоялись. Старик, замещавший Сана, перепутал все даты и часы. Намеренно или по глупости он безбожно перевирал языки Вое-Део и Гатаи, создавая тем самым невыносимые ситуации с недопониманием и взаимными обидами. «Майор» отсутствовал все утро, и его замещал какой-то солдат. Появившись во дворце, рега присоединился к Солли с мрачным и угрюмым видом. В конце концов она отказалась от дальнейших попыток и ушла домой, решив принять ванну и подготовиться к встрече с макилом.

Батикам пришел поздно вечером. В середине любовной игры с переменой поз и ролей, которые возбуждали Солли все сильнее и сильнее, его руки вдруг стали двигаться медленнее, нежно скользя по телу, как перья. Дрожа от неукротимого желания, она прижалась к нему и вдруг поняла, что макил заснул.

– Проснись! – вскричала она и, все еще трепеща от страсти, встряхнула его за плечи.

Батикам открыл глаза, и она увидела в них страх и смущение.

– Прости! Прости, – сказала она. – Спи, если хочешь, и не обращай на меня внимания. Ты устал, и уже довольно поздно. Нет-нет, я как-нибудь справлюсь с этим.

Однако он удовлетворил ее желание, и в нежности макила она впервые уловила не искреннее чувство, а работу хорошего мастера. Утром за завтраком она спросила его:

– Почему ты не видишь во мне человека, равного тебе?

Батикам выглядел более усталым, чем обычно. Улыбка исчезла с его лица.

– Что ты хочешь сказать? – ответил он вопросом на вопрос.

– Считаю тебя равной.

– Я так и делаю.

– Ты не доверяешь мне, – сказала она со злостью.

– Не забывай, что сегодня День Прощения, – со вздохом произнес макил. – Туал Милосердная пришла к людям Асдока, которые натравили на ее последователей свирепых котвищеек. Она проехала среди них на спине огромного огнедышащего кота, и люди пали на землю от ужаса. Но она благословила и простила их.

Его руки совершали плавные движения, как будто сплетали историю из воздуха.

– Вот и ты прости меня, – сказал он.

– Тебе не нужно никакого прощения!

– Оно необходимо каждому из нас. Именно поэтому мы, верные Владыке Камье, время от времени просим милости у Туал Милосердной. Мы просим ее о прощении. Почему бы тебе сегодня не стать настоящей богиней?

– Они позволили мне только зажечь костер, – встревоженно ответила она, и макил с улыбкой погладил ее по щеке.

Прощаясь с ним, Солли пообещала прийти в театр и посмотреть на праздничное выступление.

Ипподром, единственное ровное и достаточно обширное место возле города, заполнялся народом. Продавцы зазывали людей к своим маленьким ларькам, дети размахивали флажками, а королевские мотокары двигались прямо через толпу, которая разбегалась в стороны и смыкалась за ними, как вода. Для знатных персон построили рахитичные трибуны, часть которых была прикрыта занавесами для леди и их служанок.

Солли увидела подъехавшую к трибуне машину. Из кабины вышла фигура, закутанная в красную мантию. Женщина взбежала по ступеням и торопливо проскользнула за занавес. Скорее всего, в ткани имелись прорезы, сквозь которые дамы могли смотреть на праздничную церемонию. Толпа горожан наполовину состояла из женщин, но то были наложницы и рабыни. Солли вспомнила, что ей тоже полагалось скрываться от глаз людей до того момента, пока король не объявит выход Туал. В стороне от трибун, неподалеку от огороженного места, где пели жрецы, ее ожидала красная палатка. Она вышла из машины и направилась туда в сопровождении подобострастных придворных.

Рабыни в палатке предложили ей чай и сласти, обступили ее, держа в руках зеркала, косметические принадлежности и масло для волос. Они помогли ей надеть тяжелый наряд из красной и желтой ткани – костюм Солли для краткой роли в обличье Туал. До сих пор никто не сказал ей, что надо делать, и на все вопросы смущенные женщины отвечали:

– Ах, леди! Вам все покажут жрецы. Вы пойдете за ними и зажжете костер. Факел и хворост уже готовы.

У Солли сложилось впечатление, что они знали о церемонии не больше ее самой. К тому же они были придворными рабынями, молоденькими девушками, совершенно безразличными к религии. Участие в празднике возбуждало их, как крепкое вино. Тем не менее они рассказали Солли, что олицетворяет костер, который ей предстояло зажечь. Люди бросали в него свои ошибки и проступки. Их прегрешения сгорали и таким образом прощались. Прекрасная наивная идея.

Жрецы радостно закричали, и Солли выглянула наружу. В ткани палатки действительно имелись дырки, через которые можно было наблюдать за тем, что творилось вокруг. Толпа за веревочными ограждениями становилась все более многочисленной. Почти никто из горожан, кроме сидевшей на трибунах публики, не видел того, что происходило в священном квадрате. Но все махали красно-желтыми флажками, жевали проперченные мясные лепешки и радостно выкрикивали лозунги туалитов. Жрецы продолжали петь свои песни.

Правее отверстия мелькнула знакомая одежда. «Ну конечно же, „майор“», – подумала Солли. Ему не хватило места в мотокаре, и он был вынужден идти сюда пешком. Несмотря на все препятствия и обиды, рега примчался к ней, чтобы выполнить свой долг.

– Леди, леди! – закричали придворные служанки. – Жрецы уже идут за вами!

Девушки закружились вокруг нее, проверяя, хорошо ли держится головной убор, поправляя узкие юбки и каждую складочку на них. С минуту они щипали и поглаживали ее, а затем принялись подталкивать к распахнувшемуся пологу. Солли вышла из палатки и, щурясь от яркого солнечного света, грациозно помахала рукой взревшей от восторга толпе. Она старалась держаться очень прямо и благородно, как и подобало богине. Ей не хотелось испортить их милую церемонию.

Ее уже ожидали двое мужчин с регалиями жрецов. Они шагнули навстречу, подхватили Солли под локти, и один из них произнес:

– Сюда, леди. Сюда.

Очевидно, ей действительно не полагалось знать о дальнейших действиях. Возможно, женщин считали настолько глупыми существами, что не объясняли им даже таких элементарных вещей. Впрочем, ей было не до этого. Жрецы торопили и подталкивали ее. Она путалась в узких юбках и длинной накидке. Оказавшись позади трибун, Солли с удивлением поняла, что ее не собираются вести к костру.

Разметав в стороны столпившихся зрителей, к ним подъехала машина. Кто-то закричал. Раздалось несколько выстрелов. Жрецы быстро потащили Солли под руки. Внезапно один из них выпустил ее и упал, сбитый с ног куском летящей тьмы, которая ударила его в висок. Стараясь вырваться из рук второго жреца, Солли оказалась в середине свалки. Ноги снова запутались в юбке. Послышался странный шум, который проник в ее мозг и пригнул к земле. Ослепленная и оглушенная, посланница почувствовала, как ее толкнули в какую-то темноту, и погрузилась в удушающее колючее забытие. В угасавшем разуме мелькнула мысль: если ей связывают руки, значит она жива и не все еще потеряно...

Солли очнулась от тряски. Машина мчалась неведомо куда. Люди в кабине тихо переговаривались на гатайском языке. В голове у пленницы мутилось, и было трудно дышать, но она понимала, что любое сопротивление бесполезно. Ее связали по рукам и ногам, а на голову надели мешок.

Через некоторое время ее вытащили из машины и, словно труп, понесли куда-то вниз по каменной лестнице. Мужчины бросили Солли на низкий топчан – не грубо, но в заметной спешке. Она замерла, стараясь не шевелиться. Люди о чем-то говорили шепотом, но их речь оставалась для нее непонятной. В ушах звенели отголоски того ужасного шума. Был ли он реальным? Или ее оглушили ударом по голове? Она чувствовала себя так, словно находилась в комнате с ватными стенами. При каждом вдохе тонкая ткань мешка попадала ей в рот и в ноздри.

Кто-то дернул Солли за ноги. Мужчина склонился над ней и, перевернув пленницу на живот, начал развязывать ей руки.

– Не бойтесь, леди, – шепнул он ей на языке Вое-Део. – Мы не причиним вам вреда.

Сняв мешок с ее головы, мужчина отступил на несколько шагов. В тусклом свете Солли разглядела еще четыре фигуры.

– Посидишь здесь немного, и все будет в порядке, – с ужасным акцентом произнес другой человек. – Просто радуйся как ни в чем не бывало.

Солли попыталась сесть, и от этого усилия у нее закружилась голова. Когда цветные пятна, мелькавшие перед глазами, растворились в сумеречном свете, она обнаружила, что мужчины ушли. Исчезли, словно по волшебству. «Просто радуйся как ни в чем не бывало».

Она осмотрела небольшую комнату с высоким потолком и содрогнулась от вида темных кирпичных стен и спертого воздуха с запахом сырой земли. Свет маленькой биолюминесцентной пластины бил в потолок и разливался по комнате слабым рассеянным сиянием. Неужели его хватало для глаз уэрелиан? «Просто радуйся как ни в чем не бывало».

«Черт, меня похитили, – подумала Солли. – Кому это понадобилось?»

Она медленно перевела взгляд с матраса на одеяло, потом на кувшин и кубок, стоявшие у двери, а затем на отхожее место в углу. Разве здесь нельзя было поставить обычный унитаз? Солли спустила ноги с топчана, и ее подошвы уперлись во что-то мягкое. Она нагнулась, разглядывая черную массу – вернее, тело, лежавшее на полу. Мужчина. Еще не рассмотрев как следует черт лица, она узнала его.

О дьявол! Даже здесь...

Да, даже здесь «майор» был рядом. Солли, шатаясь, встала и опробовала туалет, который в действительности оказался дырой в цементном полу, вонявшей экскрементами и каким-то химическим веществом. Постанывая от головной боли, Солли снова села на топчан и начала массировать руки и лодыжки. Ее методичные и ритмичные движения восстанавливали не только кровообращение, но и уверенность в себе.

«Вот же дерьмо! Они меня похитили. Зачем? „Просто радуйся как ни в чем не бывало“». У-у, гад! А что с Тейео?»

При мысли о том, что он мог погибнуть, Солли вздрогнула и на миг подтянула к себе колени. Через некоторое время она склонилась над Тейео, пытаясь рассмотреть его лицо. Ей снова показалось, что она оглохла. Солли не слышала даже собственных вздохов. Слабая и дрожащая, она приложила ладонь к его лицу. Щека была холодной и неподвижной, однако тепло дыхания касалось ее пальцев, снова и снова. Она легла на матрас и осмотрела его. Мужчина лежал абсолютно неподвижно, но, положив руку ему на грудь, Солли почувствовала медленные удары сердца.

– Тейео, – шепнула она.

Потом она снова положила ладонь на его грудь. Ей хотелось еще раз почувствовать это медленное и ровное сердцебиение. Оно дарило какую-то надежду на будущее. «Просто радуйся...»

«Посиди здесь», – сказали они. Как будто у нее есть выбор! Впрочем, это и будет ее программой действий. А может быть, немного поспать? Да, надо просто заснуть, и, когда она проснется, ее уже выкупят, и каждый получит свое.

Солли проснулась с мыслью, что надо посмотреть на часы. После сонного изучения крохотного серебристого табло она поняла, что проспала три часа. Праздничный день продолжался. И вряд ли за пленников успели уплатить выкуп. Значит, она не успеет прийти в театр на вечернее выступление макилов.

Ее глаза привыкли к тусклому свету. Осмотревшись, она увидела на полу рядом с головой Тейео засохшую кровь. Ощупав его череп, Солли обнаружила выше виска большую опухоль величиной с кулак. Ее пальцы стали липкими от крови. По-видимому, его оглушили. Он переоделся жрецом, чтобы охранять ее во время церемонии. Но что было дальше, она не знала. Ей вспоминались лишь крики, кусок летящей тьмы и увесистый удар, за которым последовал хриплый вздох. Все произошло слишком быстро, как в атаке айджи. А потом мир дрогнул и померк в ужасном вибрирующем шуме.

Солли щелкнула языком и похлопала по стене, проверяя свой слух. Все в порядке. Ватные стены исчезли. Может быть, ее тоже ударили по голове? Она ощупала себя, но не нашла ни шишек, ни ран. Тейео не приходил в сознание уже больше трех часов. Это свидетельствовало о серьезном сотрясении мозга. Но насколько тяжела его рана? И когда вернутся люди, захватившие их в плен?

Солли встала и едва не упала, запутавшись в узких юбках богини. Эх, если бы на ней сейчас была ее одежда, а не этот причудливый наряд, который напялили придворные служанки! Она оторвала узкий лоскут и подвязала юбки с таким расчетом, чтобы они доходили до колен. В подвале было прохладно и сыро. Солли походила по комнате, махая руками, чтобы согреться, – четыре шага вперед и четыре шага назад.

«Тейео бросили на пол, – вдруг подумала она. – Ему же холодно! А что, если сотрясение вызвало шок? Человек, пребывающий в шоке, нуждается в тепле».

Солли остановилась, смущенная своей нерешительностью. Она не знала, что предпринять. Может быть, поднять Тейео на топчан? Или пусть лежит, как лежит? Куда же, черт возьми, подевались похитители? А что, если он сейчас умирает? Она подошла к нему и позвала:

– Тейео! Откройте глаза!

Он тихо вздохнул.

– Очнитесь, рега!

Солли вспомнила, что люди с сотрясением мозга часто впадают в кому. Но она не знала, как воспрепятствовать этому. Тейео снова вздохнул, и его лицо расслабилось, освобождаясь от тисков неподвижности. Глаза открылись и закрылись. Она приподняла пальцем его веко и увидела расфокусированный зрачок.

– О Камье всемогущий, – прошептал он тихо и слабо.

Она испытала невероятную радость, увидев, что Тейео пришел в себя. «Радуйся как ни в чем не бывало». Наверное, у него чудовищно болела голова, а в глазах двоилось. Солли помогла ему перебраться на топчан и укрыла его одеялом. Рега не задавал никаких вопросов. Он молча лежал, соскальзывая в сон. Убедившись, что с ним все в порядке, Солли возобновила упражнения и около часа растягивала затекшие мышцы. Потом взглянула на часы. Праздничный день заканчивался. Но ночь еще не наступила. Когда же они придут?

Они пришли рано утром после долгой, почти бесконечной ночи. Металлическая дверь распахнулась и с грохотом ударилась о стену. Один из похитителей вошел с подносом, а двое остались стоять в дверном проеме, нацелив оружие на пленницу. Мужчина не посмел поставить поднос на пол и передал его Солли.

– Прошу прощения, леди, – сказал он и, повернувшись, вышел из комнаты.

Дверь закрылась. Загremели засовы. А Солли по-прежнему стояла на месте, держа поднос.

– Эй, подождите! – закричала она. Тейео проснулся и, морщась от боли, осмотрелся. Чувствуя, что он рядом в этой маленькой комнате, она забыла кличку, которую дала ему, и больше не думала о нем как о «майоре». Однако ей не хотелось называть его по имени.

– Я полагаю, это завтрак, – сказала она и села на край топчана.

На плетеный поднос была наброшена ткань. Под ней находилась горка булок с мясом и зеленью. Рядом лежали кусочки фруктов, а в центре стоял графин, наполненный водой. Его оплетала тонкая узорчатая сетка из какого-то металлического сплава.

– Наш завтрак, обед и, возможно, ужин, – со вздохом добавила Солли. – Хм. Булки выглядят довольно аппетитно. Рега, вы можете есть? Вы можете сесть?

Тейео приподнялся на локтях и с трудом сел, оперевшись спиной о стену. Заметив, что он щурится, Солли с сочувствием спросила:

– Все еще двоится в глазах?

Он с тихим стоном кивнул.

– Хотите пить?

Еще один едва заметный кивок.

– Держите.

Солли передала ему чашку. Держа ее обеими руками и морщась при каждом глотке, Тейео медленно выпил воду. Она к тому времени съела три булки, потом заставила себя остановиться и попробовала дольку кисловатого плода.

– Хотите фрукт? Кисленький, – сказала она, почувствовав себя немного виноватой.

Он ничего не ответил. Солли вспомнилось, как за завтраком, предыдущим днем или сто лет назад, Батикам угощал ее долькой пини. Еда, потревожив пустой желудок, вызвала

тошноту. Тейео снова заснул. Она взяла чашку из его расслабившихся рук, налила воды и выпила, медленно глотая.

Почувствовав себя лучше, Солли подошла к двери и осмотрела петли, замок и поверхность. Потом простучала кирпичные стены и гладкий бетонный пол, надеясь найти какой-нибудь путь для бегства. Подвальный холод заставил ее взяться за физические упражнения. Чуть позже вернулась тошнота, а вместе с ней и апатия. Солли забралась с ногами на топчан и вскоре поняла, что плачет. А еще через несколько минут сообразила, что засыпает. Ей захотелось в туалет. Она посидела над дырой, смущаясь звуков, которые сама же издавала. Туалетной бумаги не оказалось. Это тоже смутило ее. Она подошла к топчану, села и подтянула колени к груди. От тишины звенело в ушах.

Взглянув на Тейео, Солли заметила, как тот быстро отвернулся. Рега по-прежнему полулежал в неудобной, но расслабленной позе, прислонившись спиной к стене.

– Хотите пить? – спросила она.

– Спасибо, – ответил Тейео.

Здесь, где не осталось ничего определенного и время оторвалось от прошлого, его тихий голос радовал своей знакомой интонацией. Солли налила полную чашку и передала ему. Он взял ее уже более уверенно и, выпив воду, повторил:

– Спасибо.

– Как ваша голова?

Он потрогал распухший висок, поморщился и снова прислонился к стене.

– У одного из них был металлический посох, – сказала она, увидев вдруг четкий образ во вспышке путаных воспоминаний. – Ну да! Жезл жреца. Он ударил вас, когда вы набросились на другого.

– Они забрали мое оружие, – шепотом ответил он. – В обмен на участие в праздничной церемонии. – Рега устало закрыл глаза.

– А я запуталась в своих длинных юбках и не смогла вам помочь. Послушайте! Там был какой-то шум. Возможно, даже взрыв.

– Да. Я же говорил вам о диверсии.

– А кто, по-вашему, эти люди?

– Революционеры. Или...

– Вы намекали, что правительство Гатаи как-то замешано в этом.

– У меня нет никаких доказательств, – шепотом ответил Тейео.

– Вы были правы. Извините, что я не послушала вашего совета, – сказала Солли, с достоинством признав свою ошибку.

Он слегка шевельнул рукой в жесте мрачного безразличия.

– У вас все еще двоится в глазах?

Тейео не ответил. Он снова заснул.

Солли встала и попыталась вспомнить дыхательные упражнения селишей. Через несколько минут загромыхали засовы, и дверь со скрипом отворилась. В комнату вошли все те же трое мужчин: двое с оружием и один с подносом – молодые чернокожие парни, очень нервные и чем-то явно недовольные. Когда мужчина ставил поднос на пол, Солли решительно наступила на его ладонь и надавила всем весом.

– Подождите! – сказала она, глядя в лица двух вооруженных людей. – Вы должны выслушать меня! У моего спутника тяжелая травма черепа. Нам нужен врач. Нам нужна вода. Я даже не могу промыть его рану! Кроме того, мы хотим получить туалетную бумагу. И потом... Кто вы такие, черт бы вас побрал?

– Уберите ногу, леди! – закричал мужчина, пытаясь выдернуть руку. – Сейчас же уберите ногу!

Двое других слышали крик. Солли отступила назад, и кричавший отбежал к двери и спрятался за спины своих вооруженных товарищей.

– Ладно, леди. Мы просим прощения за неудобства, – сказал он со слезами на глазах и принялся растирать ладонь. – Нас называют патриотами. Мы послали королю изменников свой ультиматум с вестью о том, что вы находитесь у нас. Так что давайте не будем обижать друг друга. Хорошо?

Он повернулся, кивнул одному из охранников, и тот закрыл дверь. Запоры скрипнули, а затем наступила тишина. Солли вздохнула и села на топчан. Тейео поднял голову.

– Это было опасно, – сказал он с печальной улыбкой.

– Я знаю, – ответила она. – И глупо. Но я не могла сдержаться. А вы видели, как они ступали и бежали отсюда? Теперь у нас будет вода! – Она заплакала. Она всегда плакала после ссор и после того, как причиняла кому-то боль. – Посмотрим, что они принесли на этот раз.

Солли поставила поднос на матрас и приподняла салфетку. Обычно так подавали заказанную пищу в номера третьеразрядных отелей.

– Прямо все удобства, – прошептала она. Под тканью лежало множество предметов: горсть печенья, небольшое пластиковое зеркальце, гребень, крохотный горшочек с каким-то веществом, от которого пахло сгнившими цветами, и пачка женских гатайских тампонов.

– Набор для леди, – проворчала Солли. – Черт бы их побрал, тупых придурков! Зачем мне здесь зеркало?! – Она отшвырнула его к стене. – Неужели они думают, что я и дня не могу провести, не взглянув на свое отражение? Идиоты!

Она сбросила на пол все предметы, оставив на подносе только печенье. Впрочем, Солли знала, что позже подберет тампоны и положит под матрас на тот случай, если их задержат здесь больше чем на десять дней. А что, если дольше?

– О боже, – прошептала она.

Солли встала и подобрала зеркало, маленький горшочек, пустой кувшин и фруктовую кожуру от предыдущего завтрака. Положив все это на пустой поднос, она поставила его рядом с дверью.

– Наша мусорная корзина, – сказала она Тейео на языке Вое-Део.

К счастью, в гневе она всегда выражалась на альтерранском наречии. Ей не хотелось показаться веоту излишне грубой и несдержанной.

– Если бы вы только знали, как трудно быть в вашем обществе женщиной, – сказала она, снова усаживаясь на матрас. – Такое впечатление, что все мужчины Уэрела ярые женоненавистники!

– Я думаю, они хотели сделать как лучше, – ответил Тейео.

В его голосе не было ни насмешки, ни оправдания. Если он и радовался ее смущению, то неплохо скрывал это чувство.

– Кроме того, они дилетанты, – добавил рега.

– Возможно, это и плохо, – подумав, ответила она.

– Возможно.

Он сел и осторожно ощупал повязку на голове. Его волнистые волосы слиплись от крови.

– Вас похитили, чтобы потребовать выкуп, – сказал Тейео. – Вот почему они нас не убили. У них не было оружия. Возможно, эти парни даже не умеют обращаться с ним. Жаль, что жрецы отобрали мой пистолет.

– Вы хотите сказать, что это не они предупреждали вас?

– Я не знаю, кто предупреждал меня.

Головная боль заставила его замолчать на несколько минут.

– Солли... У нас есть вода?

Она принесла ему полную чашку.

– К сожалению, ее не хватит, чтобы промыть вашу рану. Зачем мне зеркало, когда у нас нет воды!

Он поблагодарил ее, утолил жажду и сел у стены, оставив в чашке воды на последний поток.

– Они не планировали брать меня в плен, – сказал Тейео.

Подумав об этом, Солли кивнула и спросила:

– Боялись, что вы опознаете их?

– Будь у них место для второго человека, они не поместили бы меня вместе с леди. – Он говорил без всякой иронии. – Они приготовили это помещение только для вас. Я думаю, оно находится где-то в городе.

Солли кивнула:

– Машина ехала около получаса. Однако я не видела дороги, потому что они надели мне на голову мешок.

– Наши похитители отправили во дворец ультиматум, но не получили ответа. Или, возможно, им ответили насмешливым отказом. Скоро они потребуют, чтобы вы написали королю записку.

– Ага! Им хочется убедить правительство, что я действительно нахожусь у них? А почему им нужно в этом кого-то убеждать?

Они оба помолчали, и Тейео ответил:

– Извините меня. Я не в силах думать. – Он лег на спину.

Чувство усталости пересилило возбуждение Солли, и она улеглась рядом, сложив юбку богини и пристроив ее себе под голову вместо подушки. Колочее одеяло прикрывало их ноги.

– Надо попросить у них подушку, – сонно сказала она. – Кроме того, я хочу получить мыло, свое одеяло и... Что еще?

– Может быть, ключ от двери? – тихо прошептал Тейео.

Они лежали бок о бок в объятиях тишины и тусклого ровного света.

На следующий день около восьми часов утра в комнату вошли четыре патриота. Двое остались у двери, нацелив на пленников оружие. Другая пара, неуклюже подталкивая друг друга, подошла к Тейео и Солли, которые сидели на низком топчане. Незнакомый мужчина заговорил на языке Вое-Део. Он извинился за неудобства, причиненные леди, и пообещал сделать все возможное, чтобы смягчить дискомфорт. Взамен он попросил немного потерпеть и написать записку проклятому королю предателей: всего лишь несколько слов о том, что ее выпустят на свободу только после того, как Совет отменит свой договор с Вое-Део.

– Совет не отменит его, – ответила Солли. – И королю не позволят совершить такой поступок.

– Прошу не спорить, – раздраженно сказал мужчина. – Вот письменные принадлежности. А вот текст, который вы должны переписать.

Он бросил на матрас бумагу и ручку и отступил на шаг, словно боялся приблизиться к ней.

Солли осознала, что Тейео демонстративно устранился от разговора. Он был абсолютно неподвижен. Его голова опустилась, взгляд застыл на животе. И мужчины не обращали на него никакого внимания.

– Я согласна переписать ваш текст, но взамен хочу воды – причем много воды, – одеяло, мыло, туалетную бумагу, подушку и врача. Я хочу, чтобы кто-то отзывался на мой стук в дверь. И еще мне нужна подходящая одежда. Теплая мужская одежда.

– Никакого врача! – ответил человек. – Пожалуйста, перепишите текст! Сейчас же!

Он был так раздражен и нетерпелив, что Солли не посмела настаивать на своем. Она прочитала их требования, переписала текст крупным детским почерком и отдала записку вожаку. Тот прочел написанное, кивнул и, ничего не сказав, покинул комнату. Следом за ним ушли и остальные. Раздался скрип засовов и звон ключей.

– Наверное, мне надо было отказать этим олухам.

– Я так не думаю, – ответил рега.

Он встал, потянулся, но, почувствовав головокружение, снова опустился на матрас.

– А вы неплохо торгуетесь, – похвалил Тейео.

– Поживем – увидим. О мой бог! Что же будет дальше?

– Скорее всего, правительство Гатаи не выполнит их требований, – ответил рега. – Но если Вое-Део и послы Экумены узнают о вашем пленении, они окажут давление на короля.

– Как бы мне хотелось, чтобы они поторопились. Советники сейчас растеряны и сбиты с толку. Спасая репутацию правительства, они могут попытаться скрыть мое исчезновение.

– Это вполне вероятно.

– Но как долго они могут хранить его в тайне? И что будут делать ваши люди? Они начнут вас искать?

– Вне всяких сомнений, – вежливо ответил Тейео.

Любопытно, что его чопорные манеры, которые там, на воле, всегда отталкивали Солли, теперь имели совсем другой эффект: сдержанность и официальность Тейео пробуждали в ней воспоминание о том, что она по-прежнему являлась частью огромного мира – мира, из которого их забрали и куда они должны были вернуться, мира, где люди жили долго и счастливо.

«А что означает долгая жизнь?» – спросила она себя и не нашла ответа. Солли никогда не думала на такие темы. Но эти молодые патриоты обитали в мире коротких жизней. Они подчинялись своим законам, которые определялись требованиями, насилием, неотложностью и смертью. И что их толкало на это? Фанатизм, ненависть и жажда власти.

– Каждый раз, когда наши похитители закрывают эту дверь, я начинаю бояться, – тихо сказала она.

Тейео прочистил горло и ответил:

– Я тоже.

Они упражнялись в айджи.

– Хватай! Нет, хватай как следует! Я же не стеклянная. Вот так...

– Понятно! – возбужденно воскликнул Тейео, когда Солли показала ему новый прием.

Он повторил движение и вырвался из захвата.

– Хорошо! Теперь ты делаешь паузу... и наносишь удар! Вот так! Ты понял?

– У-у-у!

– Прости. Прости меня, Тейео... Я забыла о твоей ране. Как ты себя чувствуешь? Я прошу прощения...

– О великий Камье, – прошептал он, садясь у стены и сжимая руками голову.

Рега сделал несколько глубоких вдохов. Солли опустилась рядом с ним на колени и озабоченно осмотрела опухоль на виске.

– Но это нечестный бой, – сказал он, опуская руки.

– Конечно, нечестный. Это айджи. Честным можно быть только в любви и на войне. Так говорят на Терре. Прости меня, Тейео. Это было очень глупо с моей стороны!

Он смущенно и отрывисто хохотнул и покачал головой:

– Нет, Солли. Показывай дальше. Я еще такого не видел.

Они упражнялись в созерцании.

– И что мне делать с моим разумом?
– Ничего.
– Значит, ты позволяешь ему блуждать?
– Нет. А разве я и мой разум – разные вещи?
– Тогда... Разве ты не концентрируешься на чем-то? Неужели твое сознание блуждает как хочет?

– Нет.
– Значит, ты все-таки не позволяешь ему возбуждаться?
– Кому? – спросил он и быстро взглянул вниз. Наступила неловкая пауза.
– Ты подумал о...
– Нет-нет! – ответил он. – Ты ошиблась! Попробуй еще раз.
Они молчали почти четверть часа.
– Тейео, я не могу. У меня чешется нос. У меня чешутся мысли. Сколько времени ты потратил, чтобы научиться этому?

Он помолчал и неохотно ответил:

– Я занимался созерцанием с двух лет.

Нарушив расслабленную и неподвижную позу, он нагнул голову, вытянул шею и помассировал мышцы плеч. Солли с улыбкой наблюдала за ним.

– Я снова думала о долгой жизни, – сказала она. – Но только не в терминах времени, понимаешь? Например, я могла бы прожить одиннадцать веков. А что это значит? Ничего. Знаешь, что я имею в виду? Мысли о долгой жизни создают некую разницу. Вот ты была одна, а потом у тебя рождаются дети. Даже сама мысль о будущих детях меняет что-то внутри – нарушает какое-то тонкое равновесие. Странно, что я думаю об этом сейчас, когда мои шансы на долгую жизнь начинают стремительно падать...

Тейео не ответил. Он не дал ей ни малейшего шанса продолжить разговор. Рега был одним из самых молчаливых людей, которых Солли знала. Многие мужчины поражали ее своей многословностью. Она и сама любила поговорить. А вот этот был тихим. И ей хотелось узнать, что давала такая умиротворенность.

– Все зависит от практики, верно? – спросила она. – Надо просто сидеть и ни о чем не думать.

Тейео кивнул.

– Годы и годы практики. О боже! Неужели мы просидим здесь так долго...

– Конечно же нет, – ответил он, уловив ее мысли.

– Почему они ничего не делают? Чего они ждут? Прошло уже девять дней!

С самого начала по молчаливому соглашению они поделили комнату пополам. Линия проходила посередине топчана, от стены до стены. Дверь находилась на территории Солли – слева, а туалет принадлежал Тейео. Любое вторжение в чужое пространство требовало какого-то очевидного намека и обычно позволялось кивком головы. Если один из них пользовался туалетом, другой отворачивался. А когда у них набиралось достаточное количество воды, они по очереди принимали «кошачью баню», и тогда кто-то снова сидел лицом к стене. Впрочем, это случалось довольно редко. Разграничительная линия на топчане была абсолютной. Ее пересекали только голоса, храп и запахи тел. Иногда Солли чувствовала его тепло. Температура тела уэрелиан на несколько градусов превышала ее собственную, и, когда Тейео спал, Солли чувствовала в прохладном воздухе исходившее от него тепло. Интересно, что даже в глубоком сне они и пальцем не смели пересечь невидимую границу.

Солли часто задумывалась над их вежливым нейтралитетом и порою находила такие отношения забавными. Но иногда они казались ей глупыми и возникшими исключительно по причине каприза. Неужели они оба не могли воспользоваться простыми человеческими

удовольствиями? Солли прикасалась к Тейео лишь дважды: в тот день, когда помогала ему забраться на топчан, и еще раз, когда, накопив воды, промывала рану на его голове. Используя гребень и куски от юбки богини, она постепенно удалила из волос Тейео смердящие комочки крови. Затем перевязала ему голову. Все юбки были порваны на бинты и тряпки для мытья. А когда рана немного зажила, они начали практиковаться в айджи. Однако захваты и объятия айджи имели безликую ритуальную чистоту и находились за гранью живого общения. Время от времени Солли даже обижалась на сексуальную незаинтересованность Тейео.

И все же его твердое самообладание стало для нее единственной поддержкой в этих неопишимо трудных условиях. Так вот, оказывается, какие они – Тейео, Реве и многие узрелиане. А Батикам? Да, он исполнял ее прихоти и желания, но являлась ли эта уступчивость настоящим контактом? Солли вспоминала страх в его глазах той ночью. Нет, им двигало не самообладание, а принуждение.

Вот она – парадигма рабовладельческого общества: рабы и хозяева, попавшие в одну и ту же ловушку тотального недоверия и самозащиты.

– Тейео, – произнесла она, – я не понимаю рабства. Позволь мне высказать свои мысли.

Хотя он не ответил ни согласием, ни отказом, на лице его появилось выражение дружеского внимания.

– Я хочу понять, как возникает социальное обустройство и как отдельный человек становится его неотъемлемой частью. Давай оставим пока вопрос, почему ты не желаешь рассматривать рабство как неэффективную и жестокую модель общества. Я не прошу тебя защищать его или отрекаться от своих убеждений. Я просто пытаюсь понять, как человек может верить в то, что две трети людей его мира принадлежат ему по праву рождения. Даже пять шестых, если считать ваших жен и матерей.

Тейео выдержал долгую паузу и сказал:

– Моя семья владеет только двадцатью пятью рабами.

– Не уклоняйся от вопроса.

Он улыбнулся, принимая упрек.

– Мне кажется, что вы оборвали все человеческие связи друг с другом, – продолжала Солли. – Вы игнорируете рабов, а им, в свою очередь, нет до вас никакого дела. Между тем все люди должны взаимодействовать. Вы разделили общество на две половины и не покладая рук трудитесь над ежедневным воссозданием этой границы. Сколько сил теряется напрасно! Ведь это не естественная граница! Она искусственно создана людьми. Лично я не могу назвать никаких отличий между собственниками и рабами. А ты можешь?

– Конечно.

– И все они будут иметь отношение к культуре и поведению, верно?

Подумав немного, Тейео кивнул.

– Вы принадлежите к одной и той же расе и даже народу. Вы одинаковы во всем, не считая легких различий в оттенках кожи. Если воспитать ребенка-раба как хозяина, он станет собственником во всех отношениях, и наоборот. Таким образом, вы всю жизнь поддерживаете разграничение, которого на самом деле не существует. И я не могу понять, почему вы не видите, насколько это напрасно и бесполезно, – причем не только в экономике, но и...

– На войне, – вдруг добавил рега.

Наступило долгое молчание. Солли еще о многом хотелось сказать, однако она терпеливо ожидала развития разговора.

– Я был на Йеове, – сказал Тейео в конце концов. – На самом остром гражданской войны.

«Так вот откуда все твои шрамы», – подумала она.

Как бы скрупулезно Солли ни отводила взгляд в сторону, она давно уже рассмотрела стройное черное тело Тейео, а на занятиях айджи увидела на его левой руке длинный широкий шрам.

– Как ты, наверное, знаешь, рабы колонии подняли мятеж – сначала в некоторых городах, а потом на всей планете. Наша армия состояла только из рабовладельцев. Мы не посылали туда рабов-солдат, потому что они могли нарушить присягу. На фронт улетали лишь веоты-добровольцы. Мы считали себя хозяевами, а их – слугами, но война шла на равных. Я понял это довольно быстро. А позже мне пришлось признать, что мы воевали с сильным и умным противником. Они победили нас.

– Но это... – начала было Солли и замолчала. Она не знала, что сказать.

– Они побеждали нас с самого начала, – рассказывал он. – Частично из-за того, что наше правительство не понимало, насколько неприятель силен. А они сражались лучше и злее нас, разумно и с исключительной смелостью.

– Они боролись за свою свободу!

– Возможно, – вежливо ответил Тейео.

– И ты...

– Я хочу оказать, что уважал своих противников.

– А мне ничего не известно об этой войне, да и вообще о войнах, – сказала Солли, и в голосе ее смешались горечь и раздражение. – Какое-то время я жила на Кеаке, но там не было войны. Там происходило расовое самоубийство. Бездумное уничтожение биосферы. Наверное, существует большая разница... Именно тогда союз Экумены решил ввести запрет на некоторые виды вооружения. Мы просто не могли смотреть, как Оринт и Кеака разрушали самих себя. Терране тоже отвергали Конвенцию союза. И едва не погубили свою планету. Между прочим, я наполовину терранка. Мои предки веками гонялись друг за другом по планете – сначала с дубинами, а позже с атомными бомбами. Они тоже делились на хозяев и слуг... целые тысячелетия. Я не знаю, насколько хороша Конвенция союза и верна ли она. Кто мы такие, чтобы позволять другим планетам одно и запрещать другое? Но идея Экумены предлагает способ сосуществования! Способ открытого общения. Мы не хотим мешать кому-то двигаться вперед.

Тейео слушал ее и ничего не говорил. И только позже тихо прошептал:

– Мы учились смыкать ряды. Всегда. Я думаю, ты права. Это была напрасная трата времени, сил и духа. Вы более открыты. И мне нравится ваша свобода.

«Эти слова многого стоили ему», – подумала Солли. Не то что ее излияния, похожие на танцы света и тени. Он говорил от чистого сердца, и поэтому Солли с благодарностью принимала его похвалу. К тому времени она начала понимать, что с каждым прошедшим днем все больше и больше теряет уверенность и надежду. Она теряла убежденность в том, что их выкупят, освободят, что они когда-нибудь выберутся из этой комнаты и вообще останутся в живых.

– Эта война была жестокой?

– Да, – ответил Тейео. – Я даже не могу объяснить... Не могу сказать... Там все происходило ослепительно быстро, как в мощных вспышках света.

Он поднял руки к лицу, словно хотел закрыть глаза, а затем с укором посмотрел на Солли. И тогда она поняла, что его стальное на вид самообладание было уязвимо во многих местах.

– То, что я видела на Кеаке, происходило так же, – сказала она. – Я тоже ничего не могла объяснить. Как долго ты был на Йеове?

– Чуть меньше семи лет.

Она поморщилась:

– Значит, ты везучий?

Этот странный вопрос не имел прямого отношения к тому, о чем они говорили, но Тейео по достоинству оценил его.

– Да, – ответил он. – Мне всегда везло. Большинство из моих друзей погибли в боях, и многие из них – в первые три года. Мы потеряли на Йеове триста тысяч человек. Правительство замалчивает это. Подумать только: две трети веотов Вое-Део убиты! А я остался жив. Наверное, я действительно очень везучий.

Он опустил подбородок на сцепленные пальцы и замкнулся в мрачном молчании. Через какое-то время Солли тихо прошептала:

– Надеюсь, ты по-прежнему удачлив.

Он ничего не ответил.

– Как долго их уже нет? – спросил Тейео. Солли посмотрела на часы и прочистила пересохшее горло.

– Шестьдесят часов.

Вчера похитители не пришли в положенное время. Не пришли они и нынешним утром. У пленников кончилась еда, а затем и вода. Солли и Тейео становились все более мрачными и молчаливыми. Иногда они перебрасывались короткими фразами, но большую часть времени в комнате царила тишина.

– Это ужасно, – сказала она. – Это просто ужасно. Я начинаю думать...

– Они не бросят тебя, – проворчал Тейео. – Они взяли на себя ответственность за твою жизнь.

– Потому что я женщина?

– Частично.

– Вот же дерьмо!

Он улыбнулся, вспомнив, что там, на воле, ее грубость казалась ему невыносимой.

– А вдруг их поймали и расстреляли? – воскликнула она. – Что, если они никому не успели рассказать, где нас держат?

Тейео тоже не раз подумывал об этом. И теперь не знал, как ее успокоить.

– Мне не хотелось бы умереть в таком противном месте, – заплакала Солли. – Здесь холодно и грязно. Я воняю, как падаль. Я воняю уже двадцать дней! От страха смерти у меня болит живот, а я не могу выдавить из себя и капельку кала. Меня мучает жажда, но у нас нет ни капли воды!

– Солли! – резко произнес Тейео. – Успокойся! Не теряй самообладания! Оставайся твердой как камень!

Она с изумлением посмотрела ему в лицо:

– А для чего мне оставаться твердой?

Рега смущенно замолчал, и она спросила:

– Я задела твою благородную честь?

– Нет, но...

– Тогда в чем дело? Что тебя волнует?

Он подумал, что у нее начнется истерика, но Солли вскочила, схватила пустой поднос и стала колотить им по двери, пока не разломала его на части.

– Идите сюда, черт бы вас побрал! – кричала она. – Идите сюда, ублюдки! Выпустите нас отсюда!

Потом Солли села на матрас и с печальной улыбкой посмотрела на Тейео.

– Вот так, – сказала она.

– Подожди-ка! Слушай!

Они на миг затаили дыхание. Где бы ни находился этот подвал, городские звуки до него не доходили. Но теперь неподалеку отсюда происходило что-то очень серьезное. Они услышали взрывы и приглушенную канонаду.

Дверные засовы закрипели.

Пленники вскочили на ноги. Дверь открылась – на этот раз очень тихо и медленно. На пороге стоял вооруженный мужчина. Держа винтовку наперевес, он отступил на шаг, и в комнату вошли два патриота. Первого, что был с пистолетом, заключенные никогда не видели. Второго, с перекошенным от страха лицом, Солли называла представителем. Он выглядел так, словно долго бежал или с кем-то сражался, – грязный, оборванный и немного ошалевший. Прикрыв дверь, он протянул им несколько листов. Все четверо настороженно смотрели друг на друга.

– Дайте нам воды, ублюдки! – прохрипела Солли.

– Леди! – торопливо произнес представитель. – Я прошу прощения.

Казалось, он не слышал ее слов. Его взгляд впервые устремился на регу.

– В городе идет ужасное сражение, – сказал он.

– А кто сражается? – спросил Тейео ровным властным голосом.

– Вое-Део и мы, – ответил молодой патриот. – Они послали в Гатаи свои отряды. Сразу после похорон ваше правительство потребовало от нас капитуляции. А вчера они ввели свои войска и затопили город кровью. Кто-то передал солдатам Вое-Део все адреса староверческих центров. И некоторые из наших.

В его голосе чувствовалось смущение – злое обиженное смущение.

– Вы сказали – похороны? – спросила Солли. – Чьи похороны?

Представитель хмыкнул, и тогда Тейео повторил вопрос:

– Чьи похороны?

– Похороны леди. Ваши. Вот, смотрите... Я принес отпечатанные на принтере сообщения, взятые из информационной сети. Похороны по высшему разряду. Они сказали, что вы погибли при взрыве бомбы.

– При каком еще взрыве, черт бы вас побрал? – хрипло закричала Солли.

Патриот повернулся к ней и сердито ответил:

– При взрыве, который произошел на празднике. Его устроили староверы. Они заложили в костер Туал огромное количество взрывчатки. Но мы узнали об их плане и решили немного изменить его. Мы спасли вас от верной смерти, леди!

– Спасли меня? Да хватит лгать! Вы хотели получить за меня выкуп, ослиные задницы!

Пересохшие губы Тейео потрескались от смеха, который ему едва удалось удержать.

– Дайте мне ваши копии, – сказал он, и молодой человек передал ему пачку листов.

– Немедленно принесите нам воды! – закричала Солли.

– Нет-нет, господа. Я прошу вас задержаться, – поспешно добавил Тейео. – Нам надо обсудить сложившуюся ситуацию.

Сев на матрас, он и Солли за несколько минут прочитали статьи о трагическом окончании праздника и прискорбной кончине всеми уважаемой и любимой посланницы Экумены. В правительственной речи сообщалось, что она погибла в результате террористического акта, осуществленного староверами, а ниже кратко упоминались имена ее телохранителя, жрецов и зрителей, которые были убиты при взрыве. Несколько статей посвящались длинному описанию траурных мероприятий, отчетам о беспорядках и репрессиях. Затем шла благодарственная речь короля, которую тот произнес в ответ на предложенную помощь Вое-Део. Он просил уничтожить раковую опухоль терроризма...

– Так, – задумчиво произнес Тейео. – Значит, Совет не ответил на ваш ультиматум. Почему же вы оставили нас в живых?

Солли нахмурилась. Этот вопрос показался ей бестактным, но представитель спокойно ответил:

– Мы решили, что выкуп за вас даст Вое-Део.

– Я думаю, они нас выкупят, – согласился Тейео. – Но вам лучше не сообщать своему правительству о том, что вы оставили нас в живых. Если Совет...

– Подожди, – сказала Солли, касаясь его руки. – Я хочу подумать об этом. Скорее всего, нас выкупит посольство Экумены. Но как передать им послание?

– Не забывай, что в город введены войска Вое-Део. Мне лишь надо написать сообщение и отправить его охранникам из моей команды.

Солли сжала его запястье, подавая какой-то предупреждающий знак. Потом взглянула на представителя и ткнула в его сторону указательным пальцем:

– Вы украли посла Экумены, ослиные задницы! Теперь вам придется кое-что сделать, чтобы заслужить мое расположение. Я готова простить вас, потому что нуждаюсь в вашей помощи. Если ваше чертово правительство узнает, что я жива, оно попытается спасти свою репутацию и, конечно же, уничтожит меня. Где вы прячете нас? Есть ли у нас хоть какой-то шанс выбраться из этого подвала?

Мужчина раздраженно покачал головой.

– Нет, мы все теперь отсиживаемся здесь, внизу, – ответил он. – И вы останетесь здесь. Мы не хотим подвергать вас опасности.

– Да, тупоголовые придурки! Вам сейчас надо беречь нас изо всех сил, – сказала Солли. – Мы стали вашей единственной гарантией спасения! Принесите нам воды, черт бы вас побрал! И дайте нам поговорить немного! Возвращайтесь через час!

Молодой человек склонился над ней, и его лицо исказилось от гнева.

– Леди! Вы ведете себя как пьяная развратная рабыня! Вы... Вы грязная и вонючая инопланетная сучка!

Тейео вскочил на ноги, но Солли дернула его за руку. Представитель и другой мужчина молча подошли к двери, отперли замок и вышли.

– Ты только посмотри... – сказала она с ошеломленным видом.

– Зря... Зря... – шептал Тейео. Он даже не знал, как выразить свою мысль. – Они не поняли тебя. Лучше бы с ними говорил я.

– Ну да, конечно! Женщинам не положено отдавать приказы. Женщины вообще не должны говорить. Говнюки! Самовлюбленные ничтожества! Но ты же говорил, что они чувствуют ответственность за мою жизнь!

– Да, это так, – ответил он. – Но они очень молоды и фанатичны. И к тому же ужасно напуганы.

«Ты говорила с ними, как с рабами», – подумал он. Однако не посмел сказать этого вслух.

– Я тоже ужасно напугана! – закричала Солли, и по ее щекам побежали слезы.

Она вытерла глаза и села среди бумаг.

– О боже! Мы мертвы уже двадцать дней. Похороны состоялись полмесяца назад. Интересно, кого они кремировали вместо нас?

Тейео удивлялся ее силе. Его рука болела. Он мягко помассировал запястье и с улыбкой взглянул на Солли.

– Спасибо, что удержала меня, – сказал он. – Иначе я ударил бы его.

– Знаю. Бесшабашное рыцарство. А тот парень с оружием сделал бы в твоей голове дыру. Послушай, Тейео, ты уверен, что нас спасут, если твое послание попадет в руки армейского офицера или охранника из Вое-Део?

– Конечно.

– А что, если твоя страна играет в ту же игру, что и Гатаи?

Тейео взглянул на Солли, и гнев, который то пробуждался в нем, то угасал на протяжении этих бесконечных дней, захлестнул его неудержимым потоком. Он не мог говорить, потому что на языке крутились те же оскорбления, которые бросил в лицо Солли молодой патриот. Тейео прошелся по своей территории, сел на топчан и отвернулся к стене. Он сидел, скрестив ноги и положив одну ладонь на другую. Солли что-то говорила, но он не слушал ее.

Почувствовав недоброе, она замолчала, а затем напонила:

– Мы хотели поговорить, Тейео. У нас в запасе только час. Я думаю, наши похитители выполнят все, что мы потребуем. Но нам надо предложить им какой-то стоящий план – то, что можно реально исполнить.

Тейео не отвечал. Кусая губы, он хранил молчание.

– Что я такого сказала? Неужели я чем-то обидела тебя? О господи! Тогда прости меня. Я ничего не понимаю...

– Они... – Тейео замолчал и попытался овладеть собой и своими непослушными губами. – Они нас не предадут.

– Кто? Патриоты?

Он не ответил.

– Ты хочешь сказать, Вое-Део? Ты действительно уверен в этом?

После этого недоверчивого вопроса он вдруг понял, что Солли права. Разве правительство уже не предавало своих сынов на Йеове? Разве не напрасной оказалась его верность стране и долгу? И что стоила для них жизнь никому не нужного ветоа? Солли продолжала извиняться и твердить, что он, возможно, прав. А Тейео сжимал пальцами виски, жалея, что не может заплакать, – глаза были сухи, как песок в пустыне.

Солли нарушила границу и положила руку ему на плечо.

– Тейео, прости, – сказала она. – Я не хотела оскорблять твоё достоинство! Я очень уважаю тебя. Только ты моя надежда и помощь.

– Все это ерунда, – сказал он. – Вот если бы я... Просто мне хочется пить.

Она вскочила и забарабанила в дверь кулаками.

– Дайте нам воды! – закричала она. – Сволочи, сволочи!

Тейео встал и зашагал по комнате: три шага вперед, поворот, три шага назад, поворот. Внезапно он остановился на своей половине.

– Если ты права, нам и нашим похитителям угрожает серьезная опасность. Сообщение о твоей смерти помогло гатайцам оправдать вторжение отрядов Вое-Део. С их помощью король и Совет хотят уничтожить все антиправительственные фракции и группировки. Вот почему нашим солдатам стали известны адреса подпольных центров. Как бы там ни было, правительства Гатаи и Вое-Део не позволят тебе воскреснуть. Нам повезло, что мы находимся в плену у патриотов.

Солли смотрела на Тейео с какой-то странной нежностью, которую он нашел неуместной.

– Теперь бы еще понять, какую позицию займет союз Экумены, – продолжал Тейео. – Я хочу сказать... Ваши люди действительно поступают так, как говорят?

– У политиков всегда две правды. Если посольство увидит, что Вое-Део пытается подчинить Гатаи, они не станут вмешиваться, но и не одобряют насилия, о котором говорили патриоты.

– Репрессии направлены против тех, кто мешает гатайцам вступить в союз Экумены.

– Все равно их не одобряют. А если в посольстве узнают, что я жива, Вое-Део получит хорошую взбучку. Но как нам отправить туда весточку о себе? Я была здесь единственной посланницей Экумены. Кто мог бы стать надежным курьером?

– Любой из моих людей, но...

– Скорее всего, их уже отозвали. Зачем держать охрану посла, если тот погиб во время террористического акта? Но эту возможность надо отработать до конца. Вернее, попросить об этом наших похитителей. – Ее голос стал тише и задумчивее. – Вряд ли они позволят нам уйти. А если переодетыми? Пожалуй, это будет самый безопасный способ.

– Но как мы переберемся через океан? – спросил Тейео.

Солли несколько раз ударила себя ладонью по лбу:

– Ну почему они не могут принести нам воды...

Ее голос походил на шуршание бумаги. Тейео стало стыдно за свой гнев и обиду. Ему захотелось сказать, что она тоже была его помощью и надеждой, что он гордился ею и уважал, как друга. Но ни одна из этих фраз не сорвалась с его уст. Он чувствовал себя пустым и усталым. Он чувствовал себя высохшим стариком. Ах, если бы ему дали глоток воды...

Наконец им принесли и воду и пищу. Еды было мало – в основном заплесневелый хлеб. По иронии судьбы тюремщики сами стали заключенными. И теперь экономили припасы. Представитель назвал пленникам свое военное прозвище: Кергат, что по-гатайски означало «свобода». Он рассказал, что войска Вое-Део провели на окрестных территориях так называемую зачистку, предали огню немало домов и взяли под контроль почти весь город, включая королевский дворец. Однако по телесети об этом ничего не говорилось.

– Дурацкие интриги Совета закончились тем, что нашу страну захватила армия Вое-Део! – воскликнул он, едва не рыдая от ярости.

– Это ненадолго, – сказал Тейео.

– А кто сможет их победить? – спросил молодой человек.

– Йеове. Идея Йеове.

Кергат и Солли с удивлением посмотрели на него.

– Революция, – пояснил Тейео. – Вскоре Уэрел станет Новым Йеове.

– Вы имеете в виду рабов? – спросил Кергат. – Но они никогда не объединятся во фронт сопротивления.

– Но когда они сделают это, будьте осторожны, – мягко добавил веот.

– А разве в вашей группе нет рабов? – удивленно спросила Солли.

Кергат даже не потрудился ответить. Тейео вдруг понял, что молодой патриот относится к ней как к рабыне. Впрочем, он и сам поступал так же, там, в другой жизни, где такое разграничение имело смысл.

– Скажи, а твоя служанка Реве настроена к тебе по-дружески? – спросил он Солли.

– Да, – ответила она. – Вернее, это я пыталась стать ее подругой. Она не делает того, что ты хочешь.

– А макил?

Она задумалась почти на минуту.

– Возможно. Да.

– Он все еще здесь?

Солли неуверенно пожала плечами:

– Их труппа собиралась в турне. Отъезд должен был состояться через несколько дней после праздника.

– Он из Вое-Део. Если труппа макилов все еще здесь, их, скорее всего, отправят домой. Кергат, вам надо выяснить этот вопрос и связаться с актером по имени Батикам.

– Он макил? – спросил молодой патриот, и его лицо исказилось от отвращения. – Один из ваших кривляк-гомосексуалистов?

Тейео быстро посмотрел на Солли. Терпение, терпение.

– Бисексуалов, – поправила Солли, не обращая внимания на предостерегающий взгляд. – И не кривляк, а актеров.

К счастью, Кергат пропустил ее слова мимо ушей.

– Он очень хитрый человек, – сказал Тейео. – С большими связями. Батикам поможет не только нам, но и вам. Поверьте, это стоит усилий. Лишь бы он оказался здесь. Вы должны поторопиться.

– С какой стати макил будет помогать нам? Он же из Вое-Део.

– Не забывайте, что он раб, а не мужчина, – сказал Тейео. – Батикам является членом Хейма, рабского подполья, которое противостоит правительству Вое-Део. Союз Экумены симпатизирует им. Представьте, какую вы получите поддержку, если макил расскажет в посольстве о том, что группа патриотов спасла посланницу от неминуемой смерти и теперь, рискуя всем своим благополучием, прячет ее в безопасном месте. Пришельцы со звезд будут действовать решительно и быстро. Я верно говорю, посол?

Быстро входя в роль авторитетной и важной персоны, Солли ответила кратким величественным кивком.

– Быстро и решительно, но осторожно, – сказала она. – Мы стараемся избегать излишней жестокости и обычно используем политическое принуждение.

Молодой человек прикусил губу и задумался над предложением своих пленников. Понимая его смущение и осторожность, Тейео спокойно ожидал ответа. Он заметил, что Солли тоже неподвижно сидит на топчане, положив одну ладонь на другую. Она была худой и грязной. Немытые засаленные волосы свисали сосульками на плечи. Но она вела себя храбро, как отважный солдат, – особенно в эти минуты, когда все зависело от нервов. Он знал, чего ей стоило успокоиться и смирить свое гордое сердце.

Кергат начал задавать вопросы, и Тейео отвечал на них убедительно и степенно. Когда в разговор вступала Солли, Кергат прислушивался, хотя после ссоры и взаимных оскорблений демонстративно не замечал ее присутствия. В конце концов патриоты ушли, так и не сказав, что собираются предпринять. Но Кергат еще раз повторил имя Батикама и то сообщение, которое рега хотел передать в посольство: «Веоты на половинном жалованье охотно учатся петь старые песни».

Когда тяжелая дверь закрылась, Солли спросила у Тейео:

– Это какой-то пароль?

– Разве ты не знаешь человека по имени Музыка Былого?

– Знаю. А он что, твой друг?

– Почти.

– Он работает на Уэреде с самого начала. Наш первый Наблюдатель. Очень уважаемый и умный человек. Да, он сделает все, чтобы вытащить нас отсюда... Что-то я вообще уже не соображаю. Знаешь, чего мне сейчас хочется? Лежать на берегу небольшого ручья в красивой маленькой долине. Лежать и пить проточную воду. Весь день. Просто вытягивать шею и пить. И чтобы вода серебрилась в сиянии солнца. О боже, боже! Я тоскую по солнечному свету. Тейео, мне так тяжело. Еще тяжелее, чем вчера или позавчера. Сажу и верю, что у нас действительно появилась надежда выбраться отсюда. Я пытаюсь отбросить ее, но у меня ничего не получается. О, как я устала от этого плена!

– Который теперь час?

– Половина девятого. Уже стемнело. О, как я хочу побыть в темноте! Послушай... А мы чем-нибудь можем прикрыть эту чертову биопластину? Давай устроим себе ночь и день.

– Ты можешь дотянуться до нее, если станешь мне на плечи. Но как мы закрепим ткань?

Они с минуту смотрели на пластину.

– Не знаю, что и придумать, – сказала Солли. – А ты заметил, что маленькое пятно на ней увеличилось? Похоже, эта биопластика умирает. Может быть, нам не стоит тревожиться? Если мы задержимся здесь, темноты у нас окажется предостаточно.

– Ладно, – сказал Тейео с какой-то странной застенчивостью. – Я устал.

Он поднялся, потянулся и взглядом спросил разрешения войти на ее территорию. Попив воды, Тейео вернулся к топчану, снял китель и обувь, подождал, пока Солли не отвернется, затем снял брюки и укрылся одеялом. Его губы по привычке прошептали знакомые с детства слова: «О Камье всемогущий, позволь мне сохранить твердость ради благородной цели». Но он не заснул. Он слышал ее легкие движения: она сходила в туалет, попила воды и, сняв сандалии, легла на топчан.

Прошло какое-то время.

– Тейео.

– Да.

– А тебе не хочется... Наверное, это неправильно с моей стороны... Особенно в таких условиях... Скажи, ты хочешь меня?

Он долго не отвечал.

– В таких условиях не очень, – чуть слышно произнес Тейео. – Но там, в другой жизни...

Он смущенно замолчал.

– Короткая жизнь против длинной, – прошептала она.

– Да.

Наступило долгое молчание.

– Нет, все это только слова, – сказал он и повернулся к ней.

Они сжали друг друга в объятиях. Их тела сплелись, жадно и страстно, в слепой спешке, в порыве истосковавшихся сердец. Вместе с рычанием и стонами с их уст на разных языках срывалось имя бога, как благодарность за минуты счастья, как гимн всепобеждающей любви. А потом они прижимались друг к другу – истощенные, липкие, потные и в то же время обновленные и возрожденные нежностью тел. О, это древнее и бесконечное открытие! Неудержимый полет в новый мир!

Тейео просыпался медленно и легко, наслаждаясь близостью ее тела. Он мог коснуться губами розового соска или руки, которая гладила его волосы, шею и плечо. Он упивался счастьем, осознавая только этот ласковый ленивый ритм и прохладу гладкой женской кожи под своей щекой.

– Я вдруг поняла, что не знаю тебя, – сказала Солли. Ее голос исходил наполовину из груди, наполовину из уст. – Мне хотелось бы услышать историю твоей жизни. – Она прижалась к его лицу губами и щекой.

– А что ты хочешь узнать?

– Все-все. Расскажи мне, кто такой Тейео...

– Какой простой вопрос. Это тот мужчина, который держит тебя в объятиях.

– О господи! – рассмеялась она и на миг спрятала лицо в зловонном одеяле.

– О ком ты говоришь? – спросил он лениво и сонно.

Они говорили на языке Вое-Део, но Солли часто использовала слова альтерранского наречия. В данном случае она употребила слово «Сеит», и поэтому Тейео спросил:

– Кто такой Сеит?

– Сеит для меня такое же божество, как Туал Милосердная или Владыка Камье. Я часто произношу это имя без должного повода. Дурная привычка, от которой мне никак не избавиться. А ты веришь в своих богов? Прости меня, Тейео! Рядом с тобой я чувствую себя глупой девчонкой. Все время сую свой длинный нос в твою душу, верно? Мы, пришельцы, как орды захватчиков, несмотря на то что кажемся такими мирными и самодовольными...

– Могу ли я выразить свою признательность уважаемой посланнице Экумены? – шутливо спросил Тейео, принимаясь гладить ее грудь.

– О да, – дрожа от страстного желания, ответила она. – Да! Да-а!

Как странно, что секс почти ничего не меняет в жизни, размышлял Тейео. Все осталось прежним, хотя их заключение начало казаться менее стеснительным и мрачным. У них появился постоянный источник наслаждений, но и он зависел от количества воды и пищи, потому что требовал сил и настроения. Тем не менее секс дал ему что-то новое, и ни одно из слов – удобство, нежность, любовь и доверие – не могло вместить в себя это емкое и интимное чувство. Оно брало начало в единстве их тел и было огромным, как космос. И в то же время оно ничего не меняло в этом мире – даже в таком крохотном и жалком, как тюремная камера. Они по-прежнему находились в заточении. Они по-прежнему голодали и изнывали от жажды. И они все больше и больше боялись своих истеричных и злых тюремщиков.

– Я должна стать настоящей леди, – говорила Солли. – Хорошей девочкой. Подскажи, как это сделать, Тейео.

– Мне не хочется, чтобы ты отказывалась от самой себя. – Увидев слезы в ее глазах, он обнял Солли и прошептал: – Оставайся гордой. Не теряй твердость духа!

– Хорошо.

Когда в камеру приходили Кергат или другие патриоты, Солли вела себя спокойно. Она отворачивалась к стене или закрывала глаза, тем самым как бы отстраняясь от разговора мужчин. Глядя на нее в такие минуты, Тейео чувствовал унижение от такой покорности, но знал, что она права.

Загремели засовы, и дверь со скрипом открылась, вырывая его из кошмара, навеянного жаждой и голодом. К ним еще никогда не приходили так рано. В поисках уюта и тепла он и Солли заснули, прижавшись друг к другу. Увидев презрительную усмешку Кергата, Тейео испугался. До сих пор пленникам удавалось скрывать свою сексуальную близость. Полу-сонная Солли все еще цеплялась за его шею.

В комнату вошел второй мужчина. Кергат молчал. Тейео потребовалась почти минута, чтобы узнать Батикама. Но и после этого рега остался невозмутимым. Он лишь прошептал имя макила и умолк.

– Батикам? – прохрипела Солли. – О мой бог!

– Какой волнующий момент, – произнес Батикам бархатистым голосом.

Заметив на нем одежду гатайца, Тейео понял, что актер не был трансвеститом.

– Я не хотел смущать вас, посланница. И тем более вас, уважаемый рега. Я пришел сюда, чтобы предложить вам свою помощь. Надеюсь, вы не против?

Тейео протянул руку и достал свои грязные брюки. Солли спала в рваных кальсонах, которые ей дали тюремщики. Подвальный холод заставлял их спать в одежде.

– Вы были в посольстве, Батикам? – спросила она, надевая сандалии. Ее голос дрожал от надежды и волнения.

– О да. Сгонял туда и обратно. Извините, что это заняло так много времени. Боюсь, я не вполне понимал серьезность вашего положения.

– Кергат помогал нам, как только мог, – сдавленным голосом сказал Тейео.

– Да-да, я вижу. Огромный риск. Но теперь вам не о чем волноваться. Если только... – Актер посмотрел Тейео в глаза. – Рега, ваша гордость позволит вам отдаться в руки Хейма? Возможно, у вас есть какие-то возражения?

– Батикам, – оборвала его Солли. – Доверяйте ему, как мне!

Тейео завязал шнурки, поднялся с топчана и сказал:

– Все мы в руках Камье всемогущего.

Батикам ответил ему красивым вибрирующим смехом, который Тейео запомнил с первой встречи.

– Хорошо, я поправлюсь: не в руки Хейма, а в руки Камье всемогущего, – сказал макил и повел их из комнаты.

В «Аркамье» говорится: «Жить просто – это самое сложное в жизни».

Солли потребовала оставить ее на Уэреле и после длительного отпуска на одном из морских курортов была послана Наблюдательницей в Южное Вое-Део. Тейео уехал домой, так как его отец находился при смерти. После кончины отца он уволился из охраны посольства и прожил в родном имении два года, пока не скончалась его мать. За это время он и Солли виделись всего лишь несколько раз.

Похоронив мать, Тейео дал вольную всем рабам семьи, переписал на них поместье, продал на аукционе фамильные ценности и уехал в столицу. На встрече с Музыкой Былого он узнал, что Солли тоже приехала в посольство. Рега нашел ее в небольшом кабинете правительственного особняка. Она выглядела более зрелой и элегантной, хотя и немного усталой. Визит Тейео удивил ее, но она и шагу не сделала, чтобы подойти и поприветствовать его. Вместо этого Солли тихо сказала:

– Меня отправляют на Йеове. Первым послом Экумены.

Тейео стоял и молча смотрел на нее.

– Я только что беседовала с главой нашей миссии на Хайне... – Она закрыла лицо руками. – О боже! Что я говорю?

– Прими мои поздравления, Солли, – сказал Тейео и повернулся к двери.

Она подбежала к нему, обвила руками его шею и заплакала:

– Ах, милый. Я только сейчас узнала, что твоя мать умерла. Прости меня. Я никогда... Никогда... Я думала, мы будем вместе... Что ты собираешься делать дальше? Хочешь остаться здесь?

– Я продал всю свою собственность и теперь свободен как птица, – ответил Тейео. Ему хотелось прижать Солли к груди, но он сдержался. – Думаю вернуться на службу.

– Ты продал свое имение? А я даже не видела его!

– Я тоже не видел тех мест, где ты провела свою юность.

Наступила неловкая пауза. Солли разжала руки и отошла от Тейео. Они растерянно посмотрели друг на друга.

– Ты придешь еще? – спросила она.

– Приду, – ответил Тейео.

Через несколько лет Йеове вошла в союз Экумены. Посланница-Мобиль Солли Агат Терва была направлена на Терру, а позже отозвана на Хайн, где, получив ранг стайбаиля, служила в дипломатическом корпусе союза. Во всех командировках и путешествиях ее сопровождал супруг, красивый и представительный мужчина, отставной офицер уэрелианской армии. Людей, знавших их достаточно близко, всегда поражали страстная нежность, гордость и верность этой пары. Солли часто говорила, что она одна из самых счастливых женщин на свете. У нее была прекрасная работа, награды за труд и любимый муж. Да и Тейео не выглядел печальным. Конечно, он скучал по своей далекой планете, но хранил твердость духа ради благородной цели.

Муж рода

Стсе

Вместе с отцом сидел он на берегу большой запруды. Словно разгорающиеся в ранних сумерках светлячки, перед глазами порхали невесомые искристые крылышки. Легкие круги на воде то и дело возникали, ширились и, набегая друг на друга, мелкой рябью угасали на безмятежной глади.

– Почему вода ведет себя так чудно? – спросил он у отца чуть ли не благоговейным шепотом и получил столь же негромкий ответ:

– Это арахы – когда пьют, крылом касаются поверхности.

Вот тогда и постиг он, что центр, образующая каждого такого круга – неутоленное желание, жажда. Затем настало время возвращаться домой, и мальчик, вообразив себя стремительно летящим арахой, помчался в сумерках впереди отца навстречу ярко освещенным уступам близкого городка на склоне холма.

Полное его имя звучало так: Маттин-Йехедархед-Дьюра-Га-Мурускетс Хавжива. «Хавжива» означало «обручальный агат» – небольшой камень с кварцевым пояском. Исполкон веку в Стсе в чести названия камней. Все мальчики рода Неба, Иного Неба, потомки Незыблемого Скрещения, по древней традиции получали имена в честь камней или определенных мужских достоинств, таких как отвага, терпимость, милосердие. Семья Йехедархед стойко придерживалась родовых обычаев. «Если не ведаешь, какого ты роду-племени, то не знаешь, кто ты сам», – говаривал Гранит, отец Хавживы. Тихий и любезный человек, с неуклонной серьезностью исполнявший отцовские обязанности, он любил изъясняться поговорками.

Гранит, естественно, был братом матери, то есть дядей мальчика – так, собственно, в их роду и считали отцовство. Мужчина, принимавший участие в зачатии Хавживы, жил на далекой ферме. Изредка бывая по делам в городе, он неизменно заглядывал в гости, но всегда ненадолго. Ибо мать Хавживы, носившая титул Наследницы Солнца, свободным временем почти не располагала. Хавжива завидовал своей кузине Алоэ, у которой отец был старше ее лишь на шесть лет и играл с нею, точно настоящий старший брат. Еще сильнее завидовал он другим детям – их матери не обременены столь важными обязанностями. Хавжива почти не видел собственной – мать постоянно торопилась на очередной бал или в какой-нибудь безотлагательный вояж. Не имея постоянного мужа, она крайне редко проводила ночь в родных стенах. Вместе с ней было чудесно, но и непросто. Приходилось изображать из себя сынка важной госпожи, эдакого пай-мальчика, и Хавжива испытывал определенное облегчение, оставаясь дома один, с отцом, с ласковой и нетребовательной бабушкой или с ее сестрой, Распорядительницей Зимнего Бала, прибывшей с визитом вместе с мужем, или с другими родичами по Иному Небу, понаехавшими с ферм, или с прочими деревенскими гостями, которые в их доме не переводились.

В Стсе было всего два странноприимных имения – дом Йехедархедов и дом Дойефаратов, – и первые славились своим радушием, поэтому вся родня обычно у них и предпочитала останавливаться по приезду в город. Если бы гости не привозили с собой разную сельскую снедь, то, невзирая на громкий титул хозяйки дома, Йехедархедам приходилось бы несладко. Того, мать Хавживы, немало зарабатывала учительством, отправлением ритуалов и прочей церемониальной помощью посторонним, но все, как в прорву, уходило на бесчисленных сородичей, на те же ритуалы, на всяческого рода торжества, празднества, да и поминки.

– Богатство не может быть недвижимым, – объяснял Гранит мальчику. – Деньги должны течь, как кровь в человеческих жилах. Попробуй только останови в себе кровоток – тут же получишь инфаркт и помрешь.

– Значит, старик Хеже скоро умрет? – любопытствовал мальчик. Этот сквалыга и гроша ломаного не истратил ни на родственников, ни на ритуалы, а от зоркого глаза Хавживы не ускользало ничто.

– Да, – согласился отец. – Его арахы уже давно мертвы.

Арахы – это достоинство и гордость, особое свойство, присущее как мужчинам, так и женщинам. Но это одновременно и щедрость, и вкус к изысканным кушаньям, тонким винам, к красивой жизни вообще.

Точно так же зовется и щедро изукрашенный природой летучий зверек, полетами которого в сумерках – огненными росчерками над гладью водохранилища – и любовался по вечерам Хавжива.

Стсе, можно сказать, остров, отделенный от великого Южного материка непроходимыми топиями и мелеющими в отлив протоками, где устроили себе гнездовья миллионы пернатых. На берегу сохранились руины колоссальных размеров древнего моста, изрядный его фрагмент выступал из воды у основания городского причала, возле волнолома. Следы строительной активности былых веков встречались по всему Хайну, и обитатели этого мира давно уже привыкли воспринимать их как естественную и неотъемлемую часть ландшафта. Разве только ребенок, маша ручонкой с пирса вслед отбывающей в морское путешествие родительнице, мог подивиться, зачем это понадобилось древним возиться со столь грандиозной постройкой, когда есть куда как более удобные средства сообщения – корабли да флайеры. «Может статься, тогда просто больше любили ходить пешком, – мог предположить он. – Мне же лично по душе плавание. Или полет».

Но высокоскоростные флайеры, так никогда и не приземляясь, только сверкали серебром в невероятной высоте над Стсе – из одних таинственных мест, где обитали историки, они летели в другие, не менее загадочные. Зато в гавани постоянно теснились проходящие суда, вот только нога представителя рода Хавживы крайне редко ступала на их борт. Испокон веку все его сородичи жили в городке Стсе – таков был раз и навсегда заведенный порядок вещей. Все познания, необходимые для подобной жизни, можно было получить на месте, не пускаясь в долгие морские странствия.

– Люди должны учиться быть людьми, – говорил отец. – Посмотри, к примеру, на дочурку Шеллы. Как упорно цепляется она ко всем: «Поцему так? Поцему эдак?»

«Поцему» на языке Стсе звучало как «аова».

– Эта кроха часто лепечет нечто вроде «нга-а-а!», – заметил Хавжива.

– Конечно, – кивнул Гранит. – Ей еще только предстоит научиться выговаривать слова как следует.

Хавжива крутился вокруг малышки всю прошлую зиму, играя с ней и уча ее всему понемножку. Девочка доводилась ему дальней родственницей, седьмая вода на киселе, и прибыла из Этсахина вместе с матерью, отцом и его женой. Вся загостившаяся семейка, глядя, как охотно мальчик возится с пухлой и безмятежной глазастой крохой, как терпеливо повторяет ей «баба» да «гу-гу», чуть ли слезы умиления не проливала. И хотя собственной сестры, а значит, и перспективы стать настоящим отцом у Хавживы не было, при таком пристрастии к возне с детьми он мог запросто заслужить со временем право и честь стать приемным отцом ребенку, чья мать не имела брата.

Хавжива посещал занятия в школе и в храме, учился церемониальным танцам, а также играл в местную разновидность футбола. В классах он отличался завидным прилежанием. И в футбольной команде считался далеко не последним игроком, хотя и не столь ярким, как лучшая его подружка из рода Потайного Кабеля по имени Йан-Йан, традиционному в ее роду

для девочек, – так называлась юркая морская птаха. До двенадцати лет мальчики и девочки в Стсе обучались совместно и одному и тому же. Йан-Йан считалась лучшей нападающей в школьной команде, и на второй тайм ее, как правило, передавали соперникам, чтобы хоть как-то уравнять игру и уйти с поля без слез и обид. Успехи Йан-Йан отчасти объяснялись тем, что уродилась она девочкой весьма рослой, но и в дриблинге ей тоже не было равных.

– Когда вырастешь, станешь, наверное, служителем при храме? – спросила она Хавживу, когда они вдвоем устроились на коньке крыши ее дома, чтобы полюбоваться церемонией первого дня Мистерии Високосных Богов, проводящейся раз в одиннадцать лет.

Торжества еще не начались, смотреть пока было не на что, и даже музыка из изношенных репродукторов, установленных на рыночной площади, доносилась слабо и с громкими потрескиваниями. Болтая ногами, друзья негромко беседовали.

– Нет, пожалуй. Лучше уж поучусь у отца ткацкому ремеслу, – задумчиво протянул мальчик.

– Хорошо тебе! Почему только глупым мальчишкам разрешается подходить к ткацким станкам?

Вопрос был чисто риторическим, и отвечать на него Хавжива не стал. Женщины не ткут. Мужчины не обжигают кирпич. Люди Иного Неба не водят морские суда, зато занимаются ремонтом электронных устройств. Люди Потайного Кабеля не холостят скотину, но обслуживают генераторы. Таков извечный порядок вещей – ты делаешь что-либо для других, остальные – что-то для тебя. Одним ты вправе заняться, другим – нет.

По достижении половой зрелости друзьям предстояло принять самое первое в жизни самостоятельное решение – выбрать первую профессию. Йан-Йан уже определилась – собиралась пойти в подмастерья к каменщице. А кроме того, ее давно уже зазывали во взрослую футбольную команду.

Наконец внизу появился большой серебристый шар на длинных паучьих лапках, скачущий большими прыжками. При каждом прикосновении лап к земле вырывался яркий сноп искр. Шестеро в красном, в высоких белых масках, вопя что было сил, неслись следом и швыряли в шар цветную фасоль горстями. Хавжива и Йан-Йан, ахнув от восторга, свесились с крыши, чтобы лучше видеть, когда шар свернет на площадь за углом. Оба знали, что под личиной этого Високосного Бога скрывается Чирт, парень из Небесного рода, вратарь взрослой футбольной команды, знали, что он одержим божеством по имени Царстса, или Скачущий Мяч. Бог на время вселялся в тело человека, дабы личным присутствием почтить церемонию, и неся теперь вдоль улицы, сопровождаемый благоговейными восклицаниями, воплями притворного и неподдельного ужаса и осыпaeмый благодатными дарами земли.

Захваченные спектаклем, друзья возбужденно смаковали малейшие детали: качество маскарадного костюма бога, невероятную длину прыжков, пиротехнические эффекты – и также прониклись благоговением, настолько великолепным оказалось зрелище. Бог уже давно пронесся мимо, а они все сидели в мечтательной задумчивости на своей крыше под нежарким, затянутым дымкой солнцем. Оба они были детьми, оба постоянно жили в согласии с повседневными своими богами. Сейчас же им довелось лицезреть необычного, редкостного бога. И они попросту опасались расплескать новые впечатления. Когда им еще доведется увидеть такое? Ведь для бессмертных богов время – ничто.

В пятнадцать лет Хавжива и Йан-Йан на пару сами стали богами.

Уроженцы Стсе в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет находились под неусыпным надзором – великое бесчестье и неизгладимый позор тому роду, дому, семье, чей отпрыск утратит невинность преждевременно, без установленной церемонии. Девственность священна – горе тому, кто бездумно лишится ее. Сношения между полами священны – горе тем, кто вступает в них безрассудно. Допускалось и даже негласно поощрялось, чтобы мальчики в определенном возрасте мастурбировали и пускались в гомосексуальные экспе-

рименты – но лишь до определенных пределов. На тех юношей, которые попадали под подозрение в устоявшейся гомосексуальной связи или попытках уединиться с какой-либо девочкой, обрушивалась настоящая педагогическая буря, им просто проходу не было от нотаций, смешков и косых взглядов. Взрослый же за какие-либо поползновения в отношении девственника или девственницы рисковал должностью, правами собственности и мог даже стать изгоем.

Вступление в зрелость отнимало немало времени. Мальчиков и девочек долго учили распознавать и контролировать свое половое влечение, которое в хайнской физиологии рассматривалось как дело сугубо приватное. В результате в Стсе практически не было случаев незапланированной беременности. Зачатие могло произойти лишь по обоюдному решению мужчины и женщины. В тринадцать мальчиков начинали учить технике осмотрового семяизвержения. Наставления, предупреждения и даже угрозы, в которых заключалась подобная премудрость, мало пугали подростков. Но через год-другой наступала пора проверки потенции, своеобразного порогового ритуала. Происходил он в столь таинственной атмосфере, окутывался такими строгостями, что мальчики изрядно трусили. Пройти такую проверку было делом чести каждого, неудача обрекала на страшный позор. И как большинство подростков, Хавжива с тревогой ожидал финальных процедур посвящения, скрывая страхи за маской мрачного безразличия.

Девочки же учились совсем иному. Народ в Стсе считал, что женский цикл плодородия делает их восприимчивее к премудростям продолжения рода, поэтому учеба, посвященная этому, была для них куда как менее обременительной. И пороговый ритуал носил характер своего рода праздника, скорее славословия, нежели запугивания, и порождал в их душах не страхи, а сладостное предвкушение. Годами женщины-педагоги, прибегая к красноречивым иллюстрациям, объясняли девочкам, чего будет добиваться от них мужчина, как привести его в состояние полной готовности, как дать понять, что нужно от него самой женщине.

Многие девочки интересовались, нельзя ли пока потренироваться друг с дружкой, но слышали в ответ лишь брань да нотации. «Нет, нельзя, запрещено категорически! Вот когда пройдет посвящение и станете взрослыми, – отвечали наставницы, – делайте что вздумается, но сперва каждой из вас следует пройти через положенную „двойную дверь“».

Обряды посвящения проводились, когда ответственным за них удавалось собрать равное количество пятнадцатилетних мальчиков и девочек из городка и окрестных селений. Чтобы составить подходящую пару, зачастую приходилось выписывать кого-либо и из более отдаленных мест. Пышно наряженные, в непроницаемых масках, притихшие участники ритуала весь день танцевали на рыночной площади, чествуемые родней и зеваками, а к вечеру переходили в дом, должным образом освященный для финальной церемонии. Там в торжественной тишине они вкушали ритуальную трапезу, затем молчаливые служители в масках разбивали молодежь на пары и разводили по комнатам. Под масками большинство участников этой анонимной церемонии прятали благоговейный трепет.

Поскольку выходцы из рода Иного Неба имели право вступать в сношения лишь с уроженцами Первоисточника или Потайного Кабеля, Йан-Йан и Хавжива – а они оказались единственными представителями своих родов на церемонии – предугадали свою судьбу заранее. Они узнали друг друга и под масками уже в самом начале танцев. И как только остались одни в отведенном для них помещении, тут же сбросили маски. Встретились взглядом. И смущенно потупились.

На протяжении последних двух лет друзья встречались крайне редко и совершенно не виделись все долгие последние месяцы. Хавжива как следует раздался в плечах и почти догнал подругу ростом. Перед каждым из них предстал как бы незнакомец. Они молча приблизились друг к другу, и каждый подумал: «Так вот с кем мне придется пройти через это». Они коснулись друг друга, и в них вошел бог – бог, ради которого они и пришли к своему

порогу. Они стали слово, и слово это было бог. Сперва бог неловкий и неуклюжий, но зато после – ослепительно прекрасный.

Покинув на следующий день ритуальный дом, они пришли домой к Йан-Йан.

– Отныне Хавжива будет жить здесь со мной, – объявила Йан-Йан как взрослая женщина. И все члены ее семьи, приняв ее слова как должное, почтительно приветствовали молодых.

Когда Хавжива вернулся к себе домой за вещами, там тоже никто не выказал удивления, все только сердечно поздравляли, а пожилая родственница из Этсахина отпустила весьма двусмысленную шуточку. Отец сказал Хавживе:

– Вот теперь ты настоящий мужчина из дома Йехедархед. Всегда будем ждать тебя к обеду.

С тех пор Хавжива ночевал только у Йан-Йан, завтракал с нею, а к обеду возвращался домой. Повседневную свою одежду он перенес в новый дом, а за одеждой для танцев и церемоний постоянно забегал к родителям. Учеба его заключалась теперь в освоении ткацких премудростей на больших станках и в изучении космогонии. Вместе с Йан-Йан он стал играть за взрослую сборную по футболу.

Хавжива чаще виделся теперь и с собственной матерью – когда ему стукнуло семнадцать, она предложила изучать под своим руководством культ Солнца, связанные с ним обряды, ведение торгового баланса, хитрости обменного рынка для фермеров Стсе и искусство торговли с купцами иных родов и заезжими чужестранцами. Детали обрядов следовало затвердить назубок, торговый же протокол изучался на практике.

Вместе с матерью Хавжива стал посещать торговые ряды, окрестные фермы и даже совершал вояжи через залив в города на континенте. С легкостью и даже удовольствием отвлекся он от опостылевших ткацких узоров, от которых пухла голова. Морские прогулки оказались весьма и весьма приятными, работа на континенте – чрезвычайно любопытной. Авторитет матери, ее компетентность, острота ума и бесконечный такт оставляли неизгладимое впечатление. Присутствие среди служителей Солнца на переговорах с группой почтенных торговцев, восхищение замечательным дипломатическим искусством матери и ее помощников сами по себе были ему лучшей наукой. Мать никогда ни на кого не давила, взяв на себя в переговорах только направляющую и умиротворяющую роль. Изучение сложнейших вопросов, посвященных культу Солнца, требовало многолетнего опыта, и при матери были помощники, поступившие в учение задолго до Хавживы. Но она находила сына чрезвычайно способным. «У тебя, сынок, есть настоящий дар убеждения, – сказала она как-то, когда лодка везла их домой из очередной поездки и в мгlistом полуденном мареве над золотистой водой уже замаячили зыбкие крыши родного Стсе. – Ты мог бы наследовать Солнцу, если пожелаешь».

«А пожелаю ли я?» – колебался Хавжива. Он спрашивал сам себя и вместо внятного ответа от внутреннего своего бога получал лишь какие-то смутные ощущения. Занятие само по себе вроде бы ничего. Никаких тебе раз и навсегда затверженных шаблонов, как в ремесле ткача. Путешествия, общение с самыми разными людьми – это ему по душе, это давало возможность узнавать от чужеземцев нечто неведомое, постоянно учиться новому.

– Скоро в гости к нам пожалует подружка твоего отца, – сообщила мать.

Хавжива погрузился в раздумья. Гранит никогда не был женат. Обе женщины, родившие от него детей, жили в Стсе и далеко никогда не уезжали. Он промолчал, понимая, что деликатная пауза – среди взрослых лучший способ дать понять, что ты ждешь продолжения.

– Они тогда были еще совсем молоды. Детей не нарожали, – пояснила Тово. – Затем она уехала, сделалась историком.

– А-а! – удивленно протянул Хавжива. Никогда прежде он не слышал о ком-либо, кто стал бы историком. Это казалось невероятным – так же, как чужеземцу стать уроженцем Стсе. Ты тот, кем уродился. Где родился, там и живешь.

Пауза так затянулась, что Тово не могла не понять ее смысл. Добрая доля ее педагогического искусства как раз и заключалась в точном знании, когда следует продолжать, а когда пора остановиться. Сейчас она предпочла промолчать.

Когда лодка, замедлив ход, причаливала к пирсу, сооруженному на останках древнего моста, Хавжива все же не удержался и спросил:

– А эта приезжая, историк, она из рода Кабеля или Первоисточника?

– Из рода Потайного Кабеля, – ответила мать. – Ох, как же у меня затекли ноги! Просто одеревенели! И неудивительно, когда плывешь на деревянном сундуке.

Женщина, правившая лодкой, перевозчица из рода Травы, обиженно округлила глаза, но смолчала и не стала защищать свое послушное и юркое детище.

– К вам как будто приезжает родственница? – тем же вечером спросил Хавжива у Йан-Йан.

– А, да, было такое сообщение. – Йан-Йан имела в виду телеграмму, поступившую в информационный центр Стсе и переадресованную на домашний рекордер. – Мать сказала, что она остановится в вашем доме. Ты-то сам что нового повидал сегодня в Этсахине?

– Просто встречался с несколькими служителями Солнца. А ваша родственница, она что, на самом деле историк?

– Все они там слегка чокнутые, – равнодушно заметила Йан-Йан и, усевшись верхом на обнаженного Хавживу, стала массировать ему спину.

Когда загадочная гостья – маленькая и худощавая женщина лет пятидесяти по имени Межа – наконец прибыла, Хавжива сразу убедился, что безумием здесь и не пахнет. Межа носила традиционную для Стсе одежду и разделяла свой завтрак с кем угодно. Светлые глаза лучились тихой радостью, но лишних слов она не говорила. Ничто в ней не выдавало, что перед вами женщина, отринувшая общественные устои, творящая то, что женщине отнюдь не к лицу, порвавшая отношения с собственным родом и избравшая иной образ жизни. Хавжива подозревал, что женщина-историк должна состоять в непристойном браке с отцом собственных детей, а на досуге может заниматься ткачеством и даже холостить скотину. Но никто от Межи не шарахался, а после завтрака старики ее рода устроили настоящую церемонию в честь прибытия редкой гостьи, тем самым приняв ее как самую дорогую родственницу.

Интерес к ней у Хавживы не иссякал. Любопытствуя, что гостья собирается делать в Стсе, он приставал к Йан-Йан с расспросами, пока та не отрезала:

– Не имею ни малейшего понятия, что Межа думает здесь делать! Я не умею читать мысли чокнутых историков. Спроси ее сам!

Когда Хавжива понял, что боится поступить так, как советует Йан-Йан, боится без всякой на то причины, он решил, что его посетило некое божество и тому что-то понадобится от него. Тогда юноша поднялся в холмы и выбрал плоский камень, удобный для долгих раздумий. Далеко внизу темнели крыши и белели стены домов Стсе, прилепившихся к крутым склонам, посреди полей и садов серебрились пятна прудов. За сушей до самого горизонта простиралось равнодушное море. Он провел там в тишине целый день, погрузившись в созерцание моря и собственной души. Затем вернулся на ночлег в родительский дом. Когда поутру Хавжива пришел завтракать к Йан-Йан, та только внимательно взглянула и ничего не сказала.

– Я постился, – виновато сообщил он.

Йан-Йан пожала плечами.

– Тогда приятного аппетита! – сказала она, присаживаясь.

После завтрака Йан-Йан отправилась на работу. Хавжива остался, хотя его и ожидали в ткацкой мастерской.

– О Мать Всех Детей, – обратился он к историку, выбрав для первой беседы самый что ни на есть почтительный титул, с каким только мужчина из одного рода может обратиться к женщине другого. – Существуют вещи, которых я не знаю, а ты знаешь.

– Всем, что знаю, поделюсь с превеликим удовольствием, – ответила она с такой готовностью, словно всю жизнь провела в Стсе. Затем улыбнулась и упредила следующий вопрос Хавживы. – Все, что дано тебе, передашь другим. – Подобная формула отвергала возможные предложения платы за учебу. – Только давай-ка мы с тобой перейдем на площадь.

Рыночная площадь в Стсе была общепринятым местом для бесед. Любой мог сидеть здесь на ступенях, или возле фонтана, или же в тени галерей, глаза на череду прохожих. Хавживе уютнее было бы в более укромном месте, но, прислушавшись к своему внутреннему богу, он подчинился.

Они устроились в нише основания фонтана и принялись беседовать, лишь изредка прерываясь, чтобы поприветствовать знакомых.

– Почему ты... – начал было Хавжива и запнулся.

– Почему уехала? И куда? – Ясноглазая, как арах, Межа подняла взгляд, чтобы проверить свою догадку по выражению лица собеседника.

– Да... Конечно, у нас с Гранитом, твоим отцом, была любовь, настоящая любовь, но иметь детей не получалось, а он так страстно желал ребенка... Ты удивительно похож на него тогдашнего. Мне приятно смотреть на тебя... Ну вот, в этом и заключалась моя главная беда. И ничто здесь уже не радовало. А еще я знала, как следует устроить все здесь, в Стсе. Вернее, думала, что знаю это лучше других.

Хавжива понимающе кивнул.

– Я служила при храме. Принимала сообщения, передавала их дальше и постоянно искала в этом какой-либо смысл. И мне открылось, что за пределами Стсе существует огромный неведомый мир. Почему же мне суждено всю жизнь провести именно здесь? Смириться с этим было трудно. Тогда я начала общаться кое с кем из тех, кто, как и я, служил при храмах на передаче информации. Кто ты, чем занимаешься, где живешь, каково там у вас?.. Вскоре меня связали с группой историков, которые, как и мы с тобой, родились в городках, а тогда как раз разыскивали людей вроде меня, но скорее чтобы убедиться в тщетности подобных поисков...

Это тоже было вполне понятно, и Хавжива снова кивнул.

– Я стала задавать вопросы. Они тоже. Историки это умеют, ведь это их хлеб. Вскоре я уже знала, что у них есть свои особенные школы, и поинтересовалась, нельзя ли попасть в одну из таких. Они прислали в Стсе своих представителей, те поговорили со мной, с родителями, с другими людьми – выясняли, не причинит ли мой отъезд каких-либо неприятностей. Стсе ведь весьма консервативный городок. У них там уже четыре столетия не было ни единого историка – выходца из наших мест.

Межа улыбнулась приятной мимолетной улыбкой, но юноша слушал весьма напряженно и веселости не выказал. Женщина не сводила с него ласково светящихся глаз.

– Народ у нас был потрясен, конечно, но никто особенно не рассердился. Поэтому вскоре я и отбыла вместе с историками. Мы улетели в Катхад. Там есть школа. Мне стукнуло полных двадцать два года, когда я начала свое образование сызнова. Я полностью изменила свое бытие, я училась быть историком.

– Как это? – спросил Хавжива после продолжительной паузы.

Межа глубоко вздохнула.

– Очень просто. Задавая прямые вопросы, – ответила она. – Как и ты сейчас. Плюс решительным отказом от всего своего прежнего знания.

– Как это? – повторил Хавжива, не веря своим ушам. – Почему?

– Подумай сам. Кем я была, когда уезжала? Женщиной из рода Потайного Кабеля. Когда оказалась там, от подобного титула пришлось отказаться. Там я вовсе не женщина из рода Потайного Кабеля. Я просто женщина. Могу вступить в связь с кем угодно по собственному усмотрению. Могу избрать любую профессию. Родовые ограничения имеют значение здесь, но не там. Там их нет вовсе. Здесь они в чем-то даже полезны, играют весьма важную роль, но за пределами этого тесного мирка теряют всякий смысл. – Межа разгорячилась. – Существуют два вида знания – локальное, то есть местное, и всеобщее, универсальное знание. А также два вида времени – местное и историческое.

– А может, и боги там совсем иные?

– Нет, – решительно возразила она. – Там нет их вовсе. Все боги здесь.

Межа заметила, как вытянулось лицо юноши. И после паузы добавила:

– Зато там есть души. Множество человеческих душ, сознаний, исполненных знания и страстей. Души живых и давно усопших. Души людей, обитавших на этой земле сотни, тысячи, даже сотни тысяч лет тому назад. Сознания и души людей из иных миров, удаленных от нас на сотни световых лет. И все с уникальным знанием, со своей собственной историей. Мир священен, Хавжива. Космос – это святыня. У меня, собственно, не было знания, от которого пришлось бы отречься. Все, что я знала, все, чему когда-либо училась, – все лишь подтверждение этому. В мире не существует ничего, что не было бы священо. – Она понизила голос и снова заговорила медленно, как местная уроженка: – Тебе самому предстоит сделать выбор между святостью здешней и великой единой. В конце концов, они, по существу, одно и то же. Но только не в жизни конкретного человека. Там знание предоставляет человеку выбор – измениться или остаться таким, каков ты есть, река или камень. Роды, обитающие на Стсе, – это камень. Историки – река.

Поразмыслив, Хавжива возразил:

– Но ведь русло реки – это тоже камень.

Межа рассмеялась, ее взгляд снова остановился на нем – вдумчивый и приязненный.

– Мне, пожалуй, пора, – сказала она. – Устала немного, пойду прилягу.

– Так ты теперь не... ты больше не женщина своего рода?

– Это там. Здесь я по-прежнему принадлежу роду. Это навсегда.

– Но ты ведь изменила свое бытие. И скоро снова покинешь Стсе.

– Конечно, – без промедления ответила Межа. – Человек может принадлежать более чем одному виду бытия разом. И у меня там работа.

Тряхнув головой, Хавжива сказал – медленнее, чем его собеседница, но столь же непреклонно:

– Что проку в работе, если ты лишаешься своих богов? Мне невдомек это, о Мать Всех Детей, моим слабым умом того не постичь.

Межа загадочно улыбнулась.

– Полагаю, ты поймешь то, что захочешь понять, о Муж Моего Рода, – ответила она церемониальным оборотом, позволяющим собеседнику закончить разговор и откланяться в любой момент, когда только вздумается.

Мгновение помешкав, Хавжива ушел. Направляясь в мастерские, он снова без остатка погрузился в мир затверженных на зубок шаблонных ткацких узоров.

В тот же вечер он приятно удивил Йан-Йан неистовым любовным пылом и довел ее буквально до изнеможения. В них как будто опять на время вселился бог – вспылал и вновь погас.

– Хочу ребенка, – объявил вдруг Хавжива, когда они, не размыкая влажных объятий, переводили дух в мускусной тьме.

– Ой... – поморщилась Йан-Йан, не в состоянии ни думать, ни решать, ни спорить. – Немного позже... Скоро...

– Сейчас, – настаивал он. – Сегодня.

– Нет, – сказала она мягко, но властно. – Помолчи!..

И Хавжива замолчал. А Йан-Йан вскоре уснула.

Больше года спустя, когда им стукнуло девятнадцать, Йан-Йан сказала как-то, прежде чем погасить свет на ночь:

– Хочу ребеночка.

– Еще не время.

– Почему? Ведь моему брату уже скоро тридцать. И жена его ничуть не возражает – ей даже хочется, чтобы рядом вертелся эдакий пухленький живчик. А когда выкормлю ребенка, перейдем ночевать в дом твоих родителей. Ты ведь всегда желал этого.

– Еще не время, – повторил Хавжива. – Я еще не хочу.

Повернувшись к нему лицом, Йан-Йан обиженно поинтересовалась:

– А чего же ты хочешь тогда?

– Пока не знаю.

– Ты собрался уйти. Ты намереваешься покинуть род. Ты хочешь податься в безумцы. А все эта женщина, эта проклятущая ведьма!

– Никаких ведьм не существует, – холодно ответил Хавжива. – Глупые бабушкины сказки. Детские суеверия.

Они устали друг на друга – лучшие в мире друзья, пылкие любовники.

– Тогда что же не так, Хавжива? Если хочешь перебраться в родительский дом, так и скажи. Если приглянулась другая, ступай к ней. Но сперва дай мне ребенка! Прошу тебя. Неужели ты уже совсем утратил своего араху?

Ее глаза наполнились слезами.

Хавжива спрятал лицо в ладони.

– Все не так, – пробормотал он. – Все неправильно. Все вроде бы делаю как принято, но меня не оставляет чувство – ты назовешь это безумием, – что можно и по-другому. Что есть другие способы...

– Есть только один способ жить правильно, – прервала Йан-Йан. – Тот, что я знаю. И там, где я живу. Есть только один способ делать детей. Если тебе известен другой, пойди и попробуй с кем-нибудь еще! – Она сорвалась на крик, напряжение последних месяцев разом выплеснулось в истерику, и Хавживе оказалось непросто успокоить ее, баюкая в нежных объятиях.

Когда Йан-Йан снова оказалась в состоянии говорить, она отвернулась к стене и глухо, хриловатым голосом спросила:

– Ты дашь знать, когда соберешься уходить, Хавжива?

Прослезившись от стыда и жалости, он шепнул ей:

– Да, любимая.

В эту ночь они уснули, точно малые дети, пытаясь утешиться в объятиях друг друга.

– Я опозорен, опозорен навеки! – простонал Гранит.

– Разве ты так уж виноват в том, что это случилось? – сухо спросила сестра.

– А я знаю? Может, и виноват. Сперва Межа, а теперь вот еще и мой сын. Может, я был слишком суров с ним?

– Думаю, нет.

– Тогда слишком мягок! Видно, плохо учил! Отчего он утратил разум?

– Хавжива вовсе не обезумел, брат мой. Изволь выслушать, как расцениваю случившееся я. Его, точно дитя малое, постоянно мучило, почему так да почему этак. Я отвечала: «Так уж все заведено, так делается испокон веку». И он вроде бы все понимал и соглашался. Но в душе его не было покоя. Со мной такое тоже случается, если вовремя себя не одернуть. Изучая премудрости Солнца, он постоянно спрашивал меня, почему, мол, именно так, а не как-то иначе. Я отвечала: «Во всем, что делается изо дня в день, и в том, как это делается, мы олицетворяем собой богов». Тогда, замечал он, боги – лишь то, что мы делаем. В каком-то смысле да, соглашалась я, в том, что мы делаем правильно, боги присутствуют, это верно, в том и заключается истина. Но он все же не был до конца удовлетворен этим. Хавжива не безумен, брат мой, он просто охромел. Он не может идти. Он не в силах идти с нами. А как должен поступать мужчина, если он не в силах идти дальше?

– Присесть и спеть, – медленно сказал Гранит.

– А если он не умеет спокойно сидеть? Не может летать?

– Летать?

– У них там найдутся крылья для него, брат мой.

– Позор, какой позор! – Гранит спрятал пылающее лицо в ладонях.

Посетив храм, Тово отправила сообщение в Катхад для Межи: «Твой ученик изъявил желание составить тебе компанию». В словах депеши читалась неприкрытая обида. Тово винила историка в том, что сын утратил присутствие духа, был выведен из равновесия и, как выражалась она, душевно охромел. А также ревновала к женщине, которой в считанные дни удалось зачеркнуть все, чему сама она посвятила долгие годы. Тово признавала свою ревность и даже не пыталась ее унять или скрыть. Какое значение имеют теперь ее ревность и унижение брата? Им обоим осталось лишь оплакивать собственное поражение.

Когда судно на Даху легло на курс, Хавжива обернулся, чтобы в последний раз окинуть взглядом Стсе. При виде одеяла из тысячи лоскутков зелени разных оттенков – буроватых топей, отливающих золотом колосющихся полей, пастбищ, обведенных ниточками плетней, цветущих садов – защемило сердце; город своими серыми гранитными и белыми оштукатуренными стенами карабкался ввысь по крутым склонам холмов, черные черепичные крыши напозлали одна на другую. Издали город все больше и больше походил на птичий базар – весь в пятнышках пернатых его обитателей. Над утопающим в дымке Стсе, упираясь в невысокие кудреватые облака, вздыбились иссиня-серые вершины острова, припудренные настоящими птичьими стаями.

В порту Дахи, хотя Хавживе и не доводилось еще забираться так далеко от родных мест и люди здесь говорили с чудным акцентом, он все же почти все понимал и с интересом глазел на вывески, которых прежде не видывал. Хавжива сразу же признал их бесспорную полезность. По ним он легко нашел дорогу к залу ожидания флайеропорта, откуда предстояло лететь в Катхад. Народ в зале ожидания, завернувшись в одеяла, дремал на лавочках. Отыскав свободное местечко, Хавжива тоже улегся и накрылся одеялом, которое несколько лет назад соткал для него Гранит. После необычно короткого сна появились люди в униформе с фруктами и горячими напитками. Один из них вручил Хавживе билет. Ни у кого из пассажиров не было знакомых в этом зале, все здесь были странники, все сидели потупившись. После объявления по трансляции все похватили чемоданы и направились к выходу. Вскоре Хавжива уже сидел внутри флайера.

Когда мир за бортом стал стремительно проваливаться вниз, Хавжива, шепча тихонько «напев самообладания», заставил себя глядеть в иллюминатор. Путешественник на сиденье напротив тоже зашевелил губами.

Когда мир вдруг вздыбился и стал заваливаться набок, Хавжива невольно зажмурился и затаил дыхание.

Один за другим они покидали флайер, выходя в дождливую тьму. Повторяя имя гостя, из темноты вдруг вынырнула Межа.

– Добро пожаловать в Катхад, Хавжива, добро пожаловать, Муж Моего Рода! Рада видеть тебя. Пойдем же, пойдем скорее! В школе уже заждались, для тебя там приготовили отличное местечко.

Катхад и Ве

На третьем году пребывания в Катхаде Хавжива уже знал немало такого, что прежде его рассудок попросту бы отверг. Прежнее знание тоже было весьма неоднозначным, но не столь ошеломляющим. Построенное на притчах и сказаниях, оно обращалось скорее к чувствам и всегда вызывало живой отклик. Новое – сплошь факты да резоны – не оставляло места эмоциям.

К примеру, Хавжива узнал, что изучают историки вовсе не историю. Человеческие разумение и память оказывались почти бессильными перед трехмиллионной историей Хайна. События первых двух миллионов, так называемая Эпоха Предтеч, спрессованные, точно каменноугольные пласты, настолько деформировались под весом бесконечной череды последующих тысячелетий, что по уцелевшим крохам удавалось воссоздать лишь самые основные вехи. Если кому-то и удалось бы вдруг обнаружить чудом уцелевший письменный памятник, датированный той далекой эпохой, что могло измениться? Такой-то король правил тогда-то и тогда-то в Азбахане, Империя некогда обратилась в язычество, на Ве однажды рухнул потерявший управление ракетоплан... Находка попросту затерялась бы в круговерти царей, империй, нашествий, среди триллионов душ, обитавших в миллионах давно исчезнувших государств: монархий, демократий, олигархий и анархий, – в веках хаоса и тысячелетиях относительного порядка. Боги громоздились здесь пантеон на пантеон, бесчисленные баталии на миг сменялись мирной жизнью, свершались великие научные открытия, бесследно канувшие затем в Лету, триумфы наследовали кошмарам – словно шла некая беспрерывная репетиция сиюминутного настоящего. Что проку пытаться описать капля за каплей течение полноводной реки? В конце концов, махнув рукой, ты сдашься и скажешь себе: «Вот великая река, она течет здесь испокон веку, и имя ей – История».

Осознание того, что собственная его жизнь, как и жизнь любого смертного, – лишь мгновенная мелкая рябь на поверхности этой реки, порой повергало Хавживу в отчаяние, а порой приносило ощущение подлинного покоя.

На самом же деле историки занимались преимущественно кропотливым изучением мимолетных турбуленций в той самой реке. Хайн уже несколько тысячелетий кряду переживал период относительной стабильности, отмеченный мирным сосуществованием множества небольших полужамкнутых социумов (историки прозвали их пуэбло или резервациями), технологически вполне развитых, но с невысокой плотностью населения, тяготеющего в основном к информационным центрам, гордо именуемым храмами. Многие из служителей этих храмов, в большинстве своем историки, проводили жизнь в нескончаемых путешествиях с целью сбора любых сведений об иных населенных мирах у пояса Ориона, сведений о планетах, колонизированных далекими предками еще в Эпоху Предтеч. И руководствовались они лишь бескорыстной тягой к познанию, своего рода детским любопытством. Они уже нащупали контакты с давно утраченными в безбрежном космосе собратьями. И стали именовать зарождающееся сообщество обитаемых миров заемным словом «Экумена», которое означало: «Населенная разумными существами территория».

Теперь Хавжива понимал, что все его предыдущие познания, все, что он сизмальства изучал в Стсе, может быть сведено если и не к обидному ярлычку, то к весьма пренебрежительной формуле: *«Одна из типичных замкнутых культур пуэбло на северо-западном побережье Южного материка»*. Он знал, что верования, обряды, система родственных отношений, технология и культурные ценности разных пуэбло совершенно отличны друг от друга – один пуэбло экзотичнее другого, а родной Стсе занимает в этом списке одно из самых заурядных мест. И еще он узнал, что подобные социумы складываются в любом из известных миров, стоит лишь его обитателям укрыться от знания, приходящего извне, подчинить все свои стремления тому, чтобы как можно лучше приспособиться к окружающей среде, рождаемость свести к минимуму, а политическую систему – к вечному умиротворению и консенсусу.

На первых порах такое прозрение Хавживу обескуражило. И даже причиняло душевные муки. Порой бросало в краску и выводило из себя. Он решил было, что историки утаивают подлинное знание от обитателей пуэбло, затем – что старейшины пуэбло скрывают правду от своих родов. Хавжива высказывал свои подозрения учителям – те мягко разувяряли его. «Все это не совсем так, как ты полагаешь, – объясняли они. – Тебя прежде учили тому, что определенные вещи – это правда или жизненная необходимость. Так оно и есть. Необходимость. Такова суть местного знания Стсе».

«Но все эти детские, неразумные суеверия!» – упирался Хавжива. Учителя смотрели с немим ласковым укором, и он понимал, что сам ляпнул нечто детское и не вполне разумное.

«Местное знание – отнюдь не часть некоего подлинного знания, – терпеливо объясняли ему. – Просто существуют различные виды знания. У всех свои достоинства и недостатки. У каждого своя цель. Знание историков и знание ученых – всего лишь два из великого многообразия этих видов. Как и всякому местному, им следует долго учиться. В пуэбло действительно обучают не так, как в Экумене, но это отнюдь не означает, что от тебя что-то скрывали – мы или твои прежние учителя. Каждый хайнец имеет свободный доступ ко всей информации храмов».

Хавжива знал, что это сущая правда. То, что он изучал теперь, он и сам мог прежде прочитать на экранах, установленных в храме Стсе. И некоторые из нынешних его одноклассников, уроженцы иных пуэбло, сумели таким способом познакомиться с историей даже прежде, чем встретились с самими историками.

«Но книги, ведь именно книги – главная сокровищница знаний, а где их найдешь в Стсе? – продолжал взыскивать к своим учителям Хавжива. – Вы скрываете от нас книги, все книги из библиотеки Хайна!» – «Нет, – мягко возражали ему, – пуэбло сами избегают обзаводиться лишними книгами. Они предпочитают жить разговорным или экранным знанием, передавать информацию изустно, от одного живого сознания к другому. Признайся, разве такой способ обучения сильно уступает книжному? Разве намного больше ты узнал бы из книг? Есть множество различных видов знания», – неустанно твердили историки.

На третьем году учебы Хавжива пришел к выводу, что существуют также различные типы людей. Обитатели пуэбло, неспособные смириться и принять, что мироздание есть нечто незыблемое, своим беспокойством обогащали мир интеллектуально и духовно. Те же из них, кто не успокаивался перед неразрешимыми загадками, приносили больше пользы, становясь историками и пускаясь в странствия.

Тем временем Хавжива учился спокойному общению с людьми, лишенными рода, близких, богов. Иногда в приступе необъяснимой гордыни он заявлял самому себе: «Я гражданин Вселенной, частица всей миллионлетней истории Хайна, моя родина – вся Галактика!» Но в иные моменты он, остро чувствуя собственную ничтожность и неполноценность, забрасывал опостылевшие учебники и экраны и искал развлечений в обществе других школяров, в особенности девушек, столь компанейских и всегда дружелюбных.

К двадцати четырем годам Хавжива, или Жив, как прозвали его новые товарищи, уже целый год обучался в Экуменической школе на Ве.

Ве, соседняя с Хайном планета, была колонизирована уже целую вечность, на первом же шагу беспредельной хайнской экспансии Эпохи Предтеч. С тех пор одни исторические эпохи сменялись другими, а Ве всегда оставалась спутником и надежным партнером хайнской цивилизации. К настоящему времени основными ее обитателями были историки и чужаки.

В текущую эпоху (по меньшей мере вот уже сто тысяч лет), отмеченную политикой самоизоляции и полного невмешательства в чужие дела, хайнцы оставили Ве на произвол судьбы, и климат планеты без человеческого участия постепенно вернулся к былым холодам и засухам, а ландшафт снова стал суровым и бесцветным. Пронзительные ветра оказались по нраву лишь уроженцам высокогорий Терры и выходцам из гористого Чиффевара. Живу климат тоже пришелся по вкусу, и он любил прогуливаться по безлюдным окрестностям вместе со своей новой однокашницей Тью, другом и возлюбленной.

Познакомились они два года назад еще в Катхаде. Тогда Хавжива неустанно наслаждался доступностью любой женщины, свободой, которая лишь забрезжила перед ним и от которой деликатно предостерегала Межа. «Тебе может показаться, что нет никаких правил, – говорила она. – Тем не менее правила есть, они существуют всегда». Но Хавжива не уставал любоваться и восхищаться собственным бесстрашием и беззаботностью, преступая эти самые правила, дабы разобраться в них. Не всякая женщина желала заниматься с ним любовью, некоторых, как открылось ему позднее, привлекали отнюдь не мужчины. И все же круг выпадавших на его долю возможностей оставался поистине неисчерпаемым. Хавжива обнаружил вдруг, что считается вполне привлекательным. А также, что хайнец среди чужаков обладает определенными преимуществами.

Расовые отличия, позволяющие хайнцу контролировать потенцию и вероятность оплодотворения, не были простой игрой генов. Это был результат продуманной и радикальной перестройки человеческой психологии, осуществляемой на протяжении по меньшей мере двадцати пяти поколений, – так считали историки-хайнцы, изучавшие вехи новейшей истории и полагавшие известными главные шаги, приведшие к подобной трансформации. Однако, похоже, подобным искусством владели еще древние. Правда, они предоставляли колонистам, остающимся в иных мирах, самим решать свои проблемы – в том числе и эту, важнейшую из гетеросексуальных проблем. И решений нашлось бесконечное множество, многие из них весьма остроумные, но во всех случаях, чтобы избежать зачатия, приходилось все же что-либо надевать, вставлять или принимать вовнутрь – кроме как при сношении с уроженцем Хайна.

Жив был до глубины души оскорблен, когда однажды девушка с Бельдене усомнилась в его способности уберечь ее от беременности.

– Откуда тебе *знать*? – подивилась она. – Может, для полной *безопасности* мне все же стоит принять нейтрализатор?

Задетый за живое, он нашелся с ответом:

– Думаю, для тебя самым безопасным будет вообще со мной не связываться.

К счастью, больше никто ни разу не усомнился в его прямоте и честности, и Жив всю жизнь предавался любовным утехам, беззаботно меняя партнерш, покуда не повстречался с Тью.

Она была отнюдь не из чужаков. Жив предпочитал мимолетные связи с женщинами из иных миров – это придавало остроту ощущениям и, как он полагал, обогащало новыми знаниями, к чему и следовало стремиться каждому настоящему историку. Но Тью оказалась хайнкой. Она, как и все ее предки, родилась и выросла в Дарранде, в семье историков. Она была такое же дитя историков, как Жив – отпрыск своего рода. И юноша очень скоро обнару-

жил, что новое чувство со всеми его проблемами куда прочнее прежних шальных связей, что несходство их характеров – вот настоящая пропасть, а сходство в чем-либо – уже подлинное сродство. Тью оказалась для Жива той землей обетованной, ради которой он и пустился в плавание, покинув родину. Она была такой, каким он только стремился стать. Она стала для него также всем тем, по чему он уже давно истосковался.

Главное, чем обладала Тью – или Хавживе так лишь казалось? – это совершенное равновесие. Когда Жив проводил время в одной с ней компании, он чувствовал себя младенцем, который только собирается сделать первые в своей жизни шаги. И кстати, даже ходить учился, как Тью, – грациозно и беззаботно, словно дикая кошка, и в то же время осторожно, выявляя на своем пути все, что может вывести из равновесия, и пользуясь этим, как канатоходец своим шестом. Вот же, не устал поражаться юноша, пример полной раскованности, свободы духа и подлинной гармонии в человеке...

Жив впервые ощутил себя совершенно счастливым. И долгое время ни о чем ином, кроме как быть подле Тью, и думать не хотел. А она осторожничала, была вежлива, даже нежна порой, но держала его на определенной дистанции. Жив не винил ее за это, он знал свое место. Жалкий провинциал, еще недавно считавший отцом собственного дядю, он понимал опасения Тью. Невзирая на безбрежные познания о человеческой природе, историки так и не сумели в самих себе искоренить некоторые предубеждения. И хотя Тью не страдала явной ксенофобией, что такого мог предложить ей Жив? Она обладала и была всем. Она была само совершенство. К чему ей он? Все, о чем он мог мечтать и от чего был бы счастлив, – это лишь любоваться ею, хотя бы издали.

Тью же сама, разглядев Жива, нашла его привлекательным, хотя и немного робким. Она видела, как он сох по ней, как мучился, водрузив ее на пьедестал в центре своей жизни и даже не сознавая этого. Такое чувство казалось ей чрезмерным. Тью убеждала себя вести себя с ним холодно, старалась оттолкнуть. Ни на что не седуя, Жив подчинялся и уходил. И снова наблюдал за нею издалика.

Однажды после двухнедельной разлуки он пришел и заявил:

– Тью, я умру, без тебя просто жить не смогу.

От слов его повеяло такой неподдельной страстью, что сердце девушки дрогнуло, и она ответила:

– Ну что ж, давай поживем немного вместе.

Тью ошиблась – связь их не получилась столь же краткой, как прочие. Страсть Жива постепенно взяла власть и над ее сердцем. И все прочие вокруг стали казаться бесцветными и плоскими.

Секс для них сразу стал безмерной радостью, сплошным бесконечным восторгом. Тью сама себе поражалась – как это мужчине удалось занять в ее жизни столь важное место. Никогда и никому не позволяя боготворить себя, и в себе самой она никак не ожидала зарождения подобных чувств.

Прежде Тью вела обычную упорядоченную жизнь, контроль над которой извне был скорее личностным и духовным, а не социально-деспотическим, как в жизни Хавживы в Стсе. И она всегда знала, кем хочет стать, чем займется. Был в характере Тью эдакий несгибаемый стержень, своего рода истинный меридиан, по которому всегда и везде следовало держать курс. Первый год вдвоем стал для любовников праздником бесконечных открытий, своеобразным брачным танцем, каждое движение в котором оказывалось непредсказуемым и вызывало новые восторги. Но к исходу года в душе Тью стало накапливаться нечто вроде усталости, некое противление постоянному экстазу. Все это прекрасно, но ведь нельзя так жить вечно, рассуждала она. Нужно продвигаться вперед. Неумолимая душевная ось снова стала отдалять ее от Жива, хотя и резала буквально по живому. Для юноши решение Тью было точно гром среди ясного неба, но он не собирался сдаваться без боя.

Этим, после долгой дневной прогулки по барханам пустыни Азу-Ази, он и занимался сейчас в умиротворяющем тепле палатки гетхенского изготовления. За тонкими ее стенами завывал холодный суховей, заплутавший в нависших над местом стоянки багровых скалах, отполированных до зеркального блеска неумолимым временем, – самый типичный для Ве ландшафт.

В тусклом свете жаровни Чабе они казались друг другу братом и сестрой – одинаково бронзовый цвет кожи, жесткие черные кудри, одна и та же изящная, но крепкая конституция. Лишь пылкая скороговорка Тью контрастировала с тихим и пристойным для уроженца пуэбло говором Жива.

Но сейчас и она роняла слова медленно и отчетливо.

– Не вынуждай меня делать выбор, Жив, – сказала Тью. – С самого начала учебы в школе я мечтала попасть на Терру. Даже раньше. Еще ребенком. Всю свою сознательную жизнь. А сейчас такая возможность представилась. Ради этого я столько сил положила. Как у тебя только язык повернулся просить меня отказаться от подобного шанса?

– Вовсе я и не просил.

– Но ведь мы оба прекрасно знаем, что у тебя на уме. Если я соглашусь с тобой теперь, то могу потерять свой шанс навсегда. Даже если и не навсегда – зачем идти на столь серьезный риск из-за годичной разлуки? Ведь на будущий год ты сможешь ко мне приехать.

Жив промолчал.

– Если захочешь, – добавила Тью жестко. Как и прежде, она демонстрировала готовность бесповоротно отказаться от каких бы то ни было претензий на Жива. Возможно, потому, что так и не сумела до конца поверить в его любовь. Не считая себя способной вызвать у мужчины бурю подлинной страсти, она, возможно, опасалась еще и собственной фальши в подобных весьма обременительных отношениях. Ее самооценка всегда опиралась лишь на интеллектуальный фундамент.

– Ты сотворил из меня кумира, – бросила Тью и не поняла Жива, когда он со счастливой решительностью вдруг возразил:

– Это мы вместе с тобой сотворили себе божество. Извини, – добавил он после паузы. – Эти слова из иной реальности, к делу не относятся. Суеверие, можно сказать. Но я бессилен, Тью. Терра от нас на расстоянии в сто сорок световых лет. Если ты уедешь, то, когда доберешься до места, я давно уже буду покойником.

– Неправда! Тебе предстоит всего лишь провести здесь год без меня и отправиться следом на Терру! И прибудешь ты туда годом позже!

– Знаю, такую теорию мы изучали еще в Стсе, – согласился Жив безучастно. – Но ведь я, как ты знаешь, суверен. Мы умрем друг для друга, если ты уедешь. Ты могла понять это еще в катхадской школе.

– Ну, просто даже не знаю, что и сказать. Все равно это неправда. Как ты только можешь уговаривать меня отказаться от редчайшей в моей жизни возможности, и все ради того, что сам же считаешь суеверием? Где же твоя хваленая честность, Жив?

После продолжительного молчания юноша кивнул.

Тью сидела точно оглушенная, понимая, что победила. Но какой ценой!

Она потянулась к Живу, чтобы утешить его, но скорее себя. Ее напугала горькая тьма, появившаяся вдруг в его взгляде, его немое приятие измены. Но ведь это вовсе не так, не измена – она с ходу отвергла такое слово. Она отнюдь не собирается изменять Живу! Они любят друг друга, и речи не может быть о какой-то там измене. Жив сможет приехать к ней спустя год, максимум два. Они ведь взрослые люди – незачем им цепляться друг за друга, точно детям малым. Любовь взрослых людей основана на обоюдной свободе, на взаимном доверии. Тью повторяла теперь все это себе, как прежде говорила ему. «Да, да», – почти беззвучно отвечал он, баюкая ее и лаская. После Жив лежал в абсолютной, до звона в ушах,

тишине пустыни, сна ни в одном глазу, и думал: «Это умерло, не родившись. Это никогда и не начиналось».

Они сохраняли близость все немногие оставшиеся до отлета Тью недели. Они любили друг друга – нежно и бережно, они продолжали беседовать на темы истории, экономики, этнологии, они цеплялись за любое занятие. Тью готовилась к обязанностям, которые предстояло исполнять в экспедиции на Терру, изучала принципы иерархии на далекой планете. Жив сочинял курсовое эссе о социально активных поколениях на планете Уэрел. Оба трудились весьма настойчиво. Друзья устроили для Тью грандиозные проводы. На другой день Жив сопровождал возлюбленную в космопорт. Тью крепко ухватила за него и, не в силах оторваться, то и дело целуя, повторяла, чтобы он не откладывал, непременно через год поспешил следом за ней на Терру. Жив посадил ее на борт флайера, которому предстояло доставить путешественников на орбиту, где их ждал звездолет системы НАФАЛ, и помахал на прощание рукой. Затем вернулся в свою квартирку в южном кампусе школы.

Там его и нашли друзья три дня спустя. Он сидел за столом в странном оцепенении. Глядя в одну точку на стене, Жив не пил, не ел и почти не отвечал на тревожные расспросы друзей. Такие же, как он, выходцы из пуэбло, приятели вмиг сообразили, в чем дело, и сразу же послали за целителем (так называли врачей на Хайне). Поняв, что дело придется иметь с уроженцем одного из южных пуэбло, целитель сказал:

– Хавжива! Бог не может оставить тебя здесь, он не умер в тебе.

После долгого молчания юноша отозвался голосом, в котором непросто было признать голос прежнего Жива:

– Я должен вернуться домой.

– Это пока невозможно, – вздохнул целитель. – Но мы можем прибегнуть к «напеву самообладания», а я тем временем отыщу человека, способного воззвать к твоим богам.

Он немедленно обратился к студентам – уроженцам юга. Четверо откликнулись тут же. Всю ночь они сидели с Живом и пели «напев самообладания» на двух языках и четырех диалектах, пока наконец страдалец хриплым шепотом не подтянул им на пятом, с трудом выговаривая слова одеревенелыми губами. Затем он свернулся клубком и проспал тридцать часов кряду.

Проснулся он в собственной комнате. Сидящая рядом пожилая женщина с кем-то беседовала. Но в комнате, кроме них двоих, никого не было.

– Ты не здесь теперь, – говорила она. – Ты блуждаешь. Ты не вправе умереть здесь. Это неправильно, это стало бы непоправимой ошибкой. И ты это знаешь. Неподходящее место. Неправедная жизнь. Ты знаешь это! Что держит тебя здесь? Ты заплутал? Ты не знаешь дороги домой? Ты ищешь ее? Так слушай, вот она. – И старуха высоким визгливым голосом завела песнь почти без слов и без мелодии, вроде бы знакомую Хавживе, – казалось, он слышал ее целые столетия назад. Когда женщина, завершив пение, продолжила свою бессвязную речь, свою беседу ни с кем, он опять провалился в сон.

Когда же проснулся снова, старухи уже не было. Жив так никогда и не узнал, кто была она и откуда взялась. Да он и не спрашивал. Старуха говорила с ним на его собственном языке, на диалекте Стсе.

Юноша уже отнюдь не собирался умирать, но был крайне изможден. Целитель распорядился перевести его в лечебницу в Тесе, самом климатически благоприятном уголке планеты, настоящем оазисе с горячими источниками. Здесь под защитой кольцевой гряды скал зеленел лес и даже распускались цветы. Бесконечные тропки петляли вокруг подножий гигантских деревьев, выводя к берегам всегда теплых озер. Небольшие пруды давали приют говорливым пернатым, голосам которых вторили гейзеры и бесчисленные крохотные водопады, не умолкавшие, в отличие от птиц, и в ночи. Сюда он и был послан на поправку.

Спустя недели три он снова начал наговаривать заметки на диктофон. Греясь на солнышке на пороге своего коттеджа, расположенного посреди заросшей папоротником прогалины, он разговаривал как бы сам с собой.

– Все едино, с чего начинать собственную историю. Часть всегда меньше целого. Ничто всегда меньше части, – говорил он, следя за колебаниями темнеющих на фоне неба тяжелых ветвей. – И не важно, из чего ты выстроишь собственный мир, свой крохотный, разумно устроенный, уютный мирок, если это как раз и есть ничто, которое всегда меньше целого. Поэтому любой твой выбор оспорим. А любое знание ограничено – бесконечно ограничено. Разум – это сачок, запущенный в безбрежный океан. Все, что ни зачерпнешь, – это всегда фрагмент, всегда взгляд украдкой, всегда беглая сцинтилляция. Все человеческое знание локально и изначально частично. И всякая жизнь, жизнь любого из людей, извечно ничтожна, произвольна, бесконечно мала, она слабый проблеск отражения от... – Его голос пресекся, и над поляной посреди векового леса вновь повисла беспокойная дневная тишина.

Спустя полтора месяца юноша вернулся в школу. Он сменил квартиру. А также факультет – оставив социологию, любимую науку Тью, он обратился к занятиям в Службе Экумены, которые были сродни прежним, но вели к совершенно другой работе в будущем. Такая перемена должна была задержать его в школе по меньшей мере на год, после чего, если позволят успехи, он мог надеяться на приличную должность в системе. Справился он блестяще, и спустя два года его вызвали в администрацию школы и самым деликатным образом, принятым среди консулов Службы, спросили, не сочтет ли он для себя возможным и уместным принять назначение на Уэрел. Юноша немедленно ответил согласием. Друзья закатили грандиозную пирушку в честь такого события.

– А я-то, дура, думала, что ты отправишься на Терру, – призналась за столом одна из однокурсниц. – Все эти материалы о войнах и рабстве, о классах, кастах и дискриминации – разве все это не из истории Терры?

– Это из текущих событий на Уэреле, – ответил Хавжива.

Никто не называл его теперь Живом. Из госпиталя он вернулся уже под прежним своим полным именем.

Сосед по столу пихнул ногой бестактную приятельницу, но та не унималась.

– Я-то полагала, что ты отправишься следом за Тью, – вздохнула она. – Решила, что именно поэтому ты больше не обзаводишься подружкой. Господи, если б я только раньше знала!

Все остальные вздрогнули, но Хавжива мягко улыбнулся и примирительно обнял раздосадованную однокашницу за плечи.

Самому ему все было ясно как божий день – как он некогда предал любовь и бросил Йан-Йан, так теперь предали его самого. Не существует пути назад, но нет пути и вперед. Стало быть, следует свернуть, уйти в сторону. И хотя он человек, ему не жить с людьми. Хоть он и стал одним из историков, ему с ними не по пути. Остается лишь жизнь с иной расой.

Хавжива более не питал надежд на какие-то грядущие радости. Он знал, что сам себе все испортил. Но он знал также, что два главных стержня, пронизавшие его жизнь, – боги и историзм – в сочетании друг с другом наделили его недюжинной силой, применимой в любых обстоятельствах, где угодно. И еще он знал, что единственно верное применение знания – осуществлять свое предназначение.

Целитель, навестив Хавживу за день до отъезда на Уэрел, тщательно простукал его и молча присел. Хавжива тоже уселся. Искушенный в молчании, юноша частенько забывал, что оно отнюдь не принято среди историков.

– Что-нибудь беспокоит? – спросил наконец целитель.

Вопрос показался Хавживе риторическим, во всяком случае, задан он был почти в медитативном тоне. Как бы то ни было, нужды отвечать на него юноша не нашел.

– Поднимись, пожалуйста, – велел целитель и, когда Хавжива подчинился, добавил: – Теперь пройдишь туда-сюда.

Понаблюдав с минуту, врач констатировал:

– Ты не в себе, вышел из равновесия. Тебе это известно?

– Да.

– Может, устроим вечером «напев самообладания»?

– Незачем, благодарю, со мной все в порядке, – ответил Хавжива. – Просто я всегда теперь такой, немного не в себе.

– От этого ведь вполне можно избавиться, – заметил целитель. – С другой стороны, раз уж ты собрался на Уэрел, может, это даже и к лучшему. Прощай, беззаботная студенческая жизнь!

Они обнялись, как все историки, знающие, что больше никогда не увидятся друг с другом. В этот день Хавживе пришлось выдержать немало таких прощальных объятий. А назавтра он уже ступил на борт звездолета «Ступени Дарранды» и канул в космическую пустоту навечно.

Йеове

За время перелета – восемьдесят световых лет, релятивистские скорости – умерла мать Хавживы, умер отец, не стало и Йан-Йан. В мир иной перешли все, кого он знал в Стсе, и все друзья по учебе в Катхаде и Ве. К моменту посадки они были мертвы уже долгие годы. Даже ребенок, рожденный Йан-Йан, успел стать взрослым, состариться и умереть.

С этим знанием Хавжива жил с тех пор, как посадил Тью на борт корабля, а сам остался – умирать. Благодаря усилиям целителя, четверки студентов, певших вместе с Хавживой, старухи, пробудившей в нем бога, благодаря водопадам Теса он все же выжил – но жил теперь исключительно этим знанием.

За время путешествия изменилось и многое другое. Когда Хавжива только покидал Ве, колония Уэрела, планета Йеове, была миром рабов, гигантским трудовым лагерем. К моменту прибытия НАФАЛ-звездолета к цели путешествия там уже отпыхала межпланетная освободительная война, Йеове провозгласила свою независимость от Уэрела, да и сам институт рабства в метрополии если не начал распадаться, то сильно пошатнулся.

Хавжива предпочел бы понаблюдать за этим ужасным, но захватывающим процессом подольше, но посольство безотлагательно спровало его к месту прохождения службы на Йеове. Хайнец по имени Сохикельвенъанмуркерес Эсдардон Айя консультировал Хавживу перед самым отбытием.

– Если вы ищете опасности, – сообщил он, – то встретите ее на Йеове. Если взыскуете надежд, найдете там и надежду. Уэрел пожрет сам себя, а в мятежной колонии тем временем все может и наладиться. Но гарантировать это вам не сможет никто. Вот что я скажу напоследок, Йехедархед Хавжива: в обоих этих мирах на свободу вырвались весьма могущественные боги.

Йеове сбросила иго своих хозяев – четырех корпораций, триста лет безраздельно властвовавших над рабами на бескрайних плантациях. Но хотя за тридцать лет кровопролитных боев независимость была завоевана, войны на планете так и не прекратились. Народные трибуны и полководцы, обретшие среди бывших рабов власть и авторитет в период Освобождения, сражались теперь друг с другом, деля захваченный пирог. Поводом для свары служил также и вопрос, изгнать ли всех чужаков с планеты раз и навсегда или все же допустить их присутствие и присоединиться тем самым к Экумене. В конце концов поборники

полной изоляции потерпели сокрушительное поражение, и в старой колониальной столице появилось новое учреждение – посольство Экумены. Хавжива провел в нем определенное время, «дабы изучить местный говор и застольные манеры», как ему и было велено. Затем посол, ловкая девица с Терры по имени Солли, откомандировала Хавживу в южный регион, в провинцию Йотеббер, которая давно уже добивалась автономии.

«История – одна сплошная подлость», – думал Хавжива, глядя из окна вагона на бесконечные руины разрушенного мира.

Уэрелианские капиталисты триста лет измывались над рабами и бездумно истощали недра Йеове ради немедленной прибыли. Бесповоротно искалечить целый мир не так-то просто, но если очень уж постараться, то все же это вполне достижимо. Гигантские карьеры обезобразили ландшафт, отсутствие правильного севооборота обесплодило почву. Иссохли реки. Огромное облако пыли затягивало теперь весь восточный горизонт.

Хозяева правили планетой при помощи насилия и устрашения. Больше столетия сюда завозили лишь рабов-мужчин, непосильным трудом загоняли их до смерти, а затем заменяли свежей рабочей силой. Земледельческие артели в таких мужских гетто постепенно принимали форму первобытно-общинных иерархий. В конце концов, когда цена рабов на Уэреле, а также стоимость их доставки оттуда резко подскочили, корпорации стали закупать также и невольниц. Поэтому в течение следующих двух столетий население Йеове значительно возросло, появились даже города, населенные одними рабами. Такие «имуществограды» и «пыльные» деревеньки посреди бескрайних плантаций возникали на основе бывших резерваций. Хавжива знал, что первыми бучу на планете затеяли женщины, взбунтовавшиеся против мужского засилья в советах племен, и лишь позже вспыхнувший мятеж перерос в восстание против рабства вообще.

Едва ползущий поезд тормозил на каждом полустанке, за окном миля за милей проплывали лачуги, пепелища, изрытые воронками пустоши, фабрики, превращенные в сплошные руины, сменялись частично действующими, донельзя закопченными, отвратительно грохочущими и изрыгающими из приземистых труб облака ядовитого смрада. На каждой остановке сотни пассажиров покидали поезд, но им на смену спешили все новые и новые толпы. Ругаясь с проводниками об оплате за проезд и отчаянно толкаясь, люди лезли во все щели, кишели в проходах и тамбурах, карабкались даже на крышу вагонов. Бдительная станционная охрана, грозно размахивая увесистыми дубинками, безжалостно сметала их оттуда.

На севере огромного континента Хавживе встречались в основном такие же, как на Уэреле, темнокожие, иссиня-черные люди. Но ближе к югу их становилось меньше, стали мелькать более светлые лица, пока в самом Йотеббере Хавжива не увидел людей даже светлее, чем он сам, – с кожей пепельно-голубого цвета. Это и были так называемые пыльные – потомки сотен поколений уэрелианских рабов.

Йотеббер оказался одним из первых центров мятежа и первым же попал под безжалостный удар хозяев. Не ограничиваясь полицейскими репрессиями, корпорации применили против восставших ковровое бомбометание и отравляющие газы – в одночасье погибли многие тысячи людей. Целые города сжигались после акции, чтобы заодно кремировать тела вышедших из повиновения рабов и туши павшей скотины. Устье большой реки запрудили разлагающиеся трупы. Но все это в прошлом. Теперь свободная Йеове стала новым членом Экумены, и Хавжива в ранге вице-посла направлялся в Йотеббер, чтобы помочь жителям провинции начать новую жизнь. Вернее, с точки зрения уроженца Хайна, вернуть ее к забытым истокам.

На вокзале в Йотеббер-Сити его встречала огромная толпа ликующего народа, оттесненного за плотные полицейские кордоны. По эту сторону от шеренги стражей порядка оказалась лишь весьма представительная группа официальных лиц, разряженных в экзотически пестрые мундиры, – все наиболее заметные в этой провинции политические деятели. Пом-

пезное действо прошло как положено: долгие приветственные речи, бурные аплодисменты, крики «браво!», тьма репортеров с головидения и фотографов из множества агентств новостей. И все это абсолютно серьезно, без тени улыбки – большие политики хотели, чтобы высокий гость понял сразу: он здесь популярен, он, как выразился комиссар в своем сжатом, но прочувствованном спиче, «не просто персона грата, но посланник самого будущего!».

В тот же вечер, устраиваясь на отдых в апартаментах люкс бывшей резиденции хозяев, ныне превращенной в роскошный отель, Хавжива сказал себе: «Знали бы они, что посланник будущего сам вырос в захолустном пуэбло и до прибытия в их мир про головидение даже не слыхал...»

Он надеялся, что справится с новыми своими обязанностями и не разочарует тех, кто с таким нетерпением ожидал его приезда. Эти люди, населяющие обе планеты, понравились ему еще на Уэреле, буквально с первого взгляда – невзирая на всю их чудовищно организованную социальную систему. Они были полны жизненной силы и гордости, а здесь, на Йеове, еще и верили в справедливость. Хавживе вспомнился древний терранский афоризм, посвященный чужим богам: «Верую, ибо это невозможно». Прекрасно выспавшись, он проснулся ранним солнечным утром, полный самых радужных надежд и предвкушений. И решил немедленно начать знакомство с городом – отныне его городом.

На выходе из вестибюля отеля швейцар (Хавживе показалось весьма странным, что люди, положившие на алтарь свободы столько жертв, до сих пор имеют слуг) отчаянно попытался уговорить постояльца дожидаться гида с машиной и был страшно обеспокоен столь необычным – прогулка пешком без свиты! – поведением высокого гостя. Хавжива объяснил ему, что хочет просто подышать воздухом и любит бродить в одиночестве. И вышел, оставив за спиной растерянного служителя, сообразившего крикнуть напоследок:

– Ой, сэр, только не вздумайте ходить в Центральный парк, умоляю вас, сэр!

Решив, что парк, видимо, закрыт на время проведения каких-либо церемоний или работ по озеленению, Хавжива прислушался к совету. И отправился напрямик на рыночную площадь, где в этот ранний час торг был уже в полном разгаре. Вскоре Хавжива обнаружил, что на него обращают внимание, он становится центром толпы. Люди постепенно обступали его, опасливо замолкая и не отводя настороженных взглядов. Хотя Хавжива и был облачен в светлую йеовианскую одежду, он оказался единственным бронзовокожим среди четырехсот тысяч горожан. Угрюмые взгляды со всех сторон выразительно свидетельствовали: «Чужак!» Тогда он выбрался из притихшей толпы и скрылся в прилегающих к рынку улочках. Наслаждаясь утренней свежестью, Хавжива стал любоваться архитектурными красотами – ветхими домами, выстроенными некогда в очаровательном и несколько вычурном колониальном стиле. И застыл как вкопанный в совершенном восхищении перед орнаментами храма Туал. Церковь выглядела позабытой и запущенной, но в изножье барельефа Праматери в нише возле входа Хавжива углядел пучок свежих цветов, – стало быть, все же кто-то хранит верность заветам. Нос Праматери за время войн был почти полностью отбит, но улыбка ее оставалась по-прежнему безмятежной и как бы чуточку удивленной.

Внезапно Хавжива почувствовал, что за спиной у него кто-то есть.

– Убирайся из наших краев, ты, дерьмо заморское! – раздался грубый окрик.

Хавживе жестоко заломили руку за спину, земля вдруг выскочила у него из-под ног. Перед глазами сомкнулись ухмыляющиеся, что-то вопящие рожи. Посыпались беспорядочные удары, чудовищная боль пронизала все тело, взгляд заволокла багровая пелена, бешеные крики смешались с всплесками боли воедино, и наступило наконец спасительное забытие.

Сидевшая рядом с его койкой дама почтенного возраста почти беззвучно напевала что-то смутно знакомое.

Сиделка сосредоточенно считала петли на своем вязанье; наконец, оторвавшись на миг от вязанья, она встретила взглядом с пациентом и тихонько ахнула. С трудом сфокусировав зрение, Хавжива разглядел, что лицо у нее пепельно-голубого цвета, а глаза сплошь черные.

Сиделка тут же поправила что-то в опутывающей больного аппаратуре и доложила:

– Я медсестра, ваша ночная сиделка. У вас сотрясение, небольшая трещина в черепе, почечные ушибы, перелом левой ключицы и ножевое ранение в живот. Но не тревожьтесь, скоро пойдете на поправку.

Вся тирада прозвучала на местном наречии, которое Хавжива как будто должен был понимать, – просьбу не тревожиться он, во всяком случае, понял точно. И покорно подчинился.

Ему казалось, что он снова на борту «Ступеней Дарранды» в состоянии НАФАЛ-прыжка через космическую пустоту. Столетия проносились как в дурном сне, а кошмар отступать и не думал. Время и сами люди утратили человеческий облик. Хавжива пытался исполнить «напев самообладания», но не мог вспомнить – слова исчезли, начисто испарились из памяти. Пожилая сиделка брала его за руку и, нежно поглаживая, ласково, но непреклонно влекла назад к настоящему, в бытие, в сумеречную тихую палату с незаконченным вязаньем у нее на коленях.

И настало утро – с ярким солнечным светом в окнах. В изножье постели стоял сам комиссар провинции Йотеббер, плечистый верзила в белом, шитом пурпуром одеянии.

– Весьма сожалею, – с трудом шевеля разбитыми губами, прошептал Хавжива. – Очень глупо было пойти гулять без охраны. Во всем виноват я один.

– Злоумышленники уже схвачены и вскоре предстанут перед Судом справедливости, – отчеканил комиссар.

– Они же совсем мальчишки, – прохрипел Хавжива. – Всею виной мои собственные невежество и безрассудство...

– Негодяи понесут заслуженное наказание! – отрезал комиссар.

Дневные сиделки, девицы помоложе, всегда притаскивали с собой в палату головизор и смотрели по нему новости и сериалы. Смотрели почти без звука, чтобы не мешать пациенту. Однажды в жаркий полдень, когда Хавжива бездумно любовался парящими высоко в небе облаками, к нему крайне почтительно обратилась очередная сиделка:

– Ой, извините, пожалуйста, но, если господин пожелает сейчас взглянуть, он сию же минуту увидит исполнение приговора над злодеями, которые напали на него исподтишка!

Хавжива машинально повернулся на бок и увидел подвешенное за ноги тощее человеческое тело, бьющееся в смертных судорогах. Кишки, выпущенные из распоротого живота, свисали на грудь и заливали лицо кровью. Вскрикнув, Хавжива зажмурился.

– Выключите это! – взмолился он. – Выключите... это... немедленно! – Ему не доставало воздуха. – Разве люди способны на такое? – Последнюю фразу, крик души, он прохрипел уже на родном наречии, диалекте Стсе.

Поднялся переполох, кто-то выбежал из палаты, кто-то, наоборот, вбежал внутрь, и рев торжествующей на экране толпы оборвался. Хавжива лежал с закрытыми глазами и, едва переводя дух и унимая сердцебиение, повторял про себя строки «напева самообладания» до тех пор, пока его душа и тело снова не обрели равновесие, хотя и непрочное.

Вкатили тележку с едой – Хавжива категорически отказался от трапезы.

И снова был полумрак, снова комната освещена лишь ночником, скрытым где-то в углу, и отблесками городских фонарей. Снова рядом с Хавживой ночная сиделка с вязаньем на коленях.

– Весьма сожалею, – пробормотал он наобум, не в силах припомнить, что говорил до этого.

– Ой, господин посол... – вздрогнув, сказала сиделка и вздохнула. – Я читала о вашем народе. О Хайне. Вы ведете себя совсем иначе, чем мы. Вы не истязаете и не убиваете друг друга. Живете в мире и согласии. Представляю себе, какими омерзительными мы вам показались. Вроде ведьм и исчадий ада, наверное?

– Вовсе нет, – ответил Хавжива, сглотнув комок горькой желчи.

– Когда вы, господин посол, оправитесь, когда хоть чуточку окрепнете, я поведаю вам кое-что. – В негромком голосе сиделки читалась скрытая мощь – та, которая, как чувствовал Хавжива, может вылиться в нечто большее, внушающая уважение сила. Он знал немало людей, всю свою жизнь говоривших с подобными интонациями.

– Я и сейчас в состоянии вас выслушать, – заметил он.

– Не теперь, – возразила сиделка. – Позже. Теперь вы слишком утомлены. Хотите, я спою вам?

– Хочу, – согласился Хавжива, и женщина, продолжая набирать петли, шепотом завела песнь – почти без слов и без мелодии. Он разобрал лишь имена богов: Туал, Камье. Это ведь не мои боги, хотел сказать Хавжива, но веки налились неодолимой тяжестью, и он уснул, убаюканный шатким своим равновесием.

Ее звали Йерон, и она вовсе не была старухой, как поначалу показалось Хавживе. Сиделке не было еще и пятидесяти. Но тридцать лет войны и тяжкие годы недородов оставили на ее лице неизгладимый отпечаток. Все зубы искусственные – вещь, для Хавживы неслыханная, – а на глазах стекла в тонкой металлической оправе. На планете Уэрел уже научились применять регенерацию органов, но, как объяснила Йерон, лишь немногие из обитателей Йеове могли позволить себе столь дорогостоящие процедуры. Она была страшно худа, сквозь жидкие волосы просвечивал череп. Осанка оставалась прямой, но при ходьбе Йерон сильно прихрамывала – давало себя знать давнее ранение в левое бедро.

– Все поголовно, буквально каждый в нашем мире может продемонстрировать вам или шрам от штыка, или следы перелома, носит в себе либо неизвлеченную пулю, либо умершее дитя в своем сердце, – говорила она Хавживе. – Теперь вы один из нас, господин посол. Вы тоже прошли сквозь огонь.

Под присмотром целого штата врачей, ежедневно проводивших консилиум, Хавжива быстро поправлялся. Сам комиссар, чтобы справиться о здоровье высокого гостя, навещал чуть ли не через день, в остальные же неизменно являлись его официальные порученцы. Как неожиданно выяснилось, комиссар был весьма признателен Хавживе. Коварное нападение на полномочного посланника Экумены дало ему всенародную поддержку и предоставило прекрасный повод окончательно разобраться с оппозицией, возглавляемой другим героем Освобождения, ныне проводившим политику полной изоляции. Комиссар присылал Хавживе в палату роскошные букеты вкупе с цветистыми отчетами о собственных викториях. Головидение непрерывно транслировало с места событий живые батальные сцены: палящих на бегу солдат, пикирующие флайеры, живописные разрывы тяжелых фугасов на склонах холмов. Когда, набравшись силенок, Хавжива впервые выбрался в коридор, он увидел в большинстве палат и даже в холлах множество раненых и калек – тех самых героев из новостей, что «прошли сквозь огонь и воду», как бодро вещали с экранов brave военачальники и послушные власть имущим корреспонденты.

По ночам экраны гасли, победоносные репортажи на время смолкали, в призрачном полумраке приходила и усаживалась рядом Йерон.

– Вы как-то сказали, что хотите мне поведать нечто, – напомнил однажды Хавжива.

За окном, которое сиделка приоткрыла, чтобы проветрить палату, продолжала шуметь нескончаемая городская жизнь – гудки машин, шаги, голоса, музыка в отдалении.

– Да, хочу. – Женщина отложила вязанье в сторону. – Я ваша сиделка, господин посол, но также и вестница. Уж простите великодушно, но, когда я услышала о вашей беде, вознесла благодарственные молитвы великому Камье и Матери Милосердия. Потому что только так, в качестве сиделки, могла донести до вас свою весть. – Она помолчала. – Я заведовала этим госпиталем в течение пятнадцати лет. Почти полвойны. И у меня сохранились здесь кой-какие связи.

Опять пауза. Как и тихий голос, молчание ее казалось Хавживе смутно знакомым.

– Весть моя, – продолжала Йерон, – предназначена для всей Экумены. И она от женщин, всех женщин Йеове. Мы желаем вступить в альянс с вами... Знаю, что правительство уже сделало это. Йеове уже состоит членом Экумены – мы в курсе. Но что это значит для нас? Ничего, абсолютно ничего. Известно ли вам, что такое женщина в этом мире? Она ничто, пустое место. В правительстве нет ни единой женщины. А ведь именно женщины замыслили и осуществили Освобождение, они сражались и умирали за свободу наравне с мужчинами. Но нас не назначали генералами, и вождями мы не стали. Ведь мы ничто. А на селе так даже меньше, чем ничто, – рабочая скотина, доильный инвентарь. Да и в городе ненамного лучше. Я, к примеру, окончила медшколу в Бессо. У меня диплом, а работать приходится сиделкой. При хозяевах я командовала всем госпиталем. Теперь же им управляет мужчина. Мужчины – наши господа теперь, господин посол. А мы, женщины, как были собственностью, так и остались ею. Думаю, что боролись мы и отдавали жизнь за иное. Как вы считаете, господин посол? Полагаю, существующее положение – предвестие новой революции. Мы должны завершить раз начатое.

После томительно долгой паузы Хавжива мягко поинтересовался:

– У вас уже есть организация?

– Есть, разумеется, есть! Как и в былые дни. Мы привыкли действовать в подполье. – Йерон тихонько рассмеялась. – Но я не думаю, что нам следует действовать в одиночку и сражаться лишь за свои права. Мы хотим все перевернуть с ног на голову. Мужчины полагают, что они вправе командовать нами. Им придется переменить свои убеждения. За свою жизнь я хорошо усвоила один урок – силой оружия никого и ни в чем нельзя убедить. Ты уничтожаешь хозяина и сам становишься хозяином – вот в чем кроется корень зла, вот что следует сломить. Старое рабское мышление. Психологическую установку «или раб, или рабовладелец». И мы искореним ее, господин посол. С вашей помощью. С помощью всей Экумены.

– Меня прислали сюда именно для связи вашего народа с Экуменой, – заметил Хавжива. – Но мне нужно время. Я так мало знаю о вас.

– В вашем распоряжении достаточно времени, господин посол. Мы прекрасно знаем, что рабскую психологию не искоренить ни за день, ни за год. Весь вопрос здесь в воспитании и образовании. – Слово «образование» Йерон произнесла как нечто священное. – А это займет немало времени. Так что нам торопить вас незачем. Все, что я хотела бы получить сегодня, – это уверенность, что вы станете к нам прислушиваться.

– Будьте уверены, – ответил Хавжива.

Облегченно вздохнув, Йерон снова взялась за вязанье. Помолчав с минуту, добавила:

– Это может оказаться не так уж и просто – прислушиваться к нашим словам.

Хавжива почувствовал утомление. Столь серьезные беседы были ему пока не по силам. Он не совсем понял, что означает последняя фраза собеседницы. Но ведь деликатная пауза – лучший среди взрослых способ дать понять собеседнику, что ждешь продолжения. И Хавжива промолчал.

Йерон снова оторвала взгляд от вязанья.

– Как нам связываться с вами? Это самое трудное. Ведь мы, женщины, здесь абсолютное ничто. Мы можем оказаться вблизи вас как сиделки, горничные, прачки. Но нам нет

места среди руководства. Нас не пускают в советы. Мы можем подавать блюда на банкете, но никак не сидеть за одним столом с мужчинами.

– Так объясните мне... – Хавжива замаялся. – Объясните, с чего начать. Ищите свидания со мной при любой okazji, приходите, как только подвернется случай, если... если это... будет для вас безопасно. – Он всегда был скор в восприятии нового, лишь подозревать подвох так и не научился. – Я выслушаю. И сделаю все, что смогу.

Йерон склонилась над изголовьем и нежно поцеловала Хавживу. Губы ее оказались сухими и мягкими.

– Вот, – сказала она, – ни один политик не даст вам такого.

И снова принялась набирать петли. Хавжива уже начал было дремать, когда Йерон вдруг спросила:

– Ваша матушка еще жива, господин Хавжива?

– Все мои родные давно умерли.

Йерон испустила короткий сочувственный вздох.

– Простите, – сказала она. – А супруга?

– Я не женат.

– Тогда мы станем для вас матерями, сестрами и дочерьми. Мы заменим для вас утраченных родных. Примите мой поцелуй как знак любви между нами. Настоящей любви. Увидите сами.

– Вот список приглашенных на прием, господин Йехедархед, – сообщил Доранден, комиссарский порученец, офицер связи при посольстве.

Хавжива пробежал взглядом протянутый портативный экран, просмотрел еще раз, уже внимательнее, и невинно поинтересовался:

– А где же все остальные?

– Извините, господин посланник... Мы кого-либо упустили? Это полный список.

– Но ведь здесь одни мужчины.

Под затянувшееся растерянное молчание офицера Хавжива неожиданно обнаружил в себе новые точки опоры – его пошатнувшееся было равновесие как будто начинало восстанавливаться.

– Вам угодно, чтобы приглашенные явились с супругами? – сообразил донельзя смущенный Доранден. – Ну конечно же! Если таков обычай Экумены, мы с удовольствием включим в список также и дам.

В том, как офицер связи произнес словечко «дамы», принятое на Уэреле лишь в аристократических кругах, крылось нечто плотоядное, глазки у него замаслились. Равновесие Хавживы снова нарушилось.

– Каких еще дам? – хмурясь, удивился он. – Я говорю о женщинах. Может, они и вовсе не принимают у вас участия в общественной жизни?

Хавжива начал нервничать, не понимая, где же здесь могут таиться подводные камни. Если безобидная прогулка по пустой улочке приводит к столь плачевному исходу, то куда его может завести препирательство с порученцем самого комиссара?

А Доранден был уже не просто смущен – ошеломлен. У него просто челюсть отвисла.

– Весьма и весьма сожалею, уважаемый господин Доранден, – сказал Хавжива примирительно. – И прошу простить мне неуместную игривость. Разумеется, я не сомневаюсь, что женщины у вас занимают ответственные посты в самых различных областях. Своим неловким и неудачным выражением я просто пытался сказать, что был бы рад принять у себя таких женщин вместе с их мужьями – равно как и жен всех гостей из вашего списка. Надеюсь, я не совершил этим новую оплошность, не нарушил каких-либо обычаев и не оскорбил ваших чувств? Мне казалось, что у вас на Йеове не должно быть дискриминации, как на Уэреле, –

в том числе и женской. Если я в чем-то заблуждаюсь, то снова прошу вас великодушно простить невежественного чужестранца.

Добрая половина дипломатии – это болтливость, к такому выводу Хавжива пришел уже давно. Другая же – умение вовремя промолчать.

Доранден забрал список и, заверив посла, что все упущения будут немедленно исправлены, почтительно откланялся. Но Хавжива продолжал тревожиться – до самого следующего утра, когда офицер явился снова, уже с поправками. В списке фигурировало одиннадцать новых имен, все женские. Среди них один школьный директор и две учительницы, остальные с пометкой «в отставке».

– Великолепно, просто великолепно! – восхитился Хавжива. – Вы позволите мне самому добавить к этому списку еще одно имя?

– Разумеется, ваше превосходительство. Какое только не пожелаете!

– Доктор Йерон, – сказал Хавжива.

Снова невыносимо долгая пауза, – похоже, Доранден хорошо знал, о ком речь.

– Да, – выдавил он наконец.

– Доктор Йерон, как вам, наверное, известно, прекрасно ухаживала за мной в вашем великолепном госпитале. Мы подружились. Обычной сиделке, разумеется, не место среди столь почетных гостей, но она ведь вполне квалифицированный медик, а я заметил, что в вашем списке уже есть несколько докторов медицины.

– Все в порядке, – сказал Доранден не без тени смущения.

После печального инцидента комиссар и вся его команда старались потворствовать вице-послу во всех прихотях, пока, впрочем, весьма немногочисленных, относясь к этому представителю мира, где не умеют ни нападать, ни защищаться, бережно, точно к хрупкой и дорогой статуэтке. Хавжива понимал это. Его трактовали здесь не как личность, а как некий абстрактный символ. Как человека его в этих краях и в грош не ставили. Но, зная, что его посольская миссия может привести к самым серьезным социальным сдвигам, Хавжива не возражал против подобной недооценки. Поживем – увидим, решил он про себя.

– Уверен, теперь вы не станете отказываться от сопровождающих, господин посол, – заявил генерал с каменным лицом и заметным лишь в голосе беспокойством.

– Да, генерал Денкам, я уже понял, что ваш город опасен, весьма опасен. Опасен для любого жителя. Я просмотрел голорепортаж о шайках юнцов вроде тех, что напали на меня, свободно шатающихся по улицам, терроризирующих население и плюющих на стражей порядка. Каждый ребенок и каждая женщина в этом городе должны иметь личных телохранителей. Было бы весьма огорчительно сознавать, что безопасность, являющаяся естественным правом любого жителя, достанется лишь мне одному как некая особая привилегия.

Растерянно мигнув, генерал машинально схватился за кобуру:

– Но мы ведь не вправе допустить, чтобы вы случайно пали от руки какого-нибудь террориста-маньяка.

Хавжива просто обожал иметь дело с такими честными и бесхитростными служаками.

– Согласен, меня подобная перспектива тоже не слишком радует, – сказал он. – И вот вам мое предложение. Я слышал, сэр, что у вас в полиции служат женщины. Подберите охрану для меня из их числа. В конце концов, хорошо владеющая оружием женщина ничем не уступит вооруженному мужчине, не так ли? А я буду рад отметить и почтить тем самым величайшую роль, которую сыграли женщины в борьбе за освобождение Йеове, как превосходно выразился во вчерашней речи сам комиссар.

Генерал заметно смягчился – будто железную маску с лица сбросил.

Хавжива не питал особенно теплых чувств к новой своей охране, состоявшей из крепко сбитых бабенок, грубовато немногословных и общавшихся между собой на сленге, которого

он почти не понимал. У некоторых дома были детишки, но все попытки Хавживы завести о них разговор упирались в глухую стену. Дамочки оказались чертовски умелыми бойцами, так что жизни посла отныне ничто не угрожало. Когда Хавжива шел теперь по городу в сопровождении своих вечно настороженных амазонок, он читал во взглядах толпы новые чувства – изумление и даже нечто вроде симпатии. «А у этого парня, похоже, котелок варит. И чувство юмора есть», – услышал он как-то у себя за спиной.

За глаза все называли комиссара Шефом – но лишь за глаза.

– Господин президент, – дипломатично начал Хавжива, – вопрос не только в принципах Экумены и обычаях, принятых на Хайне. Вернее, вовсе не в них – здесь, на Йеове, они имеют так мало веса по сравнению с вашим словом, сэр. Это ведь целиком ваш мир...

Комиссар едва заметно кивнул.

– ...в который, – продолжал Хавжива, сделав на сей раз ставку на первую половину дипломатического искусства, – стало прибывать теперь множество беженцев из Уэрела, и еще больше их ожидается в близком будущем, так как тамошний правящий класс, приоткрыв клапан, то есть разрешив бедноте эмиграцию, пытается тем самым выпустить пар и снизить революционный дух масс. Ведь вы, сэр, куда лучше меня знаете затруднения и проблемы, которые может причинить Йотебберу массовый наплыв иммигрантов. Не меньше половины приезжих окажутся женщинами, и, как я считаю, следовало бы повнимательней отнестись к разнице во взаимоотношениях полов на Уэреле и Йеове, во всех ее аспектах: в социальной роли мужчин и женщин, в их ожиданиях, поведении, сексуальных контактах и прочая, и прочая. Большинство из тех эмигрантов с Уэрела, которые что-то из себя представляют, то бишь способны на поступки и неожиданные решения, наверняка окажутся женщинами. Совет Хейма, как известно, на девять десятых состоит из женщин. Все без исключения заметные ораторы у них тоже женщины. Эти люди вторглись и успешно внедрились в социум, обустроенный и управляемый до того одними мужчинами. Полагаю, если своевременно предпринять осторожные предупредительные меры, сделать некие профилактические шаги, то удастся избежать конфронтации и серьезных социальных коллизий. Например, можно ввести в состав совета несколько депутатов-женщин...

– Среди рабов Старого Мира, – перебил комиссар, – они могли заправлять. У нас же все вожди мужчины. Таков порядок вещей. Рабы Старого Мира могут стать свободными людьми Нового.

– А что касательно женщин, господин президент?

– Но ведь жены свободных мужчин – такие же свободные люди, – ответил комиссар.

– Значит, так, – сказала Йерон и глубоко вздохнула. – Полагаю, пора уже выколотить немного пыли.

– Дельце как раз для пыльных, вроде нас, – заметила Добибе.

– Тогда уж лучше взбить пыль как следует, – заявила Туальян. – Все одно поднимется страшный хипеж, что бы мы ни затеяли. Все равно на каждом углу станут вопить про движение женщин, ратующих за кастрацию младенцев мужского пола. Если пятеро из нас просто споют хором песню, в новостях тут же объявят, что пять сотен чокнутых баб вооружились бомбами и пулеметами и вот-вот сокрушат порядок и цивилизацию на всей планете. Поэтому и предлагаю не разминиваться по мелочам. Давайте выведем на демонстрацию по меньшей мере пять тысяч поющих женщин. Давайте заблокируем железные дороги. Ляжем на рельсы. Представляете – пять тысяч поющих женщин лежат на рельсах по всему Йотебберу! Грандиозно!

Собрание (очередное заседание Ассоциации содействия образованию провинции Йотеббер) происходило в классе одной из городских школ. Две телохранительницы из

эскорта посла, одетые в простенькие платья, сметливо остались поджидать его в коридоре. Хавжива и все сорок разгоряченных активисток теснились на крохотных стульчиках, намертво соединенных со столами-экранами.

– Ваши требования? – спросил Хавжива.

– Тайное голосование!

– Равных прав при найме на работу!

– Оплата по труду!

– Тайное голосование!

– Декретный отпуск до года!

– Тайное голосование!

– Требуем уважения!

Диктофон у Хавживы едва успевал все записывать. Власть нашумевшись, женщины вновь расселись по партам и продолжили разговор.

– Скажите, сэр, – поинтересовалась одна из телохранительниц по пути домой, – они что, все до единой простые учительницы?

– Да, – ответил Хавжива. – Вроде того.

– Вот дьявол! – удивилась женщина. – До чего ж не похоже.

– Йехедархед! Какого черта вы творите там на Йеове?

– Мадам?

– Вы попали в выпуск последних известий. Вместе с миллионом женщин, валяющихся на рельсах, на всех взлетных полосах и вокруг президентского дворца. Вы беседовали с ними и чему-то там ухмылялись.

– Было весьма трудно удержаться, мадам.

– Когда президентские войска откроют огонь, вы тоже будете ухмыляться?

– Нет, мадам, не буду. Прошу вас оказать поддержку.

– Чем?!

– Словом. Выразите на словах солидарность посла Экумены с женщинами Йотеббера. Подчеркните, что Йеове – образчик свободного социума для иммигрантов из мира рабов. Несколько слов похвалы правительству Йотеббера – за сдержанность, высокую просвещенность и тому подобное. Мол, Йотеббер – пример для подражания всей Йеове и прочее в том же духе.

– Ладно. Надеюсь, что сработает. А это не революция, Хавжива?

– Это просвещение, мадам.

Ворота в массивной раме стояли нараспашку, самой стены не было и в помине.

– В колониальные времена, – рассказывал старейшина торжественным тоном, – эти железные ворота распахивались лишь дважды в день: утром, чтобы пропустить людей на полевые работы, и вечером – для прохода назад в трущобы. Все остальное время они стояли запертыми на все засовы.

Он продемонстрировал огромный сломанный замок, висевший на внешней стороне ворот, массивные ржавые болты всех прочих запоров. Движения старца были так же величавы, как его голос, и снова Хавжива восхитился чувством собственного достоинства, с которым эти люди сумели пройти сквозь тяжкие времена и которое умудрились сохранить вопреки всем тяготам и унижениям многовекового рабства. Он уже начинал постигать, какое беспримерное влияние на их ментальность оказали священные тексты «Аркамье», передаваемые прежде из поколения в поколение в изустных преданиях. «Вот что мы имели прежде, вот что было нашим единственным скарбом», – как-то сказал ему в городе один старик, лас-

ково поглаживая заскорузлыми пальцами корешок книги, которую в возрасте под семьдесят лишь учился читать.

Хавжива и сам только приступил к чтению этой книги на языке оригинала. Медленно продираясь сквозь сплошные архаизмы, он пытался постичь, что же в этих хитросплетениях вековой мудрости с отвагой и бесконечным самопожертвованием могло обнадеживать и согреть людей в течение трех тысячелетий позорного рабства. Частенько среди каденций древней истории он словно бы слышал голоса настоящего.

Сейчас Хавжива уже с месяц гостил в деревеньке племени Хайява, самом первом из поселений рабов Сельскохозяйственной корпорации Йеове в Йотеббере, основанном добрых три с половиной века тому назад. В этом глухом уголке южного побережья еще сохранились в нетронутом виде многие черты былого общественного уклада. Йерон и другие активистки освободительного движения давно говорили Хавживе, что лучше всего узнать жителей Йеове можно, познакомившись поближе с племенами, до сих пор обитающими на плантациях.

Он уже знал, что в течение первого столетия поселения были чисто мужскими – без женщин и детей. У первых обитателей резервации сложилось нечто вроде внутреннего правления со строгой иерархией, основанной на политике кнута и пряника. Самые сильные рабы, проходя через ряд испытаний, захватывали власть и удерживали ее затем интригами да подачками. Когда туда попали первые женщины, они в этой жесткой системе оказались на положении рабов у рабов. Мужчины, как прежде корпорации, использовали женщин в качестве служанок и покорных сливных отдушин для избыточного семени. Самостоятельные решения и свободный выбор, как в вопросах секса, так и всех прочих, оставались чисто мужской привилегией. В течение последующих столетий присутствие в поселении детей несколько изменило племенные обычаи, обогатив их новыми деталями, но принцип мужского превосходства, поощряемый также и со стороны рабовладельцев, изменений почти не претерпел.

– Мы надеемся, что господин посланник удостоит завтра своим присутствием обряд посвящения, – сказал старейшина своим замогильным голосом, и Хавжива заверил, что ничто не доставит ему большей чести и удовольствия, нежели посещение столь важной церемонии. Невозмутимый до того старейшина выказал явные признаки удовлетворения. Возрастом далеко за пятьдесят, он родился во времена корпораций, и все пертурбации освободительных войн пришлись на его зрелые лета. Памятуя слова Йерон о военных отметинах, Хавжива искал их взглядом и нашел – дистрофически худой старик сильно прихрамывал и, открывая рот, демонстрировал сильно щербатую улыбку. Война и недороды не обошли его своими ласками. Кроме того, по плечу от шеи к локтю своеобразными эполетами сбегали четыре глубоких ритуальных шрама, и посреди лба синей татуировкой светился распахнутый глаз – знак принадлежности к вождям племени. Вожди рабов, раб на рабе и рабом погоняет – так было, пока не рухнули стены резервации, так оно во многом и теперь.

Старейшина двинулся от ворот к «длинному дому» по определенному маршруту, и Хавжива, следуя за ним, обратил внимание, что никто больше не смеет пользоваться этой тропинкой. Все: мужчины, женщины, дети – всегда шли по параллельным, приводящим к другим входам в барак. Он следом за старейшиной, очевидно, шел дорожкой вождей – весьма узкой, кстати, дорожкой.

В тот же вечер, пока дети, которым завтра предстояло посвящение, под бдительным присмотром постились на женской половине поселения, вожди и старейшины собрались на пирушку, состоявшую в бесконечной смене блюд – все с тяжелой и пряной пищей. Основу каждого составляла гора риса, затейливо изукрашенная разноцветными травами, поверх нее – обязательно мясо. Молчаливые женщины вносили все ярче и пестрее изукрашенные

блюда, и на каждом все больше и больше мяса – вырезка, господская пища, явный и непременный атрибут свободы, обретенной рабами.

Хавжива, возвращенный в основном на вегетарианской пище, махнув рукой на предстоящие желудочные колики, отважно прокладывал себе дорогу сквозь бифштексы и жаркое. Кухня оказалась просто превосходной, покоя не давали лишь воспоминания о бесчисленных голодающих, часть которых он мог бы отыскать прямо за стеной.

Наконец, когда огромные корзины фруктов сменили последнее блюдо, женщины скрылись и началась «музыка». Вождь племени кивнул своему леосу (нечто среднее между фаворитом, названным братом, приемным сыном и согревателем ложа). Тот, смазливый молодой человек весьма женственной наружности, заулыбавшись, мягко хлопнул в ладоши, затем стал отбивать медленный ритм. Когда за столом воцарилась полная тишина, он запел, но запел почти что шепотом.

На большинстве плантаций музыкальные инструменты были запрещены испокон веку – хозяева позволяли невольникам исполнение лишь ритуальных песнопений в честь Туал в ходе ежегодной десятидневной службы. Во времена господства корпораций рабу, застигнутому за пением, заливали в глотку кислоту – мол, пока есть силы работать, нечего шуметь попусту.

В результате на этих плантациях зародилась и получила развитие особая, почти беззвучная музыка, тихое похлопывание ладонями, едва слышные голоса, протяжные заунывные мелодии. Слова таких песен, искаженные за многие поколения бесчисленными поправками, уже почти утратили свой былой смысл. «Шеш», так называли это хозяева, то есть вздор. И в конце концов рабам стали позволять «хлопать в ладошки и петь свой вздор» – при условии, что за стенами поселения ничего не будет слышно. Привыкнув за триста лет к такой манере пения, бывшие рабы придерживались ее и по сей день.

Хавживу постоянно нервировало, едва ли не пугало, когда опять шепотом вступал очередной голос – едва ли не в противофазе с предыдущими, усложняя мелодический рисунок и усиливая свистящий звук почти до непереносимого, нанизывая на тягостный ритм слова, в которых отчетливым был лишь первый слог. Захваченный этим жутковатым хором, едва не теряясь в нем, он ждал – вот-вот один из них возвысит голос, хотя бы леос, любимчик вождя, ощутив себя свободным, испустит триумфальный вопль, – но нет, такого не случалось еще ни разу. Эта мягкая, давящая, как бы подводная музыка с ее плавно пульсирующим ритмом тянулась и тянулась, бесконечная, как река. По столу гуляли бутылки с йотским апельсиновым вином. Участники праздника активно бражничали. В конце концов, пили они как свободные люди. Напивались вдрызг. Смех и пьяные выкрики начинали заглушать музыку. Но само пение от этого громче не стало. И никогда не становилось.

Затем, поддерживая друг друга и время от времени задерживаясь за деревьями, чтобы отблевать, веселая компания брела тропинкою вождей назад в большой барак. Любезный смуглокожий сосед по столу неведомо как оказался в одной постели с Хавживой.

Еще в самом начале вечеринки он долго объяснял Хавживе, что в течение всего периода подготовки и проведения ритуалов посвящения контакты с женщинами запрещены, как нарушающие некие особые энергетические поля. Мол, тогда вся церемония пойдет насмарку и мальчикам уже никогда не стать полноценными членами племени. Одни лишь ведьмы, естественно, мечтают нарушить табу, а их среди женщин великое множество, и каждая так и пытается поймать мужчину в свои нечестивые сети. Сбить с пути истинного. Нормальные же сношения, то есть между мужчинами, наоборот, поддерживают энергию посвящения и помогают детям пройти назначенные испытания. Следовательно, каждый добропорядочный мужчина обязан выбрать себе приятеля на эту ночь.

Хавжива был доволен, что достался в партнеры этому говоруну, а не кому-нибудь из старейшин, которые могли потребовать от него по-настоящему энергетического, то бишь

темпераментного, представления. Теперь же он проснулся поутру со смутными воспоминаниями, что оба они оказались слишком пьяны и, едва добравшись до постели, вырубались напрочь.

Злоупотребление золотистым йотским вином приводит к тяжкому похмелью. Хавжива знал это и прежде, теперь же, по пробуждении, звон в ушах и тошнотворная слабость во всем теле красноречиво подтверждали это.

В полдень новый приятель повлек Хавживу к местам для почетных гостей на деревенской площади, уже битком набитой зрителями исключительно мужского пола. Длинные мужские бараки остались у зрителей за спиной, перед глазами – глубокий ров, отделяющий женскую половину от мужской, или привратной, как продолжали называть ее до сих пор, хотя стены исчезли и ворота, одиноко возвышающиеся над крышами хижин и бараков, стали историческим памятником. Дальше во все стороны простирались бескрайние рисовые поля, подернутые жарким полуденным маревом.

Шестеро мальчиков скорым шагом направлялись от женских хижин ко рву. Пожалуй, эта канава широковата для тринадцатилетних ребятишек, подумалось Хавживе, но двое из шести все же сумели прыжком с разгона преодолеть преграду. Остальные четверо тоже отважно прыгнули, но сорвались и карабкались теперь по стенке рва. Один из неудачников, первым выбравшийся на поверхность, тихонько скулил от боли в поврежденной ноге. Даже оба более удачливых прыгуна выглядели изможденными и напуганными, и все шестеро покачивались, точно былинки на ветру, совершенно синие от долгого поста и непрерывного бодрствования. Окружившие мальчуганов старейшины выстроили их, обнаженных и трепещущих, в ряд лицом к зрителям.

Хавжива нигде не находил взглядом ни единой женщины, даже на женской половине селения.

Начался экзамен. Вожди и старейшины по очереди отрывисто выкрикивали вопросы, отвечать на которые следовало без малейшей запинки то кому-либо одному, то всем вместе – в зависимости от жеста экзаменатора. Религиозные обряды, официальный протокол, проблемы этики – вымуштрованные ребятишки петушиными своими фальцетиками отбарабанивали ответы на любые темы. Неожиданно одного из мальчиков – того самого, что хромал после падения, – вырвало желчью, и, ослабев, он осел наземь. Ничто не переменилось, никто даже не шевельнулся, экзамен продолжался как ни в чем не бывало – лишь после тех вопросов, что адресовались упавшему в обморок, повисала короткая болезненная пауза. Спустя минуту-другую мальчик пришел в себя, сел, затем, преодолев слабость, поднялся и занял свое место в шеренге. Его мертвенно-голубые губы снова шевелились в такт общим выкрикам, но теперь, похоже, совсем уж беззвучно.

Хавжива старательно наблюдал за ритуалом, хотя мысли его витали в иных сферах, в далеком прошлом. «Все, что знаем, мы узнаём в поте лица своего, – думал он, – но всякое наше знание ограничено, всегда оно лишь часть недостижимого целого».

После инквизиторского допроса наступило время самой настоящей пытки – ритуальное клеймо в виде глубоких царапин от шеи по обоим плечам до локтевого сгиба каждого несчастного мальчугана выполнялось при помощи заостренного колышка твердого дерева, раздиравшего нежную детскую плоть чуть ли не до самых костей, чтобы оставить по себе глубокий, хорошо заметный шрам, доказывающий мужество испытуемого. Рабам не позволялось держать внутри поселения никаких металлических инструментов, сообразил Хавжива с заметным содроганием, но взгляда не отвел, как это и пристало почетному гостю. После каждой очередной кровавой борозды старейшины прерывались для заточки своего страшного орудия о желоб в большом камне, установленном посреди площади в незапамятные времена. От жуткой боли мальчики корчились, один, не в силах терпеть, дико вскрикнул и тут же зажал себе рот свободной ладошкой. Другой сразу же прикусил себе большой

палец, да так сильно, что по окончании процедуры кровь из пальца хлестала ничуть не слабее, чем из обезображенных плеч. Наконец, когда все до последнего прошли через ритуальную живодерню, вождь племени, промыв мальчикам раны, замазал их каким-то целебным снадобьем. Ошеломленно пошатываясь, мальчики вновь выстроились в ряд; старейшины, улыбаясь, нежно похлопывали их по неповрежденным местам. «Герои, наши соплеменники, мужественные парни!» – услышал Хавжива и перевел дух с чувством глубокого облегчения.

Неожиданно на площади появились еще шестеро детишек, на сей раз девочки. На мужскую половину они прошли через мостик – каждая в сопровождении отдельной дуэньи, с головой, закутанной в покрывало. На девочках же, напротив, никакой одежды, только браслеты на лодыжках и запястьях, по-птичьи костлявых. При виде новых жертв толпа зрителей испустила единый ликующий вопль. Хавжива поразился – неужто девочкам тоже предстоит пройти через обряд посвящения? Это было бы добрым знаком, решил он.

Две из девочек по возрасту были под стать мальчикам, остальные куда моложе – одной, пожалуй, не больше шести. Они выстроились рядом перед свежее испеченными мужчинами тощенькими ягодицами к ухмыляющимся зрителям. За спиной каждой стояла задрапированная дуэнья, как за спиной каждого из мальчиков – обнаженный старейшина. Не в силах отвести глаз и отвлечься мыслями от происходящего, Хавжива наблюдал, как девочки ложатся на спину прямо в пыль и грязь площади. Одну из них, чутко замешкавшуюся, силком уложила ее дуэнья. Старики, миновав новообращенных, под рев и улюлюканье восторженной публики миглом улеглись на девочек. Каждая дуэнья присела на корточки возле своей подопечной; одна, низко склонив голову, прижала к земле руку девочки. Обнаженные мужские ягодицы нелепо подпрыгивали; Хавжива не мог разобрать, было ли то настоящее сношение или только его имитация. «Вот как надо, смотрите, сынки, смотрите!» – восторженно ревели зрители. Под шутки, смех и улюлюканье старейшины, исполнив свой долг, один за другим вставали, причем каждый с интригующей скромностью пытался прикрыть свой детородный орган от любопытствующей публики.

Когда поднялся последний, вперед выступили мальчики, каждый улегся на предназначенную ему девочку и точно так же, как старшие до него, задрогал попкой. Это уж точно была чистой воды имитация, эрекции ни у одного из мальчиков Хавжива не заметил. Зрители, невольно обступившие место действия, с воплями: «Может, помочь?», «Вот, возьми попробуй моим!» – наперебой демонстрировали свои напряженные фаллосы. Наконец все мальчики встали. Девочки продолжали лежать пластом с широко раздвинутыми ногами, точно маленькие дохлые ящерицы. По толпе мужчин прошло жутковатое движение, зрители с готовностью продолжить веселье прыгнули вперед – но старухи уже волокли девочек к мосту. Их поспешную ретираду толпа сопровождала всеобщим вздохом, едва ли не стоном разочарования.

– Они под воздействием целебных снадобий, чтоб вы чего не подумали! – заметил смуглокожий спутник Хавживы, искательно заглядывая в лицо. – Эти соплячки. Так что им не очень-то и больно.

– Да, я вижу, – откликнулся Хавжива со своего почетного места.

– Им еще повезло – участвовать в посвящении для них великая честь, редкостная привилегия. Крайне важно, чтобы девчонки теряли невинность как можно раньше. И имели сношения с как можно большим количеством мужчин. Чтобы не могли потом причитать: мол, это твой сын, а тот мальчик – сын вождя, тебе не чета, и прочее в том же духе. Это все ведьмовство. На самом деле сына выбирают. У настоящего сына не должно быть никакой прямой связи с этими шлюхами-рабынями. И им следует усвоить это с пеленок. А этих к тому же еще напичкали и снадобьями. Теперь не то что в прежние времена, при хозяевах. Тогда никаких снадобий тратить на них не стали бы.

– Понимаю, – сказал Хавжива и, взглянув на своего «партнера», подумал, что смуглый цвет кожи означает добрую толику хозяйской крови в его жилах; может статься, он даже родной сын одного из господ. Ублюдок бесправной и безвестной рабыни. Сына он себе избирает. Всякое знание ограничено, любое знание частично, вспомнилось снова. Будь то в Стсе, в Экуменической школе или в поселениях Йеове.

– Стало быть, вы до сих пор считаете женщин невольницами? – уточнил Хавжива. Все его чувства замерзли и притупились, и вопрос прозвучал как бы с неким отстраненным любопытством.

– Нет, – спохватился смуглокожий приятель, – нет, что вы! Извините меня, я просто оговорился – знаете, как привыкнешь с детства... Тысяча извинений!

– Не по адресу.

Снова Хавжива поймал себя на несдержанности. Собеседник притих и пригорюнился.

– Друг мой, покорнейше прошу вас сопроводить меня в апартаменты, – сказал Хавжива, и смуглокожий вновь просиял.

Лежа в потемках, Хавжива тихонько беседовал по-хайнски со своим электронным дневником.

«Ты ничего не можешь изменить и поправить извне. Стоя в стороне, глядя сверху вниз, ты разглядишь лишь общий узор. Что-то в нем не так, где-то зияет прореха. Ты можешь попытаться понять, в чем она, но извне тебе никогда не удастся наложить на нее заплату. Ты должен оказаться внутри, ты должен стать ткачом. А может быть, даже нитью в узоре».

Последнюю фразу Хавжива произнес на диалекте Стсе.

Когда Йехедархеду Хавживе по прозвищу Неколебимый исполнилось пятьдесят пять, он вновь отправился в Йотеббер. Он не бывал там уже с давних пор. Должность советника при министерстве общественного правосудия Йеове крепко привязывала его к северу, и путешествовать в южное полушарие доводилось крайне редко. Долгие годы провел он в Старой столице, проживая там вместе со своей подругой и отрываясь от относительно спокойной и размеренной жизни лишь на время поездок в Новую столицу для консультаций в сложных вопросах по просьбе молодого посла Экумены. Подруга Хавживы – а прожили они вместе уже полных восемнадцать лет – спешно завершала работу над очередной книгой, и перспектива провести недели две в одиночестве ее только обрадовала.

– Поезжай! – чуть ли не велела она ему. – Ты так давно об этом мечтал. Я присоединюсь к тебе, как только закончу работу. Обещаю, что никто из этих чертовых политиков ничего не пронюхает о твоём отъезде. Смывайся же! И скорее!

И Хавжива отбыл. Он так и не сумел привыкнуть к стремительным взлетам и посадкам флайеров, хотя летать ему приходилось довольно часто, и сейчас предпочел долгое путешествие поездом – комфортабельным трансконтинентальным экспрессом. Поезда теперь мчались гораздо быстрее, но курсировали по-прежнему битком набитые пассажирами. Каждая остановка по-прежнему превращалась в штурм вагонов низшего класса, хотя забираться на крышу, как в былые годы, никто уже не решался – при скорости-то под сто пятьдесят. Хавжива купил себе отдельное купе в прямом вагоне на Йотеббер и долгие часы проводил, молчаливо созерцая мелькающий за окошком ландшафт. Следы бывшего запустения в основном сменились молодыми лесопосадками вперемежку со строящимися городами, затем снова замелькали бесконечные ряды лачуг, но вот тебе и вполне приличные коттеджи, вот особняки с садами в уэрелианском стиле, дымящие фабрики, гигантские новые производства, снова внезапно необозримые поля, изрезанные серебристыми стрелами оросительных каналов обязательно с босоногими детишками по берегам. Наступала очередная короткая северная ночь, и Хавжива погружался в безмятежный дорожный сон.

На третий день пополудни он прибыл на конечную станцию – центральный вокзал Йотеббера. Никакой тебе толпы. Никаких встречающих. Никаких телохранителей. Хавжива брел по знакомым раскаленным улицам, миновал рынок, прогулялся по Центральному парку. Видимо, – все же немного бравируя – бандиты в городе еще пошаливали. И он бдительно озирался по сторонам. Дойдя до храма безносой старушки Туал, Хавжива возложил к ее ногам белый цветок, сорванный по пути в парке. Праматерь по-прежнему чему-то загадочно улыбалась. Подмигнув ей в ответ, Хавжива отправился в новый большой район, где проживала Йерон.

Бывшей сиделке стукнуло уже семьдесят четыре, и она недавно оставила работу в клинике, которой руководила, практикуя и читая лекции студентам, последние пятнадцать лет. Йерон не так уж сильно изменилась с тех пор, как Хавжива увидел ее впервые у своего изголовья, лишь как бы немного усохла. Совершенно облысевшую ее голову покрывал мерцающий платок, аккуратно повязанный на затылке. Они обнялись и расцеловались, и Йерон ласково поглаживала Хавживу по плечу, расплываясь в неудержимой улыбке. Они никогда не спали вместе, но между ними всегда существовало обоюдное тяготение, желание прикоснуться друг к другу.

– Взгляните! – воскликнула Йерон, касаясь головы дорогого гостя. – Нет, вы только взгляните на эти седины! Как ты прекрасен! Проходи же скорей и выпей со мною стаканчик вина. Где же, наконец, твой араха? Когда же ты все-таки поумнеешь и прекратишь свои мальчишеские выходки! Снова шел через весь город пешком, да еще с багажом? Нет, ты по-прежнему чокнутый!

Хавжива извлек из сумки и вручил ей подарок – трактат о лечении каких-то редкостных в системе Уэрел – Йеове болезней, составленный медиками Экумены. Йерон просто рассыпалась в благодарностях. И некоторое время даже разрывалась от желаний одновременно принять Хавживу как следует и проглядеть главу о берлоте. Они допивали уже по второму бокалу бледного оранжского, когда Йерон, отложив книгу в сторонку, повторила:

– Как ты прекрасен, Хавжива! – Ее темные глаза засветились любовью. – Ты похож на настоящего святого. Да ты и есть святой.

– Но я ведь покуда еще живой, Йерон.

– Ну, тогда на героя. И не спорь со мной!

– Не стану, – ответил он, счастливо улыбаясь. – Я знаю, что такое быть настоящим героем, отрицать не стану.

– Что случилось бы со всеми нами, если бы не ты?

– Примерно то же, что и сейчас... – Хавжива вздохнул. – Иногда мне кажется, что мы теряем даже то небольшое, что обрели прежде. Этот Туальбеда из провинции Детаке, к примеру, – его никак нельзя недооценивать, Йерон. Его ораторский гений возбуждает и заражает ксенофобией очень многих, толпа просто обожает этого маньяка...

Йерон досадливо взмахнула рукой.

– Этому никогда не будет конца, – заявила она. – Но я всегда знала, что ты пойдешь одним путем с нами. Еще прежде, чем познакомилась с тобой. Как только впервые услышала твое имя. Я знала!

– Надо сказать, что выбор у меня был относительно невелик.

– Ба-бах! Ты сам выбирал, мужчина!

– Да, – сказал Хавжива, пригубив вино. – Я выбирал. – И после паузы добавил: – Не многим выпал подобный жребий. Я выбирал, как жить, с кем, чем заниматься. Иногда мне кажется, что моя способность выбирать возникла от неприятия выбора, который кто-то делает за тебя.

– И поэтому ты восстал, чтобы проложить свой собственный путь, – кивнула Йерон.

– Я отнюдь не повстанец, – улыбнулся Хавжива.

– Ба-бах! – повторилась хозяйка. – Как это не повстанец? Ты всегда в самом центре нашего движения, едва ли не во главе!

– Ну да, – сказал Хавжива. – Но вовсе не как повстанец. Дух восстания – это по вашей части. Мое дело – одобрение. Дух сдержанности и приятия. Этому я и учился всю свою жизнь. Изменять не мир, но собственную душу. И жить в мире. Только так и можно существовать.

Йерон слушала внимательно, но недоверчиво.

– Звучит как-то по-женски, – сказала она. – Мужчины всегда стремятся подчинить мир себе.

– Но не мужчины моего рода, – ответил Хавжива.

Йерон снова наполнила бокалы.

– Расскажи-ка мне о своем роде. Раньше я всегда как-то стеснялась спрашивать. Хайн ведь столь древняя цивилизация! Столь мудрая! Вам ведома История, вам покорны межзвездные пространства! Что такое перед вами мы – с нашими тремя веками невежества, ничтожества и моря крови? Ты просто не в состоянии представить, какими мелкими чувствуем мы себя порой перед вами.

– Мне кажется, я знаю это, – сказал Хавжива. Помолчав, он продолжил: – Ведь родился я в крохотном городке под названием Стсе...

Он поведал историю своей жизни в пуэбло, рассказал о людях Иного Неба, о дяде, который доводился ему отцом, о матери – Наследнице Солнца, об обычаях, празднествах, богах повседневных и високосных. Хавжива рассказал, как изменил свою жизнь – еще до визита историка и своего отъезда в Катхад – и как изменил ее снова, уже после.

– Такое великое множество правил? – изумилась Йерон. – Столь сложных и непрерываемых. В точности как у наших племен. Неудивительно, что ты сбежал.

– Все, что я сделал, – отправился в Катхад изучать то, что было недоступно мне в Стсе, – сказал Хавжива с улыбкой. – В чем суть и смысл правил. Почему люди нужны друг другу. Экология человека. Все то же самое, что и тут, на Йеове, все эти долгие годы. Мы ведь здесь тоже пытаемся создать свод приемлемых правил – узор, порождающий приятные ощущения. – Поднявшись, Хавжива потянулся. – Кажется, я уже пьян. Может, подышим воздухом?

Они вышли в солнечный сад и стали бродить по извилистым дорожкам среди пышной зелени и цветочных клумб. Йерон кивала встречным прохожим, почтительно приветствующим доктора полным ее титулом. Она гордо шагала под руку с Хавживой. Он же старательно соразмерял свою походку с ее семенящим старческим шагом.

– Когда приходится неподвижно сидеть, тебя так и тянет в полет, – сказал Хавжива, нежно поглаживая шишковатые пальцы спутницы. – Когда же приходится лететь, так и тянет присесть. Я обучался сидя – у себя в Стсе. Я обучался и в полете – вместе с историками. Но и там я был не в силах обрести равновесие.

– Тогда ты и пришел к нам, – сказала Йерон.

– Тогда я и пришел к вам.

– И ты обрел его?

– Я научился ходить, – ответил Хавжива. – Ходить рука об руку со своим народом.

Освобождение женщины

Близкий друг попросил записать историю моей жизни, считая, что она может представить интерес для людей других миров и времен. Я обыкновенная женщина, но мне довелось жить в годы великих перемен, и я всем существом поняла, в чем суть рабства и смысл свободы.

Вплоть до зрелых лет я не умела читать и писать и посему прошу простить ошибки, которые я сделаю в своем повествовании.

Я была рождена рабыней на планете Уэрел. Ребенком я носила имя Шомеке Радоссе Ракам. Что значило «собственность семьи Шомеке, внучка Доссе, внучка Камаи». Род Шомеке владел угодьями на восточном побережье Вое-Део. Доссе была моей бабушкой. Камье – Владыкой всемогущим.

В имуществе Шомеке входило больше четырехсот особей; большей частью они возделывал поля, где пасли коров на пастбищах сладкой травы, работали на мельницах и обслуживали в Доме. Род Шомеке был прославлен в истории. Наш хозяин считался заметной политической фигурой и часто пропадал в столице.

Имущество получало имена по бабушке, потому что именно она растила детей. Мать работала весь день, а отцов не существовало. Женщины всегда зачинали детей не только от одного мужчины. Если даже тот знал, что ребенок от него, это его не заботило. В любой момент его могли продать или обменять. Молодые мужчины редко оставались в поместье надолго. Если они представляли собой какую-то ценность, их сбывали в другие усадьбы или продавали на фабрики. А если от них не было никакого толка, им оставалось работать до самой смерти.

Женщин продавали нечасто. Молодых держали для работы и размножения, пожилые растили детей и содержали поселение в порядке. В некоторых поместьях женщины рожали каждый год вплоть до смерти, но в нашем большинство имели всего по два или три ребенка. Шомеке ценили женщин лишь как рабочую силу. И не хотели, чтобы мужчины вечно болтались вокруг них. Бабушки одобряли такое положение дел и бдительно оберегали молодых женщин.

Я упоминаю мужчин, женщин, детей, но надо сказать, что нас не называли ни мужчинами, ни женщинами, ни детьми. Только наши хозяева имели право так именовать себя. Мы, имущество, или рабы, мужчины и женщины, были невольниками, а дети – щенками. И я стану пользоваться этими словами, хотя вот уже много лет в этом благословенном мире не слышала и не употребляла их. Частью поселения, что примыкала к воротам и где жили невольники мужского пола, управляли надсмотрщики, мужчины, некоторые из них были родственниками Шомеке, а остальные – наемниками. Внутри поселения обитали дети и женщины. К ним имели свободный допуск двое вольнорезанных, кастратов из невольников, которых называли надсмотрщиками, но на самом деле правили тут бабушки. Без их соизволения в поселении ничего не происходило.

Если бабушки говорили, что та или иная одушевленная скотина слишком слаба, чтобы работать, надсмотрщики позволяли той оставаться дома. Порой бабушки могли спасти невольника от продажи, случалось, оберегали какую-нибудь девушку, чтобы та не зачала от нескольких мужчин, или давали предохранительные средства хрупкой девчонке. Все в поселении подчинялось совету бабушек. Но если какая-то из них позволяла себе слишком много, надсмотрщики могли засечь ее, или ослепить, или отрубить ей руки. Когда я была маленькой, в поселении жила старуха, которую мы называли прабабушка, – у нее вместо глаз зияли дыры и не было языка. Я думала, что такой она стала с годами. И боялась, что у моей бабушки Доссе язык тоже усохнет во рту. Как-то раз я сказала ей об этом.

– Нет, – ответила она. – Он не станет короче, потому что я не позволяла ему быть слишком длинным.

В этом поселении я и жила. Тут мать произвела меня на свет, и ей было позволено три месяца нянчить меня; затем меня отняли от груди и стали вскармливать коровьим молоком, а моя мать вернулась в Дом. Ее звали Шомеке Райова Йова. Она была светлокотей, как и большинство остального имущества, но очень красивой, с хрупкими запястьями и лодыжками и тонкими чертами лица. Моя бабушка тоже была светлой, но я отличалась смуглостью и была темнее всех в поселении.

Мать приходила навещать меня, и кастраты позволяли ей проходить через воротца. Как-то она застала меня, когда я растирала по телу серую пыль. Когда она стала бранить меня, я объяснила, что хочу выглядеть как все остальные.

– Послушай, Ракам, – сказала она мне, – они люди пыли и праха. И им никогда не подняться из него. Тебе же суждено нечто лучшее. Ты будешь красавицей. Как ты думаешь, почему ты такая черная?

Я не понимала, что она имела в виду.

– Когда-нибудь я расскажу тебе, кто твой отец, – сказала она, словно обещала преподнести дар.

Я знала, что жеребец, принадлежащий Шомеке, дорогое и ценное животное, покрывал кобыл в других поместьях. Но понятия не имела, что отцом может быть и человек.

Тем же вечером я гордо сказала бабушке:

– Я красивая, потому что моим отцом был черный жеребец!

Доссе дала мне такую оплеуху, что я полетела на пол и заплакала.

– Никогда не говори о своем отце! – сказала она.

Я знала, что между матерью и бабушкой состоялся гневный разговор, но лишь много времени спустя догадалась, что явилось его причиной. И даже сейчас не уверена, поняла ли я все, что существовало между ними.

Мы, стаи щенят, носились по поселению. И ровно ничего не знали о том мире, что лежал за его стенами. Вся наша вселенная состояла из хижин рабынь и «длинных домов», в которых обитали мужчины, из огородика при кухне и голой площадки, почва на которой была утрамбована нашими босыми пятками. Я считала, нам никогда не покинуть этих высоких стен.

Когда ранним утром заводские и сельские тянулись к воротам, я не знала, куда они отправляются. Они просто исчезали. И весь нескончаемый день поселение принадлежало только нам, щенкам, которые, голые летом, да и зимой, носились по нему, играли с палками и камнями, копошились в грязи и удирали от бабушек до тех пор, пока сами не прибегали к ним, прося что-нибудь поесть, или же пока те не заставляли нас пропалывать огород.

Поздним вечером возвращались работники и под охраной надсмотрщиков медленно входили в ворота. Некоторые из них были понурыми и усталыми, а другие весело переговаривались между собой. Когда последний переступал порог, высокие створки ворот захлопывались. Из очагов поднимались струйки дыма. Приятно пахло тлеющими лепешками коровьего навоза. Люди собирались на крылечках хижин и «длинных домов». Мужчины и женщины тянулись ко рву, который отделял одну часть поселения от другой, и переговаривались через него. После еды тот, кто свободно владел словом, читал благодарственную молитву статуе Туал, мы возносили наши моления Камье, и все расходились спать, кроме тех, кто собирался «попрыгать через канаву». Порой летними вечерами разрешалось петь или танцевать. Зимой один из дедушек – бедный, старый, немощный мужчина, которого было и не сравнить с бабушками, – случалось, «пел слово». То есть так мы называли разучивание «Аркамье». Каждый вечер кто-то произносил, а другие заучивали священные строки. Зимними вечерами один из этих старых, бесполезных рабов, который продолжал существовать

лишь по милости бабушек, начинал «петь слово». И тогда даже мы, малышня, должны были слушать это повествование.

Моей сердечной подружкой была Валсу. Она была крупнее меня и выступала моей защитницей, когда среди молодых возникали ссоры и драки или когда детишки постарше дразнили меня «Черной» или «Хозяйкой». Я была маленькой, но отличалась отчаянным характером. И нас с Валсу задевать остерегались. Но потом Валсу стали посылать за ворота. Ее мать затяжелела, стала неповоротливой, и ей потребовалась помощь в поле, чтобы выполнять свою норму.

Посевы где-то убирать можно было только руками. Каждый день вызревала новая порция стеблей, которые приходилось выдергивать, поэтому сборщики где-то каждые двадцать или тридцать дней возвращались на уже знакомое поле, после чего переходили к более поздним посевам. Валсу помогала матери прореживать отведенные ей борозды. Когда мать слегла, Валсу заняла ее место, и девочке помогли выполнить норму матери. По подсчетам владельца, ей было тогда шесть лет, ибо всем одногодкам имущества определяли один и тот же день рождения, который приходился на начало года, что вступал в силу с приходом весны. На самом деле ей было не меньше семи. Ее мать плохо себя чувствовала до родов и после, и все это время Валсу подменяла ее на полях где-то. И, возвращаясь, она больше не играла, ибо вечерами успевала только поесть и лечь спать.

Как-то мы повидались с ней и поговорили. Она гордилась своей работой. Я завидовала ей и мечтала переступить порог ворот. Провожая ее, я смотрела сквозь проем на окружающий мир. И мне казалось, что стены поселения сдвигаются вокруг меня.

Я сказала бабушке Доссе, что хочу работать на полях.

– Ты еще слишком маленькая.

– К новому году мне будет семь лет.

– Твоя мать пообещала, что не выпустит тебя за ворота.

На следующий раз, когда мать навестила меня в поселении, я сказала ей:

– Бабушка не выпускает меня за ворота. А я хочу работать вместе с Валсу.

– Никогда, – ответила мать. – Ты рождена для лучшей участи.

– Для какой?

– Увидишь.

Она улыбнулась мне. Я догадывалась, что она имела в виду Дом, в котором работала сама. Она часто рассказывала мне об удивительных вещах, которыми был полон Дом, ярких и блестящих, хрупких, чистых и изящных предметах. В Доме стояла тишина, говорила она. Моя мать носила красивый красный шарф, голос у нее был мягким и спокойным, а ее одежда и тело – всегда чистыми и свежими.

– Когда увижу?

Я приставала к ней, пока она не сказала:

– Ну хорошо! Я спрошу у миледи.

– О чем спросишь?

О миледи я знала лишь, что она была очень хрупкой и стройной и что моя мать каким-то образом принадлежала ей, чем очень гордилась. Я знала, что красный шарф матери подарила миледи.

– Я спрошу ее, можно ли начать готовить тебя для пребывания в Доме.

Моя мать произносила слово «Дом» с таким благоговением, что я воспринимала его как великое святилище, подобное тому, о котором говорилось в наших молитвах: «Могу ли я войти в сей чистый дом, в покои принца?»

Я пришла в такой восторг, что стала плясать и петь: «Я иду в Дом, в Дом!» Мать шлепнула меня и сделала выговор за то, что я не умею себя вести. «Ты еще совсем маленькая! –

сказала она. – И не умеешь вести себя! И если тебя выставят из Дома, ты уже никогда не вернешься в него».

Я пообещала, что буду вести себя, как подобает взрослому.

– Ты должна делать все абсолютно правильно, – сказала мне Йова. – Когда я что-то говорю тебе, ты должна слушаться. Никогда ни о чем не спрашивать. Никогда не медлить. Если миледи увидит, что ты не умеешь себя вести, то отошлет тебя обратно. И тогда для тебя все будет кончено. Навсегда.

Я пообещала, что буду слушаться. Я пообещала, что буду подчиняться сразу и безоговорочно и не открывать рта. И чем больше мать пугала меня, тем сильнее мне хотелось увидеть этот волшебный сияющий Дом.

Расставшись с матерью, я не верила, что она осмелится поговорить с миледи. Я не привыкла к тому, что обещания исполняются. Но через несколько дней мать вернулась, и я увидела, как она говорит с бабушкой. Сначала Доссе разозлилась и стала кричать. Я притаилась под окном хижины и все услышала. Я слышала, как бабушка заплакала. Я удивилась и испугалась. Бабушка была терпелива со мной, всегда заботилась обо мне и хорошо меня кормила. И пока она не заплакала, мне не приходило в голову, что у нас могут быть и другие отношения. Ее слезы заставили заплакать и меня, словно я была частью ее самой.

– Ты должна оставить мне ее еще на год, – говорила бабушка. – Она же совсем ребенок. Я не могу выпустить ее за ворота. – Она молила, словно перестала быть бабушкой и потеряла всю свою властность. – Йова, она моя радость!

– Разве ты не хочешь, чтобы ей было хорошо?

– Всего лишь год. Она слишком несдержанна, чтобы находиться в Доме.

– Она и так слишком долго находится в неопределенном состоянии. И если останется здесь, ее пошлют на поля. Еще год – и ее не возьмут в Дом. Она покроется пылью и прахом. Так что не стоит плакать. Я обратилась к миледи, и та ждет. Я не могу возвратиться одна.

– Йова, не позволяй, чтобы ее обижали, – очень тихо проговорила Доссе, словно стесняясь таких слов перед дочерью, и тем не менее в ее голосе слышалась сила.

– Я забираю ее, чтобы обереечь от бед, – сказала моя мать. Затем она позвала меня, я вытерла слезы и последовала за ней.

Как ни странно, но я не помню ни мою первую встречу с миром за пределами поселения, ни первое впечатление от Дома. Могу лишь предполагать, что от испуга не поднимала глаз и все вокруг казалось настолько странным, что я просто не понимала, что происходит. Знаю, что минуло несколько дней, прежде чем мать отвела меня к леди Тазеу. Ей пришлось основательно подраить меня щеткой и многому научить, дабы увериться, что я не опозорю ее. Я была испугана, когда она взяла меня за руку и, шепотом внушая строгие наставления, повела из жилища рабов через залы с дверьми цветного дерева, пока мы не оказались в светлой солнечной комнате без крыши, заплетенной цветами, что росли в горшках.

Вряд ли мне доводилось раньше видеть цветы – разве что сорняки в садике у кухни, – и я смотрела на них во все глаза. Матери пришлось дернуть меня за руку, чтобы заставить взглянуть на женщину, которая полулежала в кресле среди цветов, в удобном изящном платье, столь ярком, что оно не уступало цветам. Я с трудом отличала одно от другого. У женщины были длинные блестящие волосы и такая же блестящая черная кожа. Мать подтолкнула меня, и я сделала все так, как она старательно учила меня: подойдя, опустилась перед креслом на колени и застыла в ожидании, а когда женщина протянула длинную, тонкую, черную руку с лазурно-голубой ладонью, я прижалась к ней лбом. Далее предстояло сказать: «Я ваша рабыня Ракам, мэм» – но голос отказался подчиняться мне.

– Какая милая маленькая девочка, – сказала леди. – И такая темная. – На последних словах ее голос слегка дрогнул.

– Надсмотрщики приходили... в ту ночь, – с застенчивой улыбкой сказала Йова и смущенно опустила глаза.

– В чем нет сомнения, – сказала женщина. Я осмелилась еще раз глянуть на нее. Она была прекрасна. Я даже не представляла себе, что человеческое создание может быть столь красиво. Она снова протянула длинную нежную руку и погладила меня по щеке и шее. – Очень, очень мила, Йова, – сказала женщина. – Ты поступила совершенно правильно, что привела ее сюда. Она уже принимала ванну?

Ей бы не пришлось задавать такой вопрос, если бы она увидела меня в первый же день, покрытую грязью и благоухающую навозом, что шел на растопку очагов. Она ничего не знала о поселении. И не имела представления о жизни за пределами безы, женской половины Дома. Она жила в ней столь же замкнуто, как я в поселении, ничего не зная о том, что делалось за ее пределами. Она никогда не обоняла навозные запахи, так же как я никогда не видела цветов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.